

ФИБИ КОНН

Блондинка или брюнетка?

ШАРМ

Загадочная смерть старшего брата потрясла британского аристократа Эвана Синклера настолько, что мужественный лорд поклялся безжалостно за эту гибель отомстить. Любой ценой. Даже если цена эта — брак с коварной зеленоглазой венецианкой Бьянкой Антонелли, таинственно связанной с тем, что Эван считает жестоким преступлением...

Однако может ли единственная улика определить судьбу бесстрашного мужчины и обворожительной женщины, которым само небо предназначило полюбить друг друга со всею пламенной силою подлинной страсти?..

Фиби Конн

Блондинка или брюнетка?

Эван сидел, протянув ноги к камину. Каблуки его начищенных до блеска черных сапог едва не касались пламени, тонкие пальцы осторожно придерживали бокал с бренди. В библиотеке царил полумрак, и лишь огонь, полыхавший в камине, освещал прекрасное лицо молодого человека. В его темно-каштановых волосах сверкали отблески пламени; карие глаза светились теплым золотистым светом, и в глазах этих было отчаяние. Отчим Эвана снова заговорил, но тот не сразу к нему повернулся.

— Ты знаешь, что необходимо сделать, — с грустью заметил Льюис Грей.

— Конечно. Я должен сам наказать убийцу Чарльза, поскольку совершенно ясно, что власти Венеции этого никогда не сделают. Они объявили его смерть «несчастливым случаем во время ограбления», но мы оба знаем, что это — гнусная ложь.

Льюис кивнул в знак согласия.

— Я бы с радостью отправился сам, но не рискую оставить твою мать наедине с ее горем. Бессмысленная и ужасная смерть Чарльза стала для нее сильнейшим ударом.

— Тебе и думать нельзя об этой поездке! — воскликнул Эван. — Я должен поехать, потому что не связан никакими обязательствами. Чарльз был похож на тебя и носил твое имя, а меня никто не признает его родственником, когда я окажусь в Венеции. Правда, у нас мало улик, но придется довольствоваться ими.

— Дамский носовой платок с вышитой буквой «А», отделанный кружевом. И восторженные записи об этой таинственной незнакомке в дневнике Чарльза. Ты считаешь, что, располагая столь скудными сведениями, сумеешь найти золотоволосую богиню, которая обрекла твоего брата на смерть?

Эван потянулся, и ноги его оказались в опасной близости от полыхавшего в камине пламени.

— Я найду ее даже у врат ада, но ведь не она виновна в смерти Чарльза. Это должен быть мужчина, одержимый любовью. Ее жених, любовник, муж, может, даже отец — человек, который не мог позволить Чарльзу заигрывать с ней, который решил во что бы то ни стало помешать этому. Кто бы это ни был, я найду его и заставлю проклинать тот день, когда он появился на свет.

Уловив нотки отчаяния в голосе пасынка, Льюис счел необходимым его предостеречь:

— Ты должен проявлять осторожность, Эван. Мы не можем потерять еще и тебя. Мы с твоей матерью не перенесем такого удара. — Он немного помолчал, потом продолжил: — Тебе было всего восемь, когда я женился на Марион и родился Чарльз. Но я никогда не видел вражды между вами. Ты был образцовым старшим братом, и я советовал Чарльзу брать с тебя пример. Поэтому вполне справедливо, что именно ты должен отомстить за его смерть. Но все же подвергать твою жизнь опасности...

Эван осторожно коснулся руки отчима.

— Не тревожься. Если англичанам не удалось убить меня за столько лет войны, то один венецианец тем более не сможет.

Льюис на мгновение накрыл руку Эвана своей. Потом откинулся на спинку кресла и

закрыв глаза, чтобы тот не видел его слез. Помолчав какое-то время, он наконец взял себя в руки и снова заговорил:

— Понимаю, что нынешний вечер, вероятно, не самый подходящий для подобного разговора... Но я хочу, чтобы ты женился, когда вернешься домой. Да и твоя мать об этом мечтает.

Эван неодобрительно взглянул на отчима; он находил этот разговор совершенно неуместным.

— Женишься? Льюис, ты, должно быть, шутишь!

— Да нет же, я совершенно серьезен. Только подумай о тех благах, которые принесет тебе женитьба. В Ньюпорт-Ньюсе немало молодых красавиц, которые охотно выйдут за тебя замуж. Например, Шейла Бланшар. А если здесь тебе никто не нравится, то можешь поискать в Ричмонде, там тоже много прелестных молодых женщин. Выбери жену и заводь детей. Тебе тридцать два года, и ты богат. Ты, несомненно, уже завел бы семью, если б не война.

— Я подумаю над твоим советом, когда вернусь, — пообещал Эван, но для себя он эту тему уже закрыл. — А пока мне следует заняться подготовкой к отъезду.

— Да, конечно. Тебе необходимо отплыть, как только закончится погрузка провианта на «Феникс». Чем быстрее ты нанесешь удар, тем неожиданнее окажется месть. Но умоляю тебя, будь осторожен!

Попрощавшись, Льюис удалился. Эван же, по-прежнему сидя у огня, думал о брате. Белокурый и голубоглазый Чарльз был всегда приветлив и весел. Но все-таки его убили... Эту женщину Чарльз называл «зеленоглазой искустельницей, чьи шелковистые волосы похожи на солнечное сияние». Последние страницы дневника Чарльза были заполнены поэтическими восхвалениями красоты этой дамы, но нигде не упоминалось ее имя — только буква «А», вышитая на носовом платке. Возможно, Чарльз и не знал ее имени. Неужели он лишь издалека восхищался ее красотой и даже этим обрек себя на смерть? Эван поклялся, что получит ответы на все эти вопросы.

День был очень утомительным. Вокруг беспрестанно суетились заботливые родственники и друзья, оставшиеся с ними после панихиды по Чарльзу, чтобы как-то утешить их. И только сейчас, в одиночестве, Эван дал нолю слезам — он оплакивал молодого красивого Чарльза, который в свои двадцать четыре года нашел не только любовь, но и смерть. Чарльз не должен был умереть так бессмысленно. Он направлялся к женщине, которую боготворил, и ему нанесли удар ножом в спину. Но это не было ограблением, вовсе нет. В его карманах нашли деньги, на пальце осталось золотое кольцо. Кто же мог совершить это злодейское убийство? Этот вопрос мучил Эвана, терзал его душу, и постепенно у него начал складываться план действий. Вдохновленный собственной изобретательностью, Эван поспешно вытер слезы. Затем допил бренди и, поднявшись по лестнице, рухнул в постель. Засыпая, он думал о том, что вскоре заставит убийцу Чарльза сполна заплатить за содеянное.

Глава 1

Стефано Томмази долго изучал яркие краски на своей палитре, прежде чем приступить к их смешиванию. Он искал такой оттенок, от которого золотисто-белокурые волосы Бьянки Антонелли «заиграли» бы на холсте. Стефано был удовлетворен тем, что ему удалось отобразить тонкие черты лица молодой женщины, изумрудный блеск ее глаз, обрамленных длинными ресницами, и бархатистость безупречной кремовой кожи. Но вот этот великолепный оттенок отливавших золотом локонов все время ускользал от него.

— Я больше ни минуты не выдержу в такой позе, Стефано. Не могли бы мы закончить на сегодня? — нахмурилась Бьянка; в ее обычно мелодичном голосе звучали жалобные нотки.

— Твоя красота подобна красоте Венеры Боттичелли, моя драгоценная. Не могла бы ты позаимствовать у нее и терпение? — Заметив, однако, что Бьянка сегодня еще более беспокойна, чем обычно, Стефано нанес несколько легких мазков на холст и проговорил: — Я вижу, что это бессмысленно. В сезон карнавалов ты весь день зеваешь. Но вряд ли ты пропустишь бал у Паоло сегодня вечером.

Бьянка встала и потянулась с кошачьей грацией.

— Я обожаю карнавалы, Стефано. Да и как же можно их не любить? Такой замечательной музыки и таких танцев в другое время года просто не бывает. — Двигимая любопытством, она подошла к холсту. — Сколько еще дней я должна выносить эту пытку, чтобы мои родители наконец-то получили мой портрет? — спросила она, тряхнув своими золотистыми локонами.

— Один-два дня, если будешь сидеть спокойно, и недели две, если будешь постоянно вскакивать, — ответил Стефано со смешком.

— Не дразни меня, Стефано. Я никогда не могла высидеть спокойно и минуты. Скоро ты начнешь писать портрет Рафаэлла, так что потерпи.

Услышав свое имя, кузина Бьянки, склонившаяся над книгой, подняла голову. Устроившись у окна, она полдня не поднималась с места.

— Прошу прощения, я что-то пропустила? Стефано повернулся и посмотрел на довольно изящную темноволосую девушку. Впрочем, Рафаэлла была лишена той поразительной красоты, которой обладала Бьянка, и Стефано не горел желанием работать над ее портретом. Тем не менее он улыбнулся:

— О... Я собираюсь написать тебя с книгой в руках, моя милая. Ведь это так типично для тебя, правда?

Рафаэлла застенчиво улыбнулась и, поднявшись, взяла свою накидку.

— Да, верно, — кивнула она.

Стефано взял тряпку, вытер руки и повернулся к Бьянке:

— Возможно, после того как я закончу портрет Рафаэлла, ты все же подумаешь над моим предложением.

Бьянка засмеялась:

— Мне всего шестнадцать лет. Как ты думаешь, что произойдет, если мои родители узнают, что я позировала обнаженной? И потом, надо подумать и о чувствах Паоло Саммарезе.

— Но ни твоим родителям, ни Паоло вовсе не обязательно об этом знать, — заметил

Стефано. — Я выставлю портрет не здесь, в Венеции, а во Флоренции.

— Даже эта предосторожность не спасет мою репутацию, — здраво рассудила Бьянка. — Каждый, кто увидит такую картину, подумает, что ты соблазнил меня. И мое имя недолго будет оставаться тайной после такого скандала. — Пристально взглянув на художника, Бьянка прошептала: — И как ты ответишь на подобное обвинение?

— Я, возможно, скажу, что это ты соблазнила меня, — улыбнулся художник; у него было слишком много богатых покровителей, и он не испугался угрозы юной красавицы.

Бьянка любила поддразнивать мужчин, но ей совсем не нравилось, когда они в ответ проявляли находчивость. Нахмурившись, она надела накидку и проговорила:

— Думаю, одного портрета будет достаточно, Стефано. У меня нет желания позировать еще для одного, тем более обнаженной.

— Бьянка, я никогда бы не запятнал твою репутацию, — возразил Стефано. — Ведь твоя семья — одна из самых влиятельных в Венеции, а я всего лишь скромный художник. Твое лицо и твоя фигура божественны, но я хочу только рисовать тебя, а не обладать тобой. Здесь, в моей мастерской, твоей чести ничто не угрожает.

Заметив яркий румянец на щеках Бьянки, Стефано невольно задумался: а не преуспел ли уже Паоло Саммарезе, не соблазнил ли он эту своенравную красавицу? Однако такие мысли были слишком опасны. Художник улыбнулся и проводил посетительницу к двери, ведущей к узкому каналу, где на воде покачивалась черная гондола. Нарядно одетый гондольер мгновенно вскочил и помог молодым дамам спуститься в гондолу.

— Я приложу все силы, чтобы закончить твой портрет к завтрашнему дню, Бьянка, — проговорил Стефано. — Это будет мой шедевр до тех пор, пока ты не согласишься позировать для следующего портрета. — Художник лукаво подмигнул, но улыбка, тронувшая губы Бьянки, была настолько мимолетной, что ее никак нельзя было истолковать как согласие.

— Обнаженной! Да как он смеет предлагать подобное? — зашептала взволнованная Рафаэлла. — Ты ведь будешь сопровождать меня, когда я начну позировать ему, правда?

— Конечно, буду, хотя не представляю, чем я смогу занять себя. Однако тебе не стоит тревожиться из-за Стефано. Он просто дразнил меня, поскольку со мной ужасно трудно работать.

Когда молодые дамы вернулись во дворец Антонелли на Большом канале, они тотчас же поднялись по широкой мраморной лестнице в комнату Бьянки, где уже было разложено множество карнавальных костюмов. Бьянка, выбирая костюм, как всегда, шокировала свою более сдержанную кузину.

— Пожалуй, сегодня вечером я буду богиней Флорой. Этот желтый шелк очень мил. И если под него ничего не надевать...

Рафаэлла в ужасе воскликнула:

— Бьянка, тогда с таким же успехом ты можешь позировать Стефано обнаженной! Ты собираешься поставить нас всех в неловкое положение!

С вызовом взглянув на кузину, Бьянка прикрыла свою пышную грудь почти прозрачной вуалью из золотистого шелка.

— Не торопись с выводами, Рафаэлла. Чтобы сыграть роль Флоры, мне понадобятся лишь маска и роза на длинном стебле. А платье, может, вообще не потребуется.

— Ты не посмеешь! — воскликнула Рафаэлла, вовсе не уверенная в том, что Бьянка побоится явиться на маскарад практически раздетой. Для себя она выбрала платье из темно-

голубого бархата со звездами, вышитыми золотой нитью. Опасаясь, что кузина станет высмеивать ее за скромность, Рафаэлла спросила: — Чего ты добиваешься? Хочешь, чтобы Паоло расторг вашу помолвку? И ведь тебе нравится заигрывать с молодыми людьми. Но что будет, если один из них ответит тебе тем же?

Бьянка громко рассмеялась.

— Ты же знаешь, что Паоло считает меня своей невестой со дня моего рождения. Он смотрит на меня как на свою собственность. Так какой же молодой человек осмелится ухаживать за мной?

Озадаченная словами своей прелестной кузины, Рафаэлла нахмурилась:

— Паоло так красив. И он богат. Неужели ты не желаешь такого мужа?

Бьянка надела элегантное шелковое платье, крошечные складки которого подчеркивали ее пышную высокую грудь.

— Пожалуй, раньше никто не задавал мне этот вопрос. Что ж, я тоже нахожу Паоло красивым, но не желаю быть его женой. Ему не нравится все, что я делаю, не нравится то, что улыбаюсь, когда он хочет быть серьезным, что я смеюсь раньше, чем он поймет смысл шутки. Я порывиста, а он всегда спокоен. Так что мы неудачная пара. Если бы только он признал это и нашел себе другую невесту! Тогда мы оба были бы гораздо счастливее.

Рафаэлла смотрела, как Бьянка поднимает свои золотистые локоны и закрепляет их желтым бархатным бантом и гребнями, украшенными жемчугом. Несколько прядей свободно ниспадали на шею.

— Твой отец слишком честолюбив, чтобы позволить тебе отказаться от предложения Паоло. Я удивлена, что до сих пор не назначен день вашей свадьбы.

Бьянка еще несколько минут постояла у зеркала, затем отступила, давая возможность Рафаэлле привести себя в порядок.

— Они с Паоло ждут, когда я повзрелею. Полагают, что через год-два я стану не только красавицей, но разумной и серьезной женой. Они, однако, очень ошибаются, потому что я не переменюсь. — Золотоволосая красавица, расправив плечи, надела жемчужные серьги и браслет и взяла маску. Изготовленная из папье-маше и изящно расписанная полевыми цветами, маска закрывала лишь глаза.

Завершив туалет, Бьянка вышла на балкон, откуда открывался вид на Большой канал. С грустью в голосе она проговорила:

— Какая чудесная ночь! Жаль только, что...

— О чем ты жалеешь? — спросила Рафаэлла, закончив расчесывать свои блестящие темные локоны.

— О том, что никогда не сбудется, — тихо ответила Бьянка. Словами невозможно было выразить тоску, временами заполнявшую ее сердце, а этим вечером тоска, казалось, была особенно острой. Паоло был красив и богат, и все же мысль о встрече с ним этим вечером или в любой другой день не приносила ей ни малейшей радости, а лишь страх, грозивший наполнить ее сверкающие зеленые глаза слезами печали. Наконец, сумев отвлечь себя более приятными мыслями, она повернулась к Рафаэлле: — Марко Кьяни ведь будет там сегодня, да?

Стройная брюнетка вспыхнула как маков цвет.

— Надеюсь, но вряд ли он обратит на меня внимание.

— Возможно, Рафаэлла, тебе следует приветливо улыбнуться ему, когда он будет проходить мимо. Ты ужасно застенчива, так что едва ли он понимает, что ты находишь его

привлекательным.

— Я не кокетка! — заявила Рафаэлла, пришедшая в ужас от совета Бьянки.

Тяжко вздохнув, Бьянка взяла кузину за руку и подтолкнула к двери.

— Я же не советую тебе похлопывать его веером по груди, когда говоришь с ним. Просто улыбнись, и для начала этого будет достаточно.

Бьянка знала, что Рафаэлла считает ее ужасной кокеткой, но сама она находила свое поведение вполне естественным. Если бы только Паоло нравился ей так же, как Марко нравится Рафаэлле, тогда бы она с нетерпением ожидала нынешнего вечера.

Они пробыли на балу больше часа, когда там появились Марко Кьяни и высокий мужчина в черном плаще, который он тут же сбросил, оставшись в черном бархатном костюме, богато расшитом золотой нитью. Все взгляды устремились на незнакомца; он же пересек зал, чтобы быть представленным хозяину, Паоло Саммарезе. Заинтригованная неожиданным появлением столь импозантного мужчины, Бьянка направилась к Паоло в надежде быть представленной новому гостю. Она прекрасно знала всех влиятельных людей Венеции и легко узнавала их даже в масках. Но этот человек явно был иностранцем. Его элегантный костюм сидел на нем прекрасно, а золотистая маска и шляпа с пером скрывали почти все лицо — Бьянка видела лишь чувственные губы и волевой подбородок. Решив, что незнакомец, должно быть, очень красив, Бьянка заговорила с ним, едва их представили друг другу.

— Рада с вами познакомиться, господин Синклер. Моя мать родом из Англии, и я буду счастлива переводить для вас сегодня, если Марко вдруг устанет.

Эван усмехнулся:

— Я теперь не британский подданный, а гражданин Соединенных Штатов и уверен, что меня будут прекрасно развлекать и без вашей помощи, мисс Антонелли.

Бьянка, оскорбленная, вспыхнула.

— Как пожелаете, господин Синклер, — ледяным тоном проговорила красавица. Когда Эван и Марко отошли, она взглянула на Паоло. — Как ты полагаешь, все американцы так грубы?

— Американец был с тобой груб? — с рассеянным видом поинтересовался Паоло. Впрочем, он весьма обрадовался тому обстоятельству, что Эван Синклер не проявил интереса к Бьянке. Поэтому с улыбкой добавил: — Я прошу ему отсутствие хороших манер, поскольку он здесь по делу. Марко мне сообщил, что Синклер прибыл к нам для закупки венецианского стекла, и я не стану оскорблять выгодного покупателя.

Бьянка отвернулась, возмущенная тем, что Паоло думает лишь о своих деловых интересах. Она, разумеется, всегда знала о том, что деньги — первоочередная забота Паоло. И сейчас ей ужасно хотелось сказать ему, что именно из-за его алчности она не желает выходить за него замуж. Однако Бьянка на сей раз сдержалась, решив, что при первой же возможности непременно выскажет Паоло все, что думает о нем.

И тут к ней подошла Рафаэлла и тихонько прошептала:

— Скажи, кто это рядом с Марко?

— Его зовут Эван Синклер, и он приплыл из Америки, чтобы купить венецианское стекло. Правда, не представляю, зачем дикарям это стекло, — усмехнулась Бьянка.

— Дикарям? — удивилась Рафаэлла. — Неужели Марко так назвал его?

— Нет, разумеется. Это я так сказала! Оставшуюся часть вечера Бьянка кокетничала с молодыми людьми, которых, впрочем, считала юнцами. Но у нее не было ни малейшего

желания оставаться наедине с Паоло. Когда же в полночь гостей попросили снять маски, она поняла, что высматривает в толпе Эвана Синклера. Бьянка стояла в самом углу великолепно украшенного зала и прекрасно видела всех гостей. Не заметив американца, она решила, что он, очевидно, уже покинул маскарад. Что ж, поскольку Синклер оказался столь неучтивым, то возможно, он вовсе не так уж красив, размышляла Бьянка. И тут кто-то, подошедший сзади, легонько коснулся ее плеча. Красавица посторонилась — и ахнула, увидев Эвана. Но тот лишь усмехнулся, коротко кивнул ей и прошел мимо. Бьянка смотрела ему вслед, пока он не исчез в толпе. Синклер снял шляпу и маску; у него были чудесные темно-каштановые волосы и карие глаза с удивительным золотистым блеском. И конечно же, как и предполагала Бьянка, он оказался на редкость привлекательным мужчиной. Внезапно почувствовав сильнейшее влечение к этому американцу, Бьянка густо покраснела. Ей казалась оскорбительной сама мысль о том, что Эван Синклер мог вызвать в ней такие сильные чувства — ведь он даже не снизошел до учтивости! Неужели этот удивительный незнакомец невзлюбил ее только потому, что ее мать — англичанка? Но ведь война за независимость американских колоний уже завершилась... Так почему же он столь нелюбезен с ней? Когда пришло время уезжать с бала, Бьянка была почти в слезах — настолько ее огорчили события этого вечера. Решив, что его невеста просто устала, Паоло не стал ее задерживать и занялся другими гостями, готовившимися к отъезду.

Бьянка стояла рядом с кузиной в ожидании гондолы. Внезапно к ней подошел Эван Синклер. В следующее мгновение он набросил на нее свой плащ и, подхватив на руки, усадил в гондолу, только что поравнявшуюся со ступенями. Бьянка лишь успела взглянуть на Рафаэлла, к которой в это мгновение подошел Марко Кьяни. Бьянка сразу поняла: Марко заодно с американцем, но она не успела позвать на помощь, потому что Эван усадил ее рядом с собой и прикрыл ей рот ладонью. Бьянка в ужасе задрожала, решив, что этот человек задумал сотворить с ней... нечто ужасное.

И тут гондола заскользила по водам Большого канала. Затем свернула в один из многочисленных боковых рукавов. Убедившись, что отъезжающие гости ничего не заметили и никто не преследует гондолу, Эван тихо прошептал:

— Сиди тихо, скоро я доставлю тебя домой.

Бьянка снова попыталась вырваться, но американец усадил ее к себе на колени и крепко прижал к груди.

— Тише! Я всего лишь хочу поговорить с тобой, так что не нужно вырываться. — Убедившись, что никто не последует за ними, если Бьянка закричит, Эван убрал ладонь с ее губ.

— Как вы смее так грубо обращаться со мной?! — в гневе закричала она, хватая воздух ртом. — Мы же были вместе на маскараде и могли бы поговорить там, если б вы захотели этого.

— Прошу прощения, что так разочаровал тебя, — ответил Эван со смешком. — Но мне нужно было кое-что узнать, прежде чем поговорить с тобой.

Бьянка с любопытством посмотрела на Эвана. Как и прежде, ее зачаровал золотистый блеск его глаз — казалось, в них плещется жидкое пламя. «Наверное, такие же глаза у дьявола», — подумала она и невольно отстранилась от американца.

Эван пристально взглянул на нее — и вдруг, охваченный внезапным желанием, привлек красавицу к себе и впился поцелуем в ее губы. Однако вопреки его ожиданиям Бьянка не стала более податливой.

Как только он отпустил ее, она начала звать на помощь гондольера.

— Я щедро заплатил ему сегодня, так что не рассчитывай на его помощь, — проговорил Эван внезапно охрипшим голосом.

— Вы глупец, если полагаете, что, изнасиловав меня, доживете до рассвета! — закричала Бьянка. — Мой отец убьет вас за это, даже если ему придется преследовать вас до самой Америки!

Эван вполголоса выругался и снова закрыл ей рот ладонью. Затем на секунду задумался — угроза Бьянки навела его на мысль, прежде не приходившую ему в голову. Но сначала следовало успокоить разбушевавшуюся красавицу.

— Не говори глупости! Я вовсе не собираюсь насиловать тебя. — Эван счел подобную мысль смехотворной, поскольку считал гондолу не более устойчивой, чем каноэ, — а разве можно изнасиловать женщину в каноэ, не рискуя при этом утопить свою жертву и самого себя в придачу? Однако Бьянка так дрожала, что он наконец понял: она испугалась по-настоящему. Эван смягчился, поцелуями осушил ее слезы и тихо проговорил: — Не бойся, я не обижу тебя. Как ты могла такое подумать?

Однако Бьянка с вызовом в голосе ответила:

— Сначала вы грубо оскорбляете меня, а потом похищаете, пытаетесь совратить и при этом говорите, что желаете лишь побеседовать со мной... Вы просто несносный наглец... и я немедленно хочу домой!

Эван нахмурился:

— Черт побери, сейчас не время обсуждать мой характер! Мне нужно знать следующее: ты невеста Паоло Саммарезе? Да или нет?

— А какое вам до этого дело? — пробормотала Бьянка.

— Видимо, я пробуду в Венеции всего неделю и не хочу терять время, ухаживая за чужой невестой, — улыбнулся Эван.

— Я не продаюсь, как стекло, которым торгует Паоло, господин Синклер. — Бьянка вновь попыталась соскользнуть с его колен, но Эван еще крепче прижал ее к себе.

— Я не собираюсь предлагать твоему отцу деньги за тебя, Бьянка. Я просто завоюю твое сердце любовью.

Бьянка в изумлении уставилась на американца. Несколько минут она безуспешно пыталась найти достойный ответ. Наконец пробормотала:

— Вы либо сумасшедший, господин Синклер, либо глупец. А сейчас я желаю немедленно вернуться домой. Ведь вы обещали доставить меня домой.

— Ты действительно хочешь домой? — прошептал Эван; его теплое дыхание ласкало ее щеку, словно поцелуй.

— Вы сами только что сказали, что вскоре уедете. А я не желаю губить свою репутацию ради нескольких ночей... Неужели мне нужно настаивать, чтобы вы отвезли меня домой? — Бьянка отвернулась, подумав, что ее слова прозвучали бы более убедительно, если б ей не приходилось смотреть в его чудесные золотистые глаза.

Эван грустно вздохнул:

— А я думал, что ты более решительная, Бьянка. Мне казалось, ты из тех женщин, которые пойдут на любой риск, лишь бы познать истинную любовь. Очевидно, ты моложе, чем я предполагал.

— Ошибаетесь! Именно потому, что я не ребенок, я и понимаю, что для меня лучше! Если вы хотели только узнать, обручена ли я с Паоло, вы могли спросить об этом на балу. Не

было никакой необходимости похищать меня.

— Похищать тебя? — усмехнулся Эван. — Просто скажи мне правду: ты помолвлена с Паоло? Ответишь, и я сразу доставлю тебя домой.

Немного подумав, Бьянка ответила:

— Паоло считает, что мы с ним помолвлены. Мой отец тоже так считает, а я — нет. Такой ответ вас устраивает?

Эван молча запустил пальцы в золотистые локоны Бьянки и вновь прижался губами к ее губам. Затем, чуть отстранившись, проговорил:

— Я не хотел напугать тебя. Сейчас я доставлю тебя домой, и твои родители никогда не узнают о случившемся, если только ты сама не захочешь рассказать об этом.

— Я ни за что этого не сделаю! — воскликнула Бьянка.

— Чтобы уберечь меня от их гнева? — с надеждой в голосе спросил Эван.

— Нет. Я хочу уберечь только себя, господин Синклер.

Бьянка снова попыталась высвободиться, но Эван обвил рукой ее тонкую талию и сказал:

— Мой корабль называется «Феникс». Завтра утром ты найдешь меня на нем.

— Я даже и не подумаю искать вас!

— Тогда давай встретимся на площади Святого Марка в полдень, — предложил Эван.

— Нет, вы не джентльмен, господин Синклер, и я не стану поощрять ваши ухаживания, поскольку мне они не нужны.

— Слишком поздно проявлять осторожность, мисс Антонелли, потому что вы уже моя. — И в качестве подтверждения своих слов он вновь поцеловал ее.

Впрочем, Эвану хотелось не только поцелуев, он жаждал раздеть красавицу и насладиться ее прекрасным телом, но на сей раз решил удержаться — позволил себе лишь коснуться пальцами ее груди. Затем засмеялся и проговорил:

— Марко будет ждать нас в Большом канале, чтобы ты прибыла домой в собственной гондоле вместе с кузиной, как и полагается. Видишь, я очень старался сохранить твою репутацию незапятнанной. — Немного помолчав, Эван неожиданно спросил: — У тебя, я полагаю, внушительное приданое?

— Что? — изумилась Бьянка.

— Я хочу сказать, что твой отец, конечно же, богат и обеспечит тебе достойное приданое. — Эван перехватил руку Бьянки в тот момент, когда она уже занесла ее для пощечины. — Больше не пытайся ударить меня, любовь моя, потому что, клянусь, тебе не понравится, если я тебя отшлепаю. — С дьявольским смешком он еще раз обнял ее, но тут же заметил гондолу, в которой ждали Марко и Рафаэлла, и решил, что короткая встреча завершилась.

Эван сидел, глядя в темноту; он все еще тихонько посмеивался.

— Ну разве она не прелесть? — спросил Марко с лукавой усмешкой, уверенный, что доставил удовольствие богатому клиенту.

— Да, действительно, — с улыбкой кивнул Эван, и, глядя на него, никто бы не подумал, что его сердце жаждало отмщения, а не радостей любви.

Поднимаясь по лестнице, Бьянка делала вид, что не слышит бесчисленных вопросов Рафаэлла. Когда же они достигли площадки третьего этажа, она повернулась к кухне и сказала:

— Американец всего лишь хотел поговорить со мной наедине. Поскольку он совершенно лишен такта, то решил, что гондола — самое подходящее место для беседы. Я потребовала, чтобы он доставил меня домой... и вот я уже дома, так что нечего об этом вспоминать, ты меня понимаешь? А теперь я пожелаю доброй ночи родителям и тоже отправлюсь спать.

— Но, Бьянка... — запротестовала Рафаэлла; девушка была в восторге от встречи с Марко Кьяни, и ей хотелось поговорить с кузиной об этом молодом человеке.

— Помолчи! — в ярости прошипела Бьянка, подталкивая Рафаэлла к ее комнате. — Спокойной ночи!

Подходя к спальне матери, Бьянка глубоко вздохнула и невольно замедлила шаги. Ее родители отказались посетить бал у Паоло, однако из-под двери спальни пробивался свет, так что Бьянка поняла: родители рассчитывают поговорить с ней. Собравшись с духом, она осторожно постучала в дверь и, услышав голос матери, вошла в комнату. Кэтрин Антонелли уже была в постели; она читала, а ее муж Франческо сидел у камина.

— Иди поцелуй меня, дорогая. Как тебе бал у Паоло? — ласково улыбнулась Кэтрин.

— Замечательный! Этого все и ожидали. — Бьянка поцеловала мать, затем пересекла комнату, чтобы пожелать спокойной ночи отцу.

Отец, однако, не отпустил дочь.

— Одну минуту, — сказал он, удерживая Бьянку за руку. — Я бы хотел поговорить с тобой.

Волосы Франческо, когда-то иссиня-черные, давно начали седеть. И все же в свои сорок пять лет он оставался очень красивым мужчиной.

— Неужели это из-за Паоло у тебя столь прелестный румянец на щеках? — продолжал отец. — Я уже отчаялся когда-либо услышать, что он мил тебе. Неужели Паоло наконец завоевал твое сердце?

Бьянка попыталась улыбнуться, но ее лицо словно окаменело.

— Возможно, это просто из-за ночной прохлады, папа, — пробормотала она.

— Ты не ответила на мой вопрос, — нахмурился Франческо. — Паоло настаивает, чтобы венчание состоялось еще до наступления лета. Что я должен ответить ему?

— До наступления лета?! — воскликнула Бьянка. — Но я полагала, что он считает меня слишком молодой для брака.

Франческо пожал плечами:

— Твоя красота с каждым днем становится все более завораживающей. И неудивительно, что Паоло передумал — решил не ждать.

— А я не передумала! — заявила Бьянка. — Я не хочу выходить замуж. Ни в этом году, ни в следующем.

— Вот видишь, Франческо, я же говорила тебе, что она не обрадуется твоей новости, — проговорила Кэтрин, поудобнее устраиваясь в постели. — Паоло проводит слишком много времени, считая свои деньги, и слишком мало ухаживает за Бьянкой. Ты должен объяснить

ему, как завоевать любовь нашей дочери, потому что у него самого явно ума не хватает, чтобы догадаться, как это делается.

— Ему нет необходимости ухаживать за ней, Кэтрин. Все было решено еще в прошлом году! — воскликнул Франческо, теряя терпение.

— Давайте обсудим это в другое время! — взмолилась Бьянка. — Мы все слишком устали, чтобы сейчас говорить о чувствах Паоло.

Франческо встал, чтобы проводить свою своенравную дочь. У самой двери он снова придержал ее и сказал:

— Ты должна думать только о прекрасных качествах Паоло, а не критиковать его недостатки.

— А мама умалчивает о твоих недостатках? — с лукавой улыбкой поинтересовалась Бьянка.

— У твоего отца нет недостатков, — заявила Кэтрин и звонко рассмеялась.

Закрывая дверь, Бьянка увидела, что отец улыбается, а затем услышала глуховатый смех матери. Она завидовала родителям, завидовала их чудесной любви. Сама же Бьянка и надеяться не могла на то, что обретет такое счастье с Паоло Саммарезе.

Войдя в свою комнату, Бьянка тяжело вздохнула — у нее даже не было сил раздеться. К счастью, на помощь ей пришла Лючия, горничная матери. Несколько минут спустя Бьянка отослала служанку и забралась в постель, но ей не сразу удалось уснуть. Перед балом она мечтала о необыкновенной встрече, о чудесной любви... Но поведение Эвана Синклера испугало ее, привело в замешательство. К тому же он вскоре уедет, а Паоло всегда будет с ней рядом. Глаза Бьянки наполнились слезами, когда она подумала о богатом венецианце. Поцелуи Паоло никогда не будоражили ее так, как один-единственный взгляд Эвана Синклера. И она не смогла унять трепет, когда он легонько коснулся ее груди. К счастью, Эван ограничился лишь этим, хотя и понимал, что она не стала бы противиться его ласкам. Только на рассвете Бьянку наконец сморил тревожный сон.

В отличие от Бьянки Эван прекрасно выспался. Утром он посетил стеклодувные мастерские на острове Мурано, чтобы завершить дела, ради которых якобы и прибыл в Венецию. Затем отправился на площадь Святого Марка, чтобы встретиться с Бьянкой. Купив мешочек с зерном для голубей, Эван расхаживал по площади, всем своим видом демонстрируя беззаботность. Однако на самом деле он очень нервничал, поскольку был почти уверен: эта изящная красавица не появится. Может, он неверно истолковал ее взгляды, может, она вовсе не находила его привлекательным? Раньше такая мысль даже не приходила ему в голову, но сейчас Эван думал о том, что, возможно, совершил ошибку, когда похитил ее — пусть даже всего на несколько минут.

Эван, однако, был не из тех, кто подолгу размышляет над своими ошибками. Он по-прежнему расхаживал по площади, любясь мраморным фасадом собора. Но красавица не появлялась, и Эван в конце концов решил: если Бьянка Антонелли не придет, то он станет досаждать ей везде, где только встретит, до тех пор, пока кто-нибудь не сочтет его ухаживания возмутительными и не начнет преследовать его. И хорошо бы выяснить, что думала Бьянка о Чарльзе! Но он мог узнать об этом, лишь выдав себя.

— Проклятие! — пробормотал Эван в ярости; он понял, что его план, казавшийся поначалу столь простым, не так-то легко осуществить.

Тем временем Бьянка, стоявшая в тени гранитных колонн, с улыбкой наблюдала за американцем. В прекрасно сшитом голубом сюртуке и белых панталонах он казался столь

же красивым, как и в костюме из черного бархата. Высокий, прекрасно сложенный, Синклер был на редкость привлекательным мужчиной. Загар американца резко контрастировал с белизной рубашки, и Бьянка невольно подумала: не покрыт ли каждый сантиметр его тела таким же бронзовым загаром? При этой мысли она залилась румянцем. Бьянка уже хотела вернуться к гондоле, но тут американец случайно посмотрел в ее сторону, и она поняла, что теперь ей не удастся уйти незамеченной. Кивнув в сторону собора, Бьянка решительно направилась к его дверям, словно опаздывала на ежедневную молитву. Оказавшись в соборе, она дождалась, когда появится Эван. Затем повернула налево, в часовню Святой Исидоры, и там опустилась на колени перед алтарем.

— Ты опоздала, — сказал Эван, делая вид, что его интересует не юная красавица рядом с ним, а великолепная золотистая мозаика на высоком сводчатом потолке.

— А вы — самонадеянный глупец, — прошептала в ответ Бьянка. — Я пришла лишь затем, чтобы молить вас забыть о том, что мы вообще встречались. Моя жизнь и без того сложна, и это ваше страстное увлечение ничего нам не принесет, кроме горя.

— Страстное увлечение? — переспросил Эван, и его чувственные губы расплылись в улыбке. Страстные увлечения — удел влюбленных юнцов, а он — взрослый мужчина. И все же ему было выгодно, чтобы Бьянка считала, что ее красота покорила его. Эван осторожно накрыл ладонью ее руку. — Не слишком ли ты все драматизируешь, моя дорогая? Какое горе может нас постигнуть?

В душе же Эван ликовал, потому что был уверен: Бьянка только что проговорилась или, возможно, предупредила его. Если он заставит ее рассказать, кого она боится, его миссия вскоре будет завершена.

Бьянка попыталась высвободить руку, но Эван крепко обхватил пальцами ее запястье, и она, разгневанная, прошептала:

— Мне пора идти, отпустите! И мы больше не должны встречаться.

Эван был раздосадован упрямством красавицы, однако он вовсе не собирался ее отпускать.

— Нет, ты должна остаться. Я был не очень-то учтив вчера вечером и умоляю простить меня. Я пробуду здесь совсем недолго и не хочу терять ни минуты. Итак, отвечай: почему ты не желаешь видеть меня? Кто может стать причиной нашего горя? О ком ты говорила?

Возмущенная настойчивостью американца, Бьянка процедила сквозь зубы:

— Я же говорила вам... И мой отец, и Паоло считают меня помолвленной.

Однако Бьянка прекрасно знала: она пришла на площадь потому, что не могла не прийти. Синклер околдовывал ее — и вместе с тем пугал.

Эвану же требовалось всего лишь одно имя, а не два. Он пристально посмотрел на Бьянку.

— Но и ты ведь считаешь себя помолвленной?

— Нет! Не считаю!

При виде слез, засверкавших на длинных ресницах красавицы, Эван ослабил свою хватку и поднес руку Бьянки к губам.

— Ну что же, поверю тебе на слово, — сказал он с улыбкой.

Прежде чем Эван успел заговорить о следующей встрече, девушка высвободила руку и поспешила к выходу. Теперь она понимала, как опрометчиво поступила, встретившись с американцем. Прежде она убеждала себя, что пришла на встречу из любопытства, но сейчас даже не пыталась лгать себе, потому что знала: с ее стороны это, разумеется, не страсть... но

все же влечение. И Бьянку приводила в ужас мысль о том, что Синклер завлек ее всего лишь одним лукавым взглядом и поцелуем. Она понимала, что у нее с Синклером не может быть будущего. Конечно, он красив и даже, возможно, джентльмен, но вряд ли этот американец поможет ей избежать замужества, уготованного родителями. Действительно, чем Синклер может ей помочь?

Эван, однако, не привык сдаваться. Последовав за Бьянкой к лагуне, он подозвал гондольера и стал объяснять ему, что желает следовать за золотоволосой красавицей, чья гондола стремительно удалялась от них. Наконец гондольер понял, что от него требуется, и Эван устроился на сиденье так, чтобы Бьянка не заметила его, если вдруг оглянется. Однако она направилась не домой, как ожидал Эван, а в противоположную сторону. Вскоре гондола остановилась у жилища модистки, и Бьянка с кузиной вошли в дом. Спустя некоторое время Эван отказался от дальнейших наблюдений и вернулся к себе на корабль.

У Бьянки было более десятка костюмов, потому что она обожала карнавалы, но отец вновь напомнил ей, что Паоло будет ее кавалером не только нынешним вечером — он вскоре станет ее мужем. Глубоко опечаленная этой перспективой, Бьянка выбрала платье из черного бархата, соответствующее ее настроению, и спрятала свои золотистые пряди под черной кружевной накидкой.

— Думаю, я скажу, что я — Смерть, если кто-нибудь спросит, — заявила она Рафаэлле. — Почему Смерть обязательно должна быть скелетом, а не молодой женщиной?

— Смерть? Откуда у тебя такие мрачные мысли? — Рафаэлле понравились ярко-желтое платье и маска, раскрашенная словно яркая тропическая птица. — Почему бы не выбрать что-нибудь более праздничное? Сезон карнавалов должен быть полон радости, а не печали. — Рафаэлла пребывала в прекрасном расположении духа. Проведя несколько минут наедине с Марко, она нашла его очаровательным кавалером и с нетерпением ожидала новой встречи с ним, надеясь, что и он ждет того же.

Не желая отвечать, Бьянка медленно повернулась перед зеркалом, с удивлением разглядывая черное платье, подчеркивавшее стройность ее фигуры. В этом наряде ее красота казалась еще более яркой. Затем она взяла серебристую маску и такой же веер и направилась к двери.

— Я подожду Паоло внизу. Приходи, как только будешь готова.

— Бьянка, подожди! — окликнула ее кузина. — Эван Синклер собирается посещать каждое празднество, где сможет увидеть тебя. Марко сказал мне об этом вчера вечером. Какая необычная преданность для дикаря, не правда ли?

Ослепительная блондинка мгновение колебалась, не зная, что предпринять. Конечно, можно было придумать какую-нибудь отговорку и остаться дома. Но поскольку она никогда не болеет, то, притворившись больной, лишь встревожит Паоло, вызвав его подозрения. Она этим утром старалась как можно сдержаннее говорить с Рафаэλλой об американце, но сейчас, взглянув на веселую кузину, поняла, что той хочется смутить ее.

— Так в чем же дело? — поинтересовалась Рафаэлла. — Если ты не хочешь снова видеть его, можешь не отходить от Паоло. Уж это, безусловно, удержит его.

— Он для меня ничего не значит, я уже говорила тебе об этом! — внезапно вспылила Бьянка.

— Ничего не значит? Который из них? — веселилась Рафаэлла. — Паоло или Эван Синклер?

— Оба! — ответила Бьянка и вышла, хлопнув дверью. Она быстро спустилась по лестнице, чтобы избежать насмешек кузины.

Этим вечером Паоло Саммарезе был в ярко-красном костюме — довольно необычный выбор для такого серьезного человека. И он ни слова не сказал о костюме Бьянки. Как только они прибыли на бал, который устраивал один из его знакомых, и вошли в зал, ярко освещенный свечами, горевшими в четырех великолепных хрустальных люстрах, Паоло, извинившись, тут же покинул своих дам, объяснив, что ему нужно обсудить с хозяином кое-какие дела. Бьянка поняла, что теперь ей никак не избежать встречи с Синклером, если тот вдруг явится на бал. И вскоре американец действительно появился — в костюме индейца. В штанах из оленьей кожи и в рубашке из мягкой замши он казался еще более высоким и мускулистым. Вместо маски на его лицо несколькими мазками была нанесена боевая раскраска индейцев, а каштановые волосы украшали перья. Он окинул взглядом заполненный гостями зал, явно высматривая Бьянку. Затем подошел к ней — впрочем, лишь на несколько секунд.

— Прости, если докучаю тебе, но ты...

— Мне не за что вас прощать, — ответила Бьянка, изобразив любезную улыбку.

— Вы слишком добры, мисс Антонелли. — Низко поклонившись, Эван направился к Марко, остановившемуся поздороваться с друзьями. Эван говорил с девушкой всего лишь несколько секунд, и Марко даже не заметил, что его американский клиент немного отстал.

Бьянка взяла бокал у проходившего мимо слуги, однако прохладное вино не успокоило ее. Она нахмурилась... Что ж, американец не виноват, что так необыкновенно красив, но вот она виновата в том, что находит его совершенно неотразимым. А ведь отец все время напоминает ей, что Паоло вскоре станет ее мужем.

Бьянка обожала нарядные костюмы и праздничную атмосферу карнавала, но этим вечером ей казалось, что она задыхается среди веселящейся толпы. В конце концов девушка вышла на балкон, чтобы подышать бодрящим ночным воздухом. Сняв маску, она стала обмахиваться веером, гадая, как долго сможет наслаждаться приятным одиночеством. Вдоль канала мерцали огоньки, отражавшиеся в воде словно звезды, упавшие с небес, и Бьянка грустно вздыхала, любуясь ночной Венецией.

— Неужели ты так быстро устала от праздника? — неожиданно раздался за ее спиной голос Эвана. — Я стоял и наблюдал, не последует ли за тобой какой-нибудь мужчина. Но никто не шел, и я решил, что ты, возможно, ждешь меня.

— Вас? — удивилась Бьянка. — Зачем мне вас ждать?

Эван улыбнулся, словно счел ее вопрос забавным.

— Я уверен, что ты обручена с Паоло Саммарезе, но, к счастью для меня, он для тебя ничего не значит.

— Господин Синклер, вам не следует давать волю воображению, — заявила Бьянка.

— Неужели это всего лишь мое воображение? — спросил Эван, привлекая ее к себе.

Он собирался лишь поцеловать девушку и отстраниться, но, почувствовав, как она дрожит, еще крепче обнял ее и прижал к груди. Его губы впивались в ее уста, а ладони осторожно скользили по спине. Когда же Эван наконец отступил, глаза Бьянки показались ему огромными, а ресницы такими длинными и густыми, что он невольно подумал: может, и они — часть ее костюма?

— Разве поцелуи Паоло не заставляют тебя трепетать от желания, как мои? — шепотом проговорил Эван, наклоняясь к уху девушки, наслаждаясь пьянящим ароматом ее духов.

Не в силах вымолвить ни слова, Бьянка проскользнула мимо Эвана и вернулась в зал. И тотчас же направилась к группе мужчин, среди которых заметила и Паоло. Положив руку ему на плечо, она ослепительно улыбнулась:

— Разве можно говорить только о делах и о политике в разгар веселья?

Мужчины рассмеялись; они были в восторге от этого вопроса, и только Паоло взглянул на Бьянку неодобрительно.

— Но танцы еще не начались, — заметил он. — Неужели тебе нечем заняться? К сожалению, я сейчас очень занят.

Смущенная столь резким отпором, Бьянка отвернулась от мужчин. Однако Эван Синклер, наблюдавший за этой сценой, смотрел на девушку с лукавой улыбкой; похоже, он прекрасно все понимал. Бьянка еще больше смутилась. Неужели золотистые глаза этого человека видят ее насквозь? Неужели все ее секреты открыты для него?

Эван же с восхищением наблюдал за красавицей; ее вовсе не обескуражила грубость Паоло, и она упорно стремилась очаровать всех мужчин, собравшихся в зале. Паоло Саммарезе просто глуп, размышлял Эван. Этот глупец оскорбил чувства прелестной блондинки, и она ответила ему тем же, кокетничая со всеми подряд. Возможно, нечто подобное и произошло в ту ночь, когда Чарльз повстречал ее? Может быть, она просто пыталась отомстить Паоло, а Чарльз не устоял перед ее чарами? Напомнив себе, что следует наблюдать и за другими мужчинами, Эван с разочарованием обнаружил, что многие из них предпочли в этот вечер надеть «баутту» — карнавальный костюм, который, однако, часто использовался и как маскировка. «Баутта» представляла собой черную шелковую накидку с капюшоном; кроме того, на лицо надевалась маска, закрывавшая и нос, а поверх капюшона — треугольная шляпа. Это был весьма популярный костюм, и его носили мужчины и женщины, бедные и богатые. Эван плохо знал остальных гостей и не мог узнать их в таком одеянии, поэтому он продолжал наблюдать за Бьянкой и пытался рассмотреть мужчин, находивших ее общество приятным. К сожалению, как и предыдущим вечером, у нее не было недостатка в кавалерах — а ведь юная красавица вскоре собиралась выйти замуж.

Бьянка же, хотя и танцевала каждый танец с новым партнером, думала о том, что вечер тянется ужасно медленно. Время от времени ее приглашал и Паоло, как бы напоминая ей и всем прочим, что она принадлежит ему. Хотя Паоло прекрасно танцевал, для Бьянки он был трудным партнером, во всяком случае, с ним она скучала; другие же партнеры развлекали ее во время танца и смеялись вместе с ней.

Было уже совсем поздно, когда рядом с Бьянкой появился Эван Синклер. И он снова удивил ее, проговорив:

— Я немного побродил по дому. Надеюсь, что такая вольность с моей стороны никому не покажется оскорбительной. Если ты видела лишь этот зал, я с удовольствием покажу тебе весь дом. Обещаю для разнообразия вести себя, как подобает джентльмену. Неужели тебе не хочется ускользнуть отсюда на несколько минут?

Бьянка окинула взглядом зал и увидела, что ее жених беседует с хозяином и гостями. «Но почему я думаю о Паоло?» — недоумевала она. Ведь ему явно не было дела до того, как она развлекается. И все же Бьянка боялась оставаться наедине с красавцем из Америки. Н тут он улыбнулся, и она, сама того не желая, ответила:

— Да, несколько минут тишины — это просто замечательно.

Они тотчас же покинули шумный зал и вскоре оказались в кабинете, стены которого были обиты ярко-желтым шелком с восточным орнаментом из хризантем и редких птиц.

— Чудесная комната, не правда ли? — Бьянка расхаживала по кабинету, любуясь изящными статуэтками из нефрита, расставленными на столах тикового дерева. Наконец, присев на подоконник, она сняла маску и тихо проговорила: — Должно быть, уже полночь.

— Как жаль, что я так поздно приехал в Венецию. Сезон карнавалов уже почти закончился, не так ли?

— Да, все заканчивается во вторник, ровно в полночь, за день до начала Великого поста. Это произойдет на следующей неделе.

— А последний бал самый лучший? — спросил Эван.

— О да! — ослепительно улыбнулась Бьянка. — Вся Венеция веселится в эту ночь. А на площади Святого Марка столько людей, что не пройти. Там можно увидеть жонглеров, акробатов, музыкантов. Праздник просто замечательный, вся Венеция собирается на площади.

— Твои родители позволяют тебе находиться среди простолюдинов? — спросил Эван с усмешкой.

— Нет. Но я бываю там во вторник, когда дож [\[1\]](#) принимает участие в торжествах. Это произойдет завтра, и вы ни в коем случае не должны пропустить праздник. Будет фейерверк и... — Внезапно смутившись — слишком уж она увлеклась рассказом и стала болтливой, — Бьянка густо покраснела и выглянула в окно.

— Дождь — это ваш президент? — спросил Эван.

— Да, и мой отец — один из его советников, — пояснила Бьянка с нескрываемой гордостью.

Это Эван уже знал. Но то, что отец Бьянки может рассчитывать на помощь самого могущественного человека в Венеции, не могло бы служить оправданием убийства.

— Я еще не познакомился с твоим отцом. Почему твоих родителей не было на балу у Паоло? И почему их нет здесь?

— Потому что они редко бывают на балах. — Сказав это, Бьянка поняла, что ее слова мало что объясняют. — У родителей много друзей, и они предпочитают принимать гостей у себя.

Эван неловко переминался с ноги на ногу — но не потому, что мокасины были малы, а оттого, что голосок Бьянки будил в нем чувства, которые ему сейчас не хотелось испытывать. Он напомнил себе, что должен отомстить за смерть брата, а не соблазнять молодую женщину, красота которой стала причиной его смерти. И все же если нет иного способа узнать имя убийцы, он соблазнит ее, черт побери!

— Но Паоло — это выбор твоего отца. Что же ты собираешься делать?

Потрясенная дерзостью американца, Бьянка соскочила с подоконника. Сейчас она была уверена в том, что допустила серьезную ошибку, так долго разговаривая с ним. Подобная неосмотрительность с ее стороны вновь побудила его стать дерзким.

— Я должна вернуться в зал, — заявила Бьянка.

— Подожди. — Эван осторожно взял ее за руку. — У тебя есть кто-нибудь, другой мужчина, за которого ты бы предпочла выйти замуж, но которого отвергают твои родители? — «Очень ревнивый мужчина, который терпит Паоло, но убил Чарльза», — добавил он мысленно.

— Господин Синклер, право же, это... Бьянка взглянула на него в тот момент, когда он склонялся к ней, однако не в силах была противиться ему, когда его губы коснулись ее губ. Она не сопротивлялась, потому что ее неудержимо влекло к этому мужчине. Обвинив его шею

руками, Бьянка ответила на поцелуй с таким жаром, что Эван отстранился в изумлении.

— Но разве ты не этого хотел? — рассмеялась Бьянка.

Эван вновь напомнил себе, что его миссия — мщение. Однако поцелуй этой прелестницы разжег в нем такой огонь, что он уже не мог рассуждать здраво. Эван снова привлек ее к себе и воскликнул:

— Нет, я хочу гораздо большего!

Сжав Бьянку в объятиях, он почувствовал, как бешено колотится ее сердце. И снова она не сопротивлялась; напротив, ее гибкая фигурка словно слилась с его мускулистым телом. Он покрывал страстными поцелуями изящную шею девушки, и она не противилась ему. Но вот рука Эвана коснулась ее полной груди — и Бьянка внезапно оттолкнула его.

Эван попытался вновь обнять красавицу и увидел ужас в ее глазах. Он резко обернулся. В дверях стоял Паоло Саммарезе, наблюдавший за ними. Лицо венецианца исказилось от гнева. Он стремительно подошел к ним и схватил Бьянку за руку. Затем, не говоря ни слова, вывел ее из кабинета. Однако последний взгляд девушки сказал Эвану все, что он хотел знать.

Американец с улыбкой вернулся в зал, но, как он и предполагал, Паоло и Бьянка уже покинули бал.

Эван допоздна не смыкал глаз, обдумывая свои дальнейшие шаги. Он наконец-то понял: Паоло Саммарезе в случае необходимости начнет действовать.

Однако, обнаружив Бьянку в объятиях Эвана, венецианец не стал требовать сатисфакции, и этот факт многое сказал о нем как о человеке. То есть Паоло был трусоват, иначе сразу бы бросил вызов. Но нет, он просто поспешил увести прелестную блондинку. Что такой человек может предпринять в дальнейшем? Подошлет наемного убийцу или же просто сделает так, что у Бьянки больше не будет возможности встретиться с американцем? Если Паоло уже убил однажды из ревности, то не попытается ли он вновь совершить такое же злодеяние? Или же на сей раз проявит осторожность и просто дождется отплытия «Феникса»?

Озадаченный нежеланием венецианца драться с ним, Эван был вынужден рассмотреть иные варианты. Отец Бьянки, казалось, уделял ей так же мало внимания, как и Паоло, но, возможно, он не столь осторожный человек и решится на убийство, чтобы спасти честь дочери? Только один человек может знать это наверняка.

Не в силах заснуть, Эван поднялся с постели и стал одеваться. Он решил узнать все, что сможет, еще до рассвета.

Десять минут спустя Эван сам сел на весла небольшой лодки и вскоре уже был у трехэтажного палаццо Антонелли. Свет горел лишь в одном окне, на самом верху, но Эван очень надеялся, что это комната Бьянки. Он почему-то был уверен, что и ей этой ночью не до сна. Привязав лодку к столбам, на которых крепился герб семьи Антонелли, американец начал взбираться по изящной готической лепнине, украшавшей мраморный фасад дворца. Это было нетрудно для человека, который привык управляться с корабельными снастями. Через несколько минут Эван уже стоял на балконе перед освещенным окном. Подкравшись к двери, он заглянул в комнату и с облегчением вздохнул, убедившись, что это действительно спальня Бьянки. Юная красавица, облаченная в тонкую ночную рубашку, лежала в постели. Но она не спала, а тихонько плакала. Слезы девушки тронули Эвана, и он с минуту колебался, не решаясь побеспокоить ее. Но как еще выяснить, кто убил Чарльза? Эван осторожно коснулся двери и, обнаружив, что она не заперта, вошел в тускло освещенную комнату.

Бьянка вздрогнула при внезапном появлении Эвана и тотчас же приподнялась.

— Как вы посмели прийти сюда? — прошептала она, всхлипывая.

Эван приложил палец к губам, призывая ее молчать. Потом подкрался к Двери, чтобы убедиться, что она заперта. Дверь действительно была заперта — снаружи. Вернувшись к заплаканной Бьянке, Эван тихо проговорил:

— Я боялся, что тебя могут наказать за то, что произошло сегодня вечером, но ведь ты не виновата, это я поступил опрометчиво.

Бьянка утерла слезы и попыталась улыбнуться.

— А брак, по-вашему, не наказание?

— Брак с кем? — насторожился Эван; он почему-то подумал, что красавица имеет в виду его — ведь Паоло видел, как они целовались.

Бьянка несколько минут пристально смотрела на Эвана. Наконец сказала:

— Не нужно так пугаться, господин Синклер. Ваше имя даже не упоминалось. Мы с

Паоло обвенчаемся через два дня, в субботу.

— Что? — Новость крайне встревожила американца. Ведь он добивался того, чтобы ревнивый венецианец стал его преследовать, а не вцепился еще крепче в Бьянку. — Когда это решили?

— Сегодня, — с грустью ответила девушка. — Конечно, столь внезапное венчание вызовет кривотолки, но Паоло требует, чтобы мы поженились до начала Великого поста. А иначе он пригрозил расторгнуть нашу помолвку. Мой отец знает, что расторжение помолвки — еще больший позор. Судя по всему, мое доброе имя запятнано из-за вас.

И все же, глядя на американца, Бьянка думала лишь о его жарких поцелуях. В них было столько страсти! Вероятно, подобного ей уже никогда не испытать. При этой мысли она снова заплакала.

— Не надо плакать... Пожалуйста, не плачь. — Эван сел на постель рядом с хрупкой красавицей и обнял ее. Склонившись над ней, поцеловал в висок. — Почему же ты раньше не протестовала, если не хочешь быть женой Паоло?

— О, я всегда была против этого брака! — гневно воскликнула Бьянка. — Только мои возражения никто не слушал. Он, видите ли, очень богат, поэтому мои родители считают его самой выгодной для меня партией.

Эван нахмурился: ну почему он не смог что-нибудь придумать, почему не оградил Бьянку от стольких неприятных последствий?

— Похоже, твой отец и Паоло очень близки, — пробормотал он наконец, все еще надеясь, что сумеет что-нибудь выведать перед тем, как уйдет.

— Нет, просто они уважают друг друга. Но их нельзя назвать добрыми друзьями.

Неожиданно Бьянка поняла, что способна думать лишь об одном: о мужчине, который сидел сейчас с ней рядом. Сделав над собой усилие, она чуть отстранилась и с нарочитым спокойствием проговорила:

— Вы должны уйти. Если нас снова застанут вместе...

Эван смотрел в сверкающие зеленые глаза красавицы и чувствовал, что не может уйти. Он вдруг подумал о том, что наилучший способ добиться отмщения — это дать сейчас полную волю своей страсти.

— Сегодня нас больше никто не потревожит. Все спят, — тихо проговорил Эван.

— Почему вы так уверены в этом? — потупилась Бьянка.

— Потому что лишь в твоей комнате горит свет. — Потянувшись, Эван усадил ее к себе на колени. — Давай больше не терять ни минуты, — прошептал он и впился поцелуем в ее губы.

Затем Эван принялся ласкать нежные груди красавицы и поглаживать очаровательные розовые бутоны, все глубже затягивая Бьянку в сладострастные сети любви. Но вот его пальцы скользнули вниз и замерли на изящной покатости бедра. Наконец приподняли мягкие складки ее ночной рубашки; чуть надушенная и гладкая, кожа Бьянки была просто восхитительной, и рука Эвана скользнула вниз, к колену, а потом вновь легла на бедро. Он несколько мгновений медлил, затем положил ладонь на треугольник мягких завитков между ног девушки. Как Эван и предполагал, она попыталась отстраниться, но он вновь принялся ласкать и целовать ее, и Бьянка перестала противиться его ласкам. Эван ликовал. Он знал, что может сейчас овладеть красавицей, лишит ее невинности и исчезнуть. И знал, что после этого Бьянка уже никогда не испытает удовлетворения с бесчувственным Паоло, каким, несомненно, и являлся надменный венецианец. Однако Эван тотчас же преодолел

искушение, потому что хотел заставить убийцу брата безмерно страдать. Одного унижения было бы недостаточно.

Девушка и не подозревала, что творится в душе Эвана, она лишь наслаждалась его ласками. Этот мужчина заворожил ее с первого взгляда, и теперь Бьянка уже почти не боялась его, она хотела только одного — сполна насладиться ласками, которые он ей дарил.

Тонкие пальчики девушки осторожно перебирали густые каштановые волосы Эвана, и губы ее все крепче прижимались к его губам. Наконец она расстегнула пуговицы на его рубашке и прикоснулась к горячей загорелой груди, покрытой густыми завитками. Бьянка без труда расстегнула и медную пряжку на его ремне — ей хотелось узнать все тайны великолепного тела Эвана. Ласки девушки распаляли, мучили его, разжигал и в нем огонь, который только она могла погасить.

У Эвана было много женщин, но он никогда не встречал столь искусную в ласках, как эта изящная блондинка. Неужели Бьянка девственница? Ведь она совершенно его не стеснялась. Ее смелые ласки доводили его до безумия, и Эван едва нашел в себе силы, чтобы на мгновение отстраниться.

— Твоя рубашка... — сказал он и тотчас же снял ее одним движением.

Затем он сорвал с себя оставшуюся одежду и вытянулся рядом с красавицей на широкой постели. Окинув взглядом стройные ноги Бьянки, Эван приподнялся, поцеловал ее грудь и вдруг понял, что не в силах отстраниться. В следующее мгновение она обняла его, и лицо ее осветилось улыбкой. Бьянка знала, что любит Эвана Синклера, и пусть они проведут вместе всего лишь одну ночь — воспоминания об этой чудесной ночи навсегда останутся в ее сердце. Она еще крепче обняла его, а он, впившись поцелуем в ее губы, вошел в нее, и их тела слились воедино.

Эван мгновенно понял свою ошибку — Бьянка все же оказалась девственницей, — однако не отстранился, лишь замер на несколько мгновений, надеясь, что боль, которую он причинил ей, быстро утихнет. Эван хотел овладеть ею осторожно и неторопливо, но желание его было столь велико, что он, не в силах сдерживаться, погружался все глубже во влажные глубины, принадлежавшие теперь только ему. При этой мысли он возликовал. Да, теперь она принадлежала только ему.

Бьянка же все крепче обнимала Эвана. Забыв обо всем на свете, она раз за разом устремлялась ему навстречу, наслаждаясь его близостью. И лишь затихая в объятиях любовника, она вновь вспомнила о том, что им вскоре предстоит расстаться, — эта мысль казалась ей невыносимой.

Лежа рядом с Бьянкой и осторожно перебирая пальцами ее золотистые пряди, Эван лихорадочно размышлял: как изменить план, как наилучшим образом использовать удачу? А если действительно взять Бьянку с собой в Америку? Тогда человек, убивший Чарльза, последует за ними, и ему, Эвану, уже не придется опасаться властей Венеции, которые, несомненно, поддержат Паоло или отца Бьянки. А вот в море он сможет поступать так, как ему захочется. На «Фениксе» достаточно оружия и опытный экипаж, который с честью дрался с англичанами. Да, он возьмет Бьянку с собой, а потом, когда убийца Чарльза последует за ним, отомстит мерзавцу.

— Скоро рассвет. Сложи только те вещи, с которыми ты не в силах расстаться. Мы немедленно отплываем в Америку.

Бьянка приподнялась на локте и отбросила с лица прядь волос.

— Я не могу отправиться с тобой. Я же говорила тебе, что должна выйти замуж за

Паоло, все уже устроено.

Возмущенный столь нелепым ответом, Эван сел и усадил Бьянку рядом.

— Значит, ты просто обманывала меня? Ты хочешь сказать, что эта ночь, вместо того чтобы стать началом, будет нашим прощанием? Полагаешь, Паоло настолько глуп, что не поймет, что ты уже не девственница?

Слова Эвана удивили и возмутили Бьянку.

— Думаю, мое положение и так уже отчаянное, — заявила она. — И не кричи так! Кто-нибудь придет и обнаружит нас.

— Значит, ты не станешь отрицать, — проговорил Эван, чуть понизив голос, — что просто дурачила меня?

— Нет, я вовсе не дурачила тебя, — пробормотала Бьянка. — Конечно, нет. Однако судьба распорядилась так, чтобы наши пути пересеклись всего лишь на миг. Вскоре ты покинешь Венецию, и я выйду замуж за Паоло, — с грустью добавила она. — Если мой первый ребенок будет от тебя, я не стану сожалеть об этом.

Мысль о том, что Паоло Саммарезе будет воспитывать его сына, привела Эвана в ужас. Глядя Бьянке прямо в глаза, он проговорил:

— Ты выйдешь замуж только за меня. Ты будешь моей женой. Скажи «да»!

Бьянка смотрела на своего любовника как зачарованная.

— Да, — прошептала она, сама того не желая.

— Тогда, любовь моя, вставай и собирай вещи. Мы должны отправиться с первыми лучами солнца. Надо торопиться.

Бьянка приподнялась. Она с мольбой в глазах смотрела на Эвана.

— Но сегодня праздник, и дож примет в нем участие, он появится на площади Святого Марка. Там соберутся все, и тогда я смогу ускользнуть к тебе.

Эван видел, как дрожит подбородок Бьянки, и усомнился в ее искренности. Он не хотел рисковать, не хотел уходить без нее.

— Нет, малышка. Ты должна пойти со мной сейчас. Скоро утренний прилив, и надо поторопиться.

— Но я не могу уйти... вот так, — взмолилась Бьянка. — Вчера вечером все ужасно сердились на меня. Отец пришел в ярость, узнав, что я покинула Паоло, чтобы тайно встретиться с тобой, а мама просто рыдала от такого позора. Своим необдуманным поступком я причинила боль им обоим. Неужели ты не понимаешь, что мне требуется время, чтобы попроситься у них?

Эван покачал головой:

— Ты что, действительно веришь, что отец позволит тебе выйти за меня замуж?

Бьянка посмотрела на свои руки, судорожно сжимавшие простыни.

— Я хочу уйти с тобой, Эван, но знаю, что не должна этого делать.

— Ты никогда не называла меня по имени, Бьянка, а сейчас произнесла его так замечательно... Я хочу каждый день слышать, как ты называешь меня по имени. И еще... если ты не встанешь и не оденешься, я просто лягу в постель рядом с тобой, и пусть твои родители решат, за кого тебе выходить замуж. Ведь кто-нибудь утром застанет тебя в моих объятиях.

Бьянка в ужасе воскликнула:

— Ты не сделаешь этого, ты не посмеешь!

Эван улегся в постель и с обезоруживающей улыбкой проговорил:

— Выбор за тобой: либо ты бежишь со мной, либо завтра тебе придется выйти за меня замуж. Поскольку ты считаешь, что оба варианта грозят тебе позором, я поступлю так, как ты решишь.

«Этот мужчина с самой первой нашей встречи был крайне настойчив», — подумала Бьянка. На словах он восхищался ею, а на деле ставил в наихудшее из всех возможных положений.

— Ну ладно, я иду с тобой! — воскликнула она. — Я сейчас уйду с тобой, но ты по крайней мере должен дать мне возможность написать записку родителям.

— Я даже настаиваю на этом, моя дорогая. Потому что не хочу, чтобы они тревожились. Я хочу, чтобы они знали, с кем ты ушла и куда. Пожалуйста, напиши, что я весьма состоятельный человек, хотя и не тот, которого они выбрали для тебя.

Эван отвернулся, чтобы скрыть улыбку. Если он не преуспел в своей первой попытке найти убийцу Чарльза, то, несомненно, на сей раз ему должна сопутствовать удача. А если к тому же Бьянка Антонелли станет его женой, то это будет дополнительным вознаграждением.

Лишь когда Бьянка оделась, Эван вдруг понял, что она не сможет спуститься по фронто́ну палаццо с той же легкостью, с какой он вскарабкался на третий этаж.

— У тебя есть шпилька? — спросил он.

— Да, конечно. А зачем тебе?

— Я открою ею дверь, — пояснил Эван. Склонившись к дверному замку, он почти тотчас же отпер его. — Ну вот, моя дорогая, теперь мы можем покинуть твой дом, спустившись по лестнице.

Бьянка окинула взглядом комнату, надеясь, что в спешке не забыла ничего важного. Эван со смешком говорил о том, что их могут обнаружить в постели, и только сейчас, взглянув на смятые простыни, она вдруг поняла, что он рисковал жизнью. Бьянка с улыбкой взяла его за руку.

— Поспешим же. Скоро рассвет.

Эван молча улыбнулся. Но не сказал ни слова до тех пор, пока не усадил Бьянку в свою лодку и не отплыл подальше от палаццо Антонелли. Наконец он заговорил:

— Ты никогда не пожалеешь о своем решении выйти за меня замуж, Бьянка, обещаю тебе. Пусть я прибыл в Венецию всего лишь за стеклом, но, встретив тебя, я нашел бесценное сокровище.

Бьянка в смущении улыбнулась. На востоке небо уже порозовело, и она подумала о том, что грядущий день будет самым чудесным днем в ее жизни. И тут же, вспомнив о родителях, с тревогой в голосе спросила:

— А твой корабль достаточно быстрый? Эван усмехнулся:

— Мой «Феникс», любимая, никому не догнать.

Когда они добрались до «Феникса», Эван, не теряя времени, повел Бьянку в свою каюту. Увлекая ее за собой, он быстро поднялся по трапу, прошел по палубе и спустился по крутой лесенке в коридор, ведущий к его уютной каюте. Бросив узел с вещами Бьянки на стул, Эван повернулся к ней с озорной улыбкой.

— Тебе сейчас лучше забраться в мою постель и поспать. Я договорюсь, чтобы капитан обвенчал нас, когда мы выйдем в море, но сейчас, в ближайшие несколько часов, я буду очень занят.

Бьянка стала развязывать бант на своей накидке, и руки ее предательски задрожали.

— Разве не ты капитан «Феникса»? — спросила она. Эван с улыбкой ответил:

— Я зарабатываю на жизнь строительством кораблей, Бьянка. «Феникс» действительно принадлежит мне, но я нанимаю себе капитана, чтобы не терять времени на управление судном, так что можешь не беспокоиться. Пока мы не покинем залив, я буду слишком занят и не смогу развлекать тебя. Но когда выйдем в море, я стану самым внимательным мужем, — добавил Эван, лукаво подмигивая.

Бьянка залилась ярким румянцем, но смущение не помешало ей задать следующий вопрос:

— Я считала, что ты приехал в Венецию, чтобы купить стекло. Зачем же человеку, который строит корабли, заниматься подобными делами?

Вопрос был вполне обоснованный, и Эван не стал лукавить:

— Я люблю путешествовать, а выгодный груз делает путешествие еще более приятным. А сейчас прошу простить меня, но мне действительно надо идти.

Ты пока поспи, а я потом разбуду тебя. Ты поцелуешь меня на прощание, да? — спросил он с улыбкой.

Эван заключил ее в объятия, и Бьянка отвечала на его жаркие поцелуи. Сейчас ей очень хотелось, чтобы он остался с ней, чтобы сказал ей, что она приняла верное решение и не совершает ужасную ошибку. Однако Эван истолковал ее ласки как попытку завлечь его в постель и потому вскоре отстранился.

— Ты не должна больше искушать меня, Бьянка. Хотя я ничего так не желаю, как остаться с тобой, мне все же нужно поговорить с капитаном.

Бьянка смутилась и пробормотала:

— Да, разумеется... Я не хотела задерживать тебя.

Но ей пришлось изо всех сил сдерживаться, чтобы не заявить: ее счастье гораздо важнее того поручения, которое он собирался дать капитану. Мило улыбнувшись Эвану, Бьянка поспешно разделась и, оставшись в одной нижней рубашке, забралась в постель. В следующее мгновение сон сморил ее.

Поднявшись на палубу, Эван нашел Уильяма Саммера и тотчас же отвел его в сторону.

— Пришло время назначить тебя капитаном «Феникса», дружище. Это следовало сделать давным-давно, так что с сегодняшнего утра ты пользуешься всеми привилегиями этого звания. Прими поздравления.

Уильям Саммер стал помощником Эвана после того, как бок о бок сражался с ним во время Войны за независимость, но он никогда не думал, что может вдруг стать капитаном. Впрочем, Уильям был уверен, что справится с обязанностями капитана. Да и Эван в этом не

сомневался — русоволосый и голубоглазый Саммер прекрасно ладил со всеми, в том числе с дамами.

— Я, конечно, рад новому назначению, — улыбнулся он, — тем более что оно сулит прибавку к жалованью. Но почему-то мне кажется, что в первую очередь я должен благодарить даму, которую ты привел на корабль.

Эван хмыкнул, но не стал отнекиваться.

— Бьянка Антонелли оказала мне честь, согласившись стать моей женой. Поскольку я никак не могу сам провести брачную церемонию, я повысил тебя, чтобы ты мог сделать это. Тем не менее после венчания я не понижу тебя в должности.

Уильям в изумлении уставился на Эвана — ведь он прекрасно знал, для чего тот отправился в Венецию.

— Неужели ты намерен жениться на ней? — ахнул он. — Я знаю, что ты не подозреваешь ее в убийстве, но она все равно виновна в смерти твоего брата.

Эван прижал палец к его губам и строго проговорил:

— Никогда, слышишь, никогда не допускай, чтобы Бьянка услышала подобное. Она не должна даже заподозрить, что существует какая-либо иная причина для нашего брака, помимо любви, в которой я поклялся. Убийца Чарльза последует за ней, я уверен. К тому времени она станет моей женой, и это еще больше разъярит его. Значит, мне легче будет прикончить его.

Уильям в смущении пробормотал:

— Я, право, не знаю... Если ты лишь используешь мисс Антонелли, чтобы выманить из Венеции убийцу Чарльза, то зачем же тебе на ней жениться? Зачем такие жертвы?

Эван пристально посмотрел на Уильяма.

— Она леди, Саммер, и заслуживает соответствующего к себе отношения, чем бы я ни руководствовался, когда привел ее на корабль. Я предложил ей брак, и она согласилась. Все решено. — Умолчав о том, что с поразительной легкостью соблазнил красавицу венецианку, Эван продолжал: — А как я должен поступить, Уильям? Дразнить убийцу Бьянкой до тех пор, пока не перережу ему глотку, а потом вернуть ее родителям?

Саммер нахмурился и попытался собраться с мыслями. Он прекрасно знал, что Эван всегда принимает безошибочные решения, но все же считал, что на этот раз тот зашел слишком далеко. Наконец, откашлявшись, капитан проговорил:

— Должен признать, что, женившись на мисс Антонелли, ты поступишь благородно, по все же считаю, что это — слишком большая жертва.

— Позволь мне самому быть судьей в этом вопросе, поскольку я стану ее мужем. — Немного помолчав, Эван добавил: — А сейчас готовь судно к отплытию. Церемония состоится, когда мы будем уже далеко в море.

Саммер, однако, не сдавался — очень уж ему не нравился план Эвана.

— Но ведь в городе полно церквей, — пробормотал он. — Разве священник не лучше проведет церемонию, чем я?

— Нет! У нас нет времени на поиски священника. Нельзя терять ни минуты, — заявил Эван. — А сейчас ты должен как можно быстрее подготовить корабль к отплытию. Мы должны покинуть Венецию до того, как обнаружат, что Бьянка исчезла. Она оставила записку, которая сразу же укажет путь убийце. Так что поторопись, принимайся за дело. Главное — значительно опередить преследователей.

— Есть, сэр, — с готовностью ответил Уильям, хотя по-прежнему не одобрял затею

Эвана.

Эван же принялся расхаживать по палубе, сейчас он просто не мог вернуться в каюту — ведь так много было поставлено на карту. Небо на востоке уже начало светлеть, а Эван все мерил шагами палубу. Он вздохнул с облегчением, лишь когда Уильям приказал сняться с якоря. Утренний отлив стремительно вынес балтиморский клипер из бухты, свежий ветерок наполнил паруса, и «Феникс» устремился в открытое море.

Солнце уже стояло высоко, когда Эван, собрав на палубе команду, объявил о назначении Уильяма Саммера капитаном судна, а также сообщил о своем намерении жениться. Он подумал, что Бьянка, должно быть, гадает: что так задержало его? Но, осторожно приоткрыв дверь каюты и увидев, что она крепко спит, Эван решил не будить ее. К тому же сам он ужасно устал. Осторожно раздевшись, чтобы не разбудить девушку, Эван устроился рядом с ней и тут же заснул.

Неожиданно проснувшись, Бьянка попыталась приподняться, но рука Эвана, обвивавшая талию девушки, удерживала ее. К тому же так приятно было лежать в его объятиях... Бьянка улыбнулась и замерла, наслаждаясь близостью любовника. Он дышал так ровно, так спокойно и был так красив, так высок и силен! Бьянка залюбовалась лежавшим рядом с ней загорелым мужчиной. Мягкие завитки на его груди были того же цвета, что и густые темно-каштановые волосы. Да, конечно же, он был на редкость красив. Однако мысль о том, что Эван вскоре станет ее мужем, почему-то встревожила Бьянку. Когда они в ее спальне предавались любви, она думала, что он останется для нее лишь ярким воспоминанием. Теперь же оказалось, что Синклер всегда будет рядом с ней — а ведь она почти не знает этого человека...

Эван почувствовал, как заворочалась Бьянка, но какое-то время притворялся спящим. Он без труда соблазнил ее, но все же она еще не стала его женой, и ему хотелось убедиться, что она не передумает в последнюю минуту. Наконец он поднял руку и осторожно погладил ее по щеке.

— Знаешь, дорогая, эта койка не рассчитана на двоих. Может, ты хочешь, чтобы во время плавания я спал где-нибудь в другом месте?

Вздвигнув от неожиданности, Бьянка вопросительно взглянула на улыбающегося Эвана. Сообразив, что он шутит, она поцеловала его в губы и ответила:

— Нет, я думаю что теперь мы будем спать рядом, так ведь?

Эван заглянул в ее чудесные изумрудные глаза — и тотчас же забыл, о чем спросил. Сейчас он хотел одного — обладать этим прелестным созданием. Эван привлек Бьянку к себе и принялся покрывать поцелуями ее шею и плечи. И она отвечала на его ласки с той же страстью — ее прикосновения были осторожными и в то же время невероятно возбуждающими. Вскоре уже Эван не в силах был сдерживаться. Чуть отстранив руку, ласкавшую его, он овладел своей прекрасной возлюбленной.

А потом они лежали рядом, и Бьянка осторожно перебирала пальцами каштановые волосы Эвана. На время забыв о своих тревогах, она думала лишь о счастье, переполнявшем ее в эти минуты. Мерное покачивание корабля убаюкивало, и Бьянка уже засыпала, но тут Эван, неожиданно приподнявшись на локте, проговорил:

— Я хотел дожидаться брачной церемонии, но перед твоей красотой невозможно устоять.

— Думаю, твое нетерпение было вызвано не моей красотой, а моими прикосновениями, — лукаво улыбнулась Бьянка, и ее пальцы снова скользнули по животу

Эвана.

Он засмеялся и зарылся лицом в ее золотистые локоны. Аромат, исходивший от нее, казался столь же восхитительным, как и ее ласки.

— Ты не забыла захватить свои духи? — прошептал он, целуя ее в шею.

— Конечно, не забыла. Настоящая леди никуда не отправится без духов, тем более в Америку.

— Ты очаруешь всю Виргинию. Но предупреждаю: я буду ревнивым мужем и не потерплю соперника, мечтающего о твоих ласках. — Таким образом Эван дал понять, что будет драться с человеком, последовавшим за Бьянкой, не из мести, а из-за ревности.

— Если ты такого низкого мнения обо мне, то почему же захотел жениться на мне? — спросила она, явно озадаченная словами Эвана.

Склонившись над Бьянкой, он поцеловал ее и прошептал:

— Я ни в чем не обвинял тебя, моя дорогая. Просто объяснил, что я очень ревнив и не потерплю посягательств на тебя.

— Но ведь не моя вина, что мужчины обращают на меня внимание. Я же не собираюсь их поощрять. И неужели американцы так плохо воспитаны, что ухаживают за чужими женами?

— Американцы — такие же мужчины, как и все прочие, и ты вскоре убедишься в этом, — улыбнулся Эван.

Пять минут спустя он поднялся с постели и, натягивая панталоны, проговорил:

— Моего юнгу зовут Тимоти Стюарт. Ему приказано не беспокоить нас. Сейчас я отправлюсь одеваться в каюту Уилла, но прежде я велю юнге принести лохань и горячую воду тебе для ванны.

Тронутая такой заботой, Бьянка радостно улыбнулась.

— Ванна — это просто замечательно! А потом мне нужно разместить свои вещи. Я не хочу, чтобы они мешали тебе.

Бьянка захватила с собой гораздо больше вещей, чем было необходимо. Но плавание предстояло долгое, поэтому Эван не стал возражать.

— Этим можно заняться и завтра. А сейчас искупайся и оденься, чтобы через час мы могли обвенчаться.

Бьянка, однако, полагала, что ее вещи заслуживают большего внимания.

— Возможно, Тимоти поможет мне разобраться их, — сказала она, поднимаясь с постели. — Ведь в каюте перед церемонией следует навести порядок.

— Нас обвенчают не здесь, малышка, а на палубе, где мои... то есть все люди Уилла будут свидетелями.

Бьянка в ужасе уставилась на Эвана.

— Но у меня нет желания устраивать подобный спектакль! — воскликнула она. — Неужели мы не можем обвенчаться здесь, в присутствии нескольких свидетелей? Почему мы должны развлекать всю команду? Церемония будет выглядеть гораздо достойнее, если ее проведут... не столь публично.

Но Эван менее всего думал о достоинстве, поэтому отмел все возражения:

— Я не хочу, чтобы у кого-либо возникли сомнения в том, что мы обвенчались, Бьянка. Поэтому все члены команды должны стать свидетелями этой церемонии. К тому же погода прекрасная, и мы с удовольствием проведем время на палубе. А эта каюта — едва ли подходящее место для венчания.

Бьянка обвела взглядом каюту, стены которой были обшиты дубовыми панелями.

— Это, конечно, не часовня, но тут очень даже красиво, и я бы предпочла заключить брачный союз именно здесь.

Эван собрал свою одежду, взял бритву и направился к двери. Обернувшись, сказал:

— Я объяснил тебе, почему хочу провести церемонию на палубе, и не изменю своих планов. Сейчас я пришлю Тимоти с лоханью и горячей водой. Надень накидку, если не хочешь, чтобы он застал тебя в одной нижней рубашке.

Бьянка с сожалением взглянула на свою измятую рубашку. Когда ее будущий супруг удалился, тихонько посмеиваясь, она с горечью проговорила:

— Он еще более страшный тиран, чем Паоло. Опасаясь, что юнга догадается, чем они с Эваном занимались, Бьянка поспешно убрала постель, затем надела накидку и села у стола с книгой, которую наугад схватила с полки. Однако Тимоти, мальчик лет десяти, оказался на редкость робким юнгой. Он принес небольшую медную лохань, ведра с водой, мыло и полотенце. Затем в смущении взглянул на Бьянку. Она ласково улыбнулась ему.

— Большое спасибо, Тимоти. Не мог бы ты зайти через полчаса, чтобы забрать лохань?

— Да, мэм, — с готовностью ответил мальчик. — Я буду ждать за дверью.

— Спасибо. Я позову тебя, когда закончу.

Бьянка заперла на всякий случай дверь и с удовольствием погрузилась в горячую воду. Она нежилась в лохани до тех пор, пока вода не начала остывать. Наконец взяла кусок мыла, но оно оказалось значительно хуже, чем то, к которому Бьянка привыкла дома. Впрочем, она не расстраивалась, ведь покупки можно было сделать в любом порту. При мысли об этом Бьянка улыбнулась; она не сомневалась в том, что Эван действительно очень богат. Что ж, он оказался щедрым на ласки и наверняка станет щедрым мужем во всех отношениях.

Выбравшись из лохани, Бьянка стала торопливо одеваться, чтобы Эван не подумал, что его будущая супруга слишком много времени уделяет своему туалету. Однако она тут же поняла, что сама не сможет зашнуровать корсет. Было ясно, что все равно без помощи Эвана не обойтись. Снова надев накидку, Бьянка велела Тимоти убрать лохань; она решила, что было бы неразумно просить мальчика помочь ей одеться.

Неожиданно в каюте появился Эван, решивший проверить, одета ли Бьянка. Увидев, что невеста по-прежнему в одной рубашке, а повсюду разбросаны наряды, он строго взглянул на нее.

— Я бы хотел обвенчаться до наступления ночи. Чем ты занималась все это время? — Окинув взглядом каюту, Эван подумал, что у Бьянки затруднения с выбором платья. — Надень любое, ты во всем прекрасна.

— Спасибо, — ответила Бьянка с очаровательной улыбкой. — Я знаю, что надеть, но мне нужна помощь, чтобы одеться.

— Да-да, конечно, я должен был подумать об этом, — пробормотал Эван. Он не мог припомнить, чтобы когда-нибудь выполнял обязанности камеристки, но решил, что это будет выглядеть забавно. — Что я должен сделать прежде — помочь тебе закрепить чулки или уложить волосы? — спросил он, отвесив ей низкий поклон.

— Ни то ни другое, — засмеялась девушка. Надев корсет, она повернулась к Эвану спиной. — Только зашнуруй его, а с остальным я справлюсь сама.

— Ты так стройна, зачем тебе корсет? — усмехнулся Эван и принялся затягивать шнурки на тяжелом корсете из китового уса.

— Талия у меня тонкая, это верно, — сказала Бьянка, когда корсет был затянут. — Но

кроме того, у меня есть платья, юбки которых должны прикрепляться к петлям на корсете, так что без него, как видишь, не обойтись.

— Да, разумеется, — кивнул Эван, окидывая Бьянку восторженным взглядом; он с трудом подавил желание, вновь вспыхнувшее в нем. — Я был бы тебе весьма признателен, если бы ты оделась побыстрее. Все уже собрались, а я хочу, чтобы ты сначала познакомилась с капитаном.

Бьянка уже выбрала платье из бледно-розового бархата, расшитого изящными розовыми бутонами.

— А что он хочет мне сказать? — спросила она с волнением. — Может, есть вопросы, на которые я должна дать правильные ответы? Если да, то, пожалуйста, скажи мне, как отвечать, чтобы я не разочаровала его.

— Вопросы? — спросил Эван, нахмурившись. — У него не будет вопросов. Я просто хочу, чтобы он познакомился с тобой. Тебе вовсе не нужно отчитываться перед капитаном.

— О... понятно. — Бьянка наконец закрепила юбку и расправила кружева на груди и на рукавах. — Как ты полагаешь, не следует ли мне уложить волосы по-другому?

Эван с улыбкой покачал головой — золотистые локоны Бьянки были прекрасно уложены. Поцеловав ее в губы, он проговорил:

— Ты прелестная невеста. Подожди минутку, я сейчас приведу капитана.

Эван не сомневался, что красота венецианки поразит Уилла, но не предполагал, что и Уилл настолько понравится Бьянке, что она тут же вступит с ним в пространную беседу. Она так долго расспрашивала Саммера о его путешествиях и об Америке, что Эван стал терять терпение. Наконец, не выдержав, он обнял невесту за талию и, стараясь скрыть свое раздражение, проговорил:

— Во время плавания, моя дорогая, ты успеешь выслушать историю всей жизни Уилла. А сейчас у нас есть дела поважнее.

Совершенно очарованный Бьянкой, Уильям Саммер смотрел на нее во все глаза, не в силах отвести взгляд. Наконец, пересилив себя, он повернулся к Эвану:

— Я хотел бы сначала переговорить с вами, сэр. Наедине, — добавил он решительно.

Раздраженный бесконечными задержками, Эван принес извинения Бьянке и вытолкнул Уилла из каюты.

— Что такого могло случиться за несколько минут? Неужели нас преследуют?

— Нет-нет! — поспешно ответил Уильям. — Я насчет венчания. Вот уж не ожидал, что мисс Антонелли окажется такой... э... настоящей леди. Ее английский безупречен. А твой план... это просто несправедливо, и я не могу поддержать тебя.

Заложив руки за спину, Эван пристально посмотрел на Саммера.

— Я рад, что тебе понравилась Бьянка, но она не может вернуться домой. Так что же, по-твоему, ее ждет, если мы сегодня с ней не обвенчаемся?

— А почему она не может вернуться к родителям? — хриплым шепотом проговорил Уильям. — Она, конечно, не захочет остаться с тобой после того, как ты хладнокровно расправишься с убийцей Чарльза. Ведь у нее наверняка близкие отношения с этим человеком.

Эван нахмурился. Подобная мысль не приходила ему в голову.

— Но мы не знаем, как скоро нас догонит этот человек, — ответил он наконец. — И я надеюсь, что Бьянка к тому времени ко мне привыкнет. Тогда уже будет слишком поздно отправлять ее к родителям, Уилл. Да и сейчас уже слишком поздно.

Уильям выругался сквозь зубы, но тут же умолк — он слишком хорошо знал Синклера. Эван усмехнулся:

— Похоже, я убедил тебя. Собери людей, а я приведу Бьянку.

— Но ведь все на борту знают, зачем мы отправились в Венецию. Она непременно услышит пересуды.

— Капитан Саммер! Если кто-нибудь осмелится хотя бы прошептать имя моего брата в ее присутствии, этот человек вынесет себе смертный приговор. Постарайтесь, чтобы этого не случилось.

Уильям знал, что Синклер никогда не бывает беспричинно жестоким, и в то же время у него не было ни малейших сомнений: слова Эвана — не пустые угрозы.

— Я немедленно позабочусь об этом, — ответил капитан и отправился собирать команду.

Стоя у мачты, окруженная матросами, Бьянка думала о том, что палуба «Феникса» — не самое подходящее место для брачной церемонии. Но Эван пребывал в таком приподнятом настроении, что она не решалась снова выказывать свое недовольство. Держась обеими руками за руку Эвана, Бьянка старалась не замечать устремленных на нее взглядов. Однако присутствие такого множества мужчин ее смущало, и она едва слышала голос Уильяма Саммера, торжественно произносившего слова обряда. И к тому же все эти матросы... Они смотрели на нее как-то странно. А может, они просто суеверны, может, присутствие женщины на борту им не нравится? Какие могут быть еще причины? Или же у американцев существуют какие-то странные обычаи, о которых она понятия не имеет? Хорошо еще, что Эван не обращает на них внимания.

Бьянка надела накидку и прикрыла волосы капюшоном, и все же ветер трепал выбившиеся пряди, хлестал по глазам, наполняя их слезами. Это внезапно затеянное венчание совершенно не походило на то, о котором она когда-то мечтала, так что Бьянка даже не заметила, когда Уильям умолк в ожидании ее ответа. Эван легонько похлопал ее по руке, и Бьянка смутилась — подобная невнимательность с ее стороны могла показаться странной. Но ведь она действительно не слышала вопроса и не знала, что следует ответить.

Бьянка медлила с ответом, и тогда Эван тихонько прошептал:

— Ты должна сказать «да».

Бьянка взглянула на него и робко улыбнулась.

— Да, — произнесла она с удивительным спокойствием.

После этого она уже внимательно следила за капитаном и, когда следовало, отвечала громко и уверенно. Однако собравшиеся на палубе мужчины по-прежнему смотрели на нее как-то странно, и Бьянка начала гадать: что же такого Эван рассказал о ней? Но что он мог рассказать? Ведь они почти не знают друг друга... И все же Бьянка надеялась, что они с Эваном будут так же счастливы в браке, как ее родители.

Когда настало время обменяться кольцами, Эван снял с мизинца золотой перстень. Он оказался слишком велик для Бьянки, но Эван лукаво ей подмигнул, как бы давая понять, что вскоре у нее появится другое кольцо. Потом, до самого конца церемонии, он крепко сжимал ее руку, чтобы перстень не соскользнул с пальца. Наконец капитан Саммер объявил их мужем и женой, и Эван склонился к Бьянке и поцеловал ее. Но даже после этого ей все еще не верилось, что она стала женой Эвана Синклера.

— Позвольте мне первому пожелать вам счастья, миссис Синклер, — сказал Уильям, затем он поздравил и Эвана.

Потом новобрачных поздравляли члены команды и Бьянка при этом пыталась улыбаться, хотя улыбаться было не так-то просто — ведь она никогда прежде не встречала таких мужчин. Все они выглядели так же молодо, как Уильям и Эван, и все были загорелые и мускулистые. Причем у каждого из-за пояса торчал пистолет или кинжал. Наконец поздравления закончились, и Бьянка вздохнула с облегчением. Эван тотчас же приказал раздать матросам дополнительную порцию рома и увел жену в каюту. Бросив накидку на ворох платьев, Бьянка повернулась к Эвану.

— Ты хорошо знаешь этого Саммера? — торопливо спросила она.

— Очень хорошо. — Решив, что такое событие, как венчание, следует должным образом

отметить, Эван нашел среди своих запасов бутылку прекрасного бренди. Налив немного в серебряный бокал, он протянул его Бьянке. Потом налил себе. — Я хотел бы предложить тост: за нас, моя прелесть, за наше счастье и за будущих детей.

Бьянка подумала о том, что и одного ребенка было бы вполне достаточно. Однако, решив, что этот вопрос пока не стоит обсуждать, она спросила:

— Тебе не кажется, что капитан Саммер набрал довольно странную команду? В Венеции бывает много моряков, но там я таких не видела.

Эван пожал плечами:

— Нет, не кажется. Неужели тебя интересуют простые матросы?

Эван заметил, что Бьянке понравился Уилл, но он не предполагал, что ее увлечение молодыми людьми может распространиться на всю команду! Выходит, он женился на слишком легкомысленной девице?

Эван нахмурился и отхлебнул из своего бокала. Но Бьянка вовсе не хотела огорчить мужа. Мило улыбнувшись, она сказала:

— Ты предупредил меня, что ревнив, но у тебя нет оснований для ревности. Ни один из них не может сравниться с тобой, и я сомневаюсь, что кто-нибудь из них хотя бы наполовину так умен и очарователен, как ты. — Эван едва заметно улыбнулся, и Бьянка добавила: — Но меня очень встревожил... вид команды. Они похожи на шайку головорезов, вот я и подумала: а может, следует их опасаться? Или в Америке все молодые мужчины такие грозные?

Наконец сообразив, что Бьянку просто смутил облик его команды, Эван громко расхохотался.

— На «Фениксе» самая замечательная команда во всей Америке! А тебе они показались головорезами? — Бьянка молча кивнула, и Эван, пытаясь успокоить ее, пояснил: — Когда колонии объявили о своей независимости от Великобритании, у нас не было военного флота. Поэтому владельцы воевали на своих собственных кораблях. А люди, которых ты назвала головорезами, прослужили вместе со мной на «Фениксе» почти всю войну. Теперь, когда война закончилась, они снова стали моряками торгового флота. Я знаю, что они отважны. И надеюсь, что они выглядят храбрецами, а не злодеями.

— Я вовсе не собиралась оскорбить их, но все они так странно смотрели на меня. Не так, как мужчины смотрят на красивую женщину, а по-другому. Я даже не знаю, как тебе объяснить. А ты сам ничего не заметил?

Эван прекрасно понимал, как именно смотрели матросы на его жену. Они смотрели настороженно... Ведь она в какой-то степени была повинна в смерти Чарльза. Но Эван не мог сказать об этом Бьянке, поэтому придумал другое объяснение:

— Честно говоря, я думаю, что они завидуют моей удаче. А мысли о женах и возлюбленных, оставшихся дома, еще больше их расстроили, что вполне естественно. Но дополнительная порция рома развеет их грусть, так что тебе не следует из-за них тревожиться.

Бьянка решила, что более нелепую причину для неприязни трудно придумать, но оставила эти мысли при себе.

— Я ведь их совсем не знаю, — с сожалением проговорила она. — Возможно, когда я узнаю каждого по имени, у меня сложится о них другое мнение.

— В этом нет необходимости. Я собираюсь сам тебя развлекать.

— Да, конечно. Но за время плавания я все равно узнаю имя каждого.

Бьянка нервно расхаживала по каюте. Объяснения Эвана ее совершенно не удовлетворили, и матросы по-прежнему казались ей странными.

— Сомневаюсь, что тебе представится такая возможность, Бьянка. Потому что всякий раз, когда ты будешь выходить на палубу, я буду с тобой, а сюда никто из них не осмелится зайти. — Почувствовав, что разговор принимает нежелательный оборот, Эван осушил бокал и, отставив его в сторону, сменил тему: — Мне следовало распорядиться, чтобы Тимоти еще раньше принес тебе чего-нибудь. Прощу простить меня за невнимательность. Он сейчас принесет нам ужин.

— А я ни разу не вспомнила о еде, — улыбнулась Бьянка. И действительно, она была настолько поглощена приготовлениями к церемонии, что не чувствовала голода. Взглянув на Эвана, она неожиданно добавила: — Если ты мне покажешь, где я могу хранить свои вещи, я их сейчас же уберу.

— Но, Бьянка, вещи могут подождать.

Она откинула на спину свои золотистые волосы.

— Нет, не могут. Твоя каюта была такой опрятной до моего появления. И я знаю, что беспорядок раздражает тебя еще больше, чем меня.

Эван чувствовал: Бьянку явно что-то беспокоит. Он взял ее за руку и, устроившись на стуле, усадил к себе на колени. Поцеловав ее в губы, он прошептал:

— Нам предстоит долгое путешествие, и не стоит торопиться с делами, тем более с уборкой. Ведь есть другие занятия, причем более приятные.

Бьянка прекрасно поняла, что имеется в виду, но ей казалось, что сейчас не время этим заниматься, ведь скоро должен был появиться Тимоти с ужином. Она нервно крутила кольцо на пальце. Наконец сняла его и положила на ладонь Эвану.

— Я непременно потеряю его, так что лучше оставь пока у себя.

— Я куплю тебе все, что пожелаешь! Рубины, изумруды, сапфиры, бриллианты — что ты предпочитаешь? — Эван снова надел перстень на мизинец; этот перстень когда-то принадлежал его отцу, и он очень им дорожил.

— Что предпочитаю? А ты сделай мне сюрприз, — улыбнулась Бьянка.

— Хорошо, договорились, — со смехом ответил Эван и снова поцеловал жену. — И вот что, Бьянка, не беспокойся ни о чем, все у нас будет хорошо, я же обещал тебе.

— Я знаю, — ответила она. — Просто я никогда раньше не перечила родителям, а сейчас так их огорчила... Они никогда не простят меня.

— Дорогая, тебе больше не нужны родители. Ты теперь моя жена, и я буду о тебе заботиться.

— О... Эван, я вовсе не хотела обидеть тебя, — смутилась Бьянка. — Но если бы ты помог мне убрать вещи...

Эван нахмурился и, отстранив жену, поднялся со стула.

— Понятно. Я вижу, что у меня не будет ни минуты покоя, пока ты не займешься этим. Места у меня здесь вполне достаточно, только я сейчас кое-что переложу, и ты сможешь убрать все свои вещи. — Эван не понимал, почему Бьянка так упорно стремится навести порядок в каюте, но он тоже начинал нервничать, а работа отвлекала. Они были в море уже двенадцать часов. Сколько времени понадобится убийце Чарльза, чтобы подготовить корабль и последовать за ними? — Тебе нравится мой «Феникс»? — спросил Эван. — Это балтиморский клипер. Такие корабли славятся своей красотой и скоростью.

— Да, он действительно кажется очень быстрым, — ответила Бьянка. — Но способен

ли он брать достаточно груза для такого долгого и опасного путешествия?

Эван не ожидал, что Бьянка окажется столь наблюдательной.

— Что ж, в некоторых случаях скорость — самое главное.

— Ты хочешь сказать — во время войны?

— Именно, — кивнул Эван.

— А сколько пушек на «Фениксе»?

— Всего лишь двенадцать. Но команда стреляет метко, все они прекрасно подготовлены. — Не желая распространяться о подвигах своих людей, Эван сменил тему. — А какие корабли у твоего отца? — поинтересовался он.

— Корабли? Наша семья нажила состояние, торгуя специями. Отец закупает товар оптом, а потом продает его с выгодой для себя. Но сейчас он больше занят политикой, поскольку является советником дожа. И у отца нет собственных судов, кроме гондол. А ты? Кому ты собираешься продать венецианское стекло? Это клиенты или же оптовый торговец?

— Я и не предполагал, что ты так прекрасно разбираешься в торговле, Бьянка, — улыбнулся Эван и продолжил расспросы: — Скажи, а какие корабли у дожа?

Бьянка тотчас оживилась.

— Ну, разумеется, «Буцентавр», — ответила она. — Это сказочная галера. Дерево обито позолоченным листом, поэтому галера сияет на солнце так, словно сделана из чистого золота. Она выходит в лагуну каждый год, когда дож на специальной церемонии заключает брак с морем. Он бросает кольцо в воду и объявляет, что союз между Венецией и морем будет длиться вечно.

Это захватывающее зрелище, я видела церемонию несколько раз.

Эван с трудом скрывал свое нетерпение. Хотя рассказ Бьянки был очень интересен, сейчас он хотел услышать совсем другое.

— Какой удивительный обычай! А этот корабль, «Буцентавр», он весельный, ты говоришь?

— Да. Представляешь, требуется почти сотня гребцов, чтобы сдвинуть с места этот замечательный корабль.

— А какие еще есть суда у дожа?

— Гондолы, конечно. Вряд ли ему нужны другие корабли, потому что он никогда не покидает Венецию.

— А у Паоло? — Освободив два ящика для вещей жены, Эван повернулся к ней лицом.

— Семья Паоло занимается производством стекла. Я думала, ты появился у него на балу только для того, чтобы Марко тебе его представил. Разве ты не был на Мурано, где находятся его стеклодувные мастерские?

— Да, наблюдать за этим процессом очень интересно, но скажи мне: а разве у Паоло нет кораблей, чтобы перевозить товар?

— Нет. Все желающие купить венецианское стекло сами приплывают в Венецию, как ты.

— Понятно. — Эван задумался; только сейчас он понял, что у убийцы вряд ли есть собственный корабль и ему потребуется несколько дней, чтобы снарядить погоню.

Бьянка, заметив, что муж чем-то озабочен, не стала его беспокоить, а занялась своими вещами.

— Ну вот, теперь твоя каюта снова опрятная, и я постараюсь и в дальнейшем поддерживать здесь порядок.

— Я никогда не жил в одной комнате с женщиной, но рад, что ты такая аккуратная. — Эван хотел поцеловать жену, но тут в дверь постучали. — Это, должно быть, Тимоти.

— О, вот и хорошо. Я все-таки проголодалась!

Юнга внес серебряный поднос с несколькими блюдами, источавшими восхитительные ароматы. Бьянка с нетерпением дожидалась, когда Тимоти накроет на стол. Как только дверь за мальчиком закрылась, она схватилась за вилку. Эван пристально посмотрел на нее и покачал головой.

— Разве у вас в семье не молятся перед трапезой? — поинтересовался он.

Бьянка в смущении отложила вилку.

— Прошу прощения. Ты, должно быть, считаешь меня совершенно невоспитанной.

— Напротив, это я допустил оплошность. Мне уже давно следовало накормить тебя. Прошу, не жди, когда Тимоти принесет нам поесть. Если проголодаешься, сразу скажи мне, и я немедленно распоряжусь приготовить что-нибудь.

— Спасибо, но я ем очень немного. — Бьянка с благодарностью взглянула на мужа, ведь он был так добр к ней. Он взял ее за руку, склонил голову и попросил Господа благословить не только их ужин, но и их брак. Бьянка же вспыхнула от стыда. Когда Эван наконец взялся за вилку, она пробормотала: — Мне действительно очень жаль...

— Бьянка, принимайся за еду, пока не упала в обморок от голода! — сказал он со смешком.

Выпив бокал вина, Эван приступил к ужину. Сейчас он мог немного расслабиться, потому что знал: преследователи едва ли нагонят их до рассвета. Тем не менее ему не терпелось увидеть преследователя, и он надеялся, что это будет Паоло, а не отец Бьянки или человек, посланный дожем.

— Разве ты обычно не обедаешь с капитаном? — поинтересовалась Бьянка.

Эван поднял голову и с улыбкой ответил:

— Вряд ли Уилл ждет меня сегодня, ведь у нас брачная ночь. Впрочем, если мы наскучим друг другу, я, пожалуй, пойду к нему. — Он лукаво подмигнул жене.

Бьянка вспыхнула, и ее щеки стали почти такими же багровыми, как вино в ее бокале, — ведь она вовсе не имела в виду брачную ночь.

— Я... э... я говорила не о сегодняшнем вечере, а интересовалась твоими привычками.

— А, понятно... — Эван кивнул. — Можешь не беспокоиться за капитана Саммера. Ему не придется есть в одиночестве. А мы с тобой, мне кажется, прекрасно обойдемся без посторонних.

— Да, надеюсь, — пробормотала Бьянка. — Ты, судя по всему, доверяешь Саммеру и его команде. Но часто ли он плавал в Средиземноморье?

— Это у нас здесь первое плавание, а что? — Эван налил себе еще вина.

— Тут много опасностей — и не только из-за трудностей навигации, но и из-за пиратов, которыми кишит побережье. Они не решатся напасть на корабль, входящий в Средиземное море, но мы плывем в обратную сторону, и в этом случае от них труднее ускользнуть.

— Не стоит бояться пиратов, Бьянка. Наш «Феникс» им не догнать, — добавил Эван с гордостью.

— «Феникс» может легко ускользнуть от одного или от двух кораблей, но пираты часто охотятся группами. Понимаешь, им совершенно нечего бояться, потому что правители Алжира, Марокко и Туниса живут за счет пиратства.

Поскольку его молодая жена обладала обширными познаниями в этой области, Эван

решил дать ей возможность поделиться ими.

— Хотя это и маловероятно, но все же... Если нас атакуют и захватят пираты, какова тогда будет наша участь?

Бьянка сделала глоток вина и, немного подумав, ответила:

— Все будет зависеть от того, на каких пиратов мы наткнемся. Алжирский бей коварный и алчный, он возьмет в рабство всю команду, продаст груз, заберет себе «Феникс» и, вполне вероятно, потребует за меня огромный выкуп, когда узнает, кто я.

— Ясно. А что произойдет со мной? Стану ли я в итоге рабом или же ты будешь настаивать, чтобы твоего мужа выкупили вместе с тобой?

Видя веселые огоньки в глазах мужа, Бьянка поняла, что он шутит, но решила ответить серьезно:

— Боюсь, что мы оба все же станем рабами, потому что за меня некому заплатить выкуп. Я вышла за тебя замуж, и теперь родители откажутся от меня. Если бы бей потребовал выкуп, его человек вернулся бы из Венеции с пустыми руками. А уж в Америку вряд ли кто-нибудь отправится, чтобы требовать золото за твое освобождение.

Эван в задумчивости кивнул:

— Не очень приятная перспектива, моя дорогая. Но полагаю, что твои родители все же не откажутся заплатить за тебя выкуп.

— Напротив, они непременно откажутся! — решительно заявила Бьянка. — Неужели ты не понимаешь, что я сделала? Мои родители выбрали мне в мужа Паоло Саммарезе. А я не только отказалась выполнить данное ими обещание, но еще и сбежала с тобой. Как ты можешь сомневаться в том, что меня лишат наследства за такое непослушание? Неужели в Америке родители настолько снисходительны, что не поступают так же со своими дочерьми?

— В моей стране, Бьянка, существует множество способов опозорить свое имя, но я сомневаюсь, что какие-нибудь родители оставили бы дочь в лапах бея. По крайней мере мне хочется так думать.

— Ну а я лишь надеюсь, что команда капитана Саммера в бою столь же грозная, как и на вид, вот и все. — Бьянка нахмурилась: она полагала, что Эван слишком легкомысленно относится к такой серьезной опасности.

— Пираты нас беспокоят менее всего, дорогая, — попытался успокоить жену Эван. — И вообще, почему мы вдруг заговорили на такую неприятную тему?

— Ты же сам сказал, что плавание будет долгим. Значит, мы должны предвидеть все возможные опасности, должны попытаться их предотвратить, разве не так? Надо придумать, как уберечься от пиратов. Было бы просто глупо не позаботиться об этом.

— Да, разумеется, — кивнул Эван. — Завтра утром я непременно поговорю об этом с Саммером. И больше не беспокойся, мы с капитаном обо всем позаботимся. Уверен, что победить пиратов не труднее, чем англичан.

При упоминании об англичанах Бьянке пришла в голову мысль, которой она тут же поделилась с Эваном:

— О, я, кажется, догадываюсь, в чем дело... Я им не нравлюсь, потому что моя мать — англичанка. Когда нас с тобой познакомили, у тебя был такой суровый вид...

Эван с удивлением посмотрел на жену.

— Во-первых, они полагают, что ты — венецианка. Только Уилл знает, что ты наполовину англичанка. А во-вторых, мы все были британскими подданными еще несколько

лет назад, так что никто не может ненавидеть тебя за то, что у тебя мать англичанка.

— Наверное, ты прав, — пробормотала Бьянка и попыталась улыбнуться.

— Ты уже наелась? Может быть, хочешь чаю? — неожиданно спросил Эван.

— Нет-нет, я больше не смогу проглотить ни кусочка, — поспешно ответила Бьянка.

Она сделала глоток вина и отставила бокал.

Отодвинув от себя тарелку, Эван встал из-за стола.

— Возьми свою накидку и давай прогуляемся по палубе, — сказал он. — Еще слишком рано ложиться спать, даже сегодня.

— Да, конечно.

Вскоре они уже расхаживали по палубе красавца «Феникса». Последние лучи заходящего солнца позолотили белые паруса, и сейчас корабль стал еще прекраснее. То и дело они останавливались у поручней, любуясь закатом и предвкушая появление первых звезд. Когда Бьянка в последний раз смотрела на небеса и грезилась о приключениях, она даже не предполагала, что ее жизнь внезапно станет такой захватывающе интересной. Она взглянула на мужа, и глаза ее потеплели.

— Я люблю тебя, Эван, — сказала она.

Слова Бьянки тотчас же унесло ветром, но муж понял ее и привлек к себе. Когда же Эван наконец отстранился, он заметил яркий румянец, пылавший на щеках Бьянки. Склонившись к ней, он тихо проговорил:

— Это мое самое любимое время. Закат и рассвет.

— И мое тоже, — улыбнулась Бьянка.

Несколько минут понаблюдав за молодыми супругами, Уильям Саммер отвернулся. Впервые в жизни его мучили угрызения совести. Ему казалось, что, скрепив узами брака Бьянку Антонелли и Эвана Синклера, он совершил нечто ужасное, непоправимое... Правда сейчас они были счастливы вместе, но это лишь усугубляло дурные предчувствия Уильяма. Капитан прекрасно знал Эвана, поэтому не мог поверить, что тот женился на девушке только ради того, чтобы сберечь ее честь. Если бы только Чарльз не отправился в Венецию один!.. Что ж, слава Богу, что хотя бы Эван покинул Венецию в добром здравии. Теперь им лишь осталось благополучно вернуться в Ньюпорт-Ньюс...

Обнимая молодую жену, Эван почувствовал, что ее близость вновь его возбуждает.

— Дорогая, я не хочу, чтобы ты замерзла. А на палубе уже становится прохладно.

Когда они вернулись в каюту, Бьянка повесила накидку на спинку стула и осмотрелась в надежде увидеть что-нибудь интересное, такое, чего она не заметила раньше. Спать же ей не хотелось — слишком велико было напряжение после прошедшего дня. Днем каюту ярко освещало солнце, но сейчас в ней царил полумрак, и лишь тускло светили лампы, мерцание которых почему-то смущало Бьянку.

Эван тотчас же заметил, что супруге не по себе. Решив, что ей хочется побыть в одиночестве, он, направляясь к двери, сказал:

— Мне нужно еще раз поговорить с Уиллом. Готовься ко сну, я вернусь через несколько минут.

Когда Бьянка обернулась, Эвана уже не было в каюте. Она быстро разделась и надела ночную рубашку из мягкого полотна, отделанную по подолу, лифу и рукавам широким кружевом. Ей вдруг пришло в голову, что новая рубашка слишком хороша для того, чтобы спать в ней. Но ведь в первую брачную ночь она должна выглядеть наилучшим образом... Бьянка невольно засмеялась, подумав о том, что знает гораздо больше, чем следовало бы.

знать порядочной девушке перед первой брачной ночью.

— Ах Бьянка, какой скандал вызовет твоя свадьба! — воскликнула она, усаживаясь на постель, чтобы расчесать волосы.

Вернувшись в каюту, Эван замер в изумлении.

— Дорогая, ты божественно прекрасна в этой рубашке! Впрочем, я знал, что Венеция славится кружевами. Жаль, что не успел купить кружева для матушки.

— Ты сегодня говорил об отчине, а сейчас упомянул мать. Есть ли у тебя братья и сестры? — спросила Бьянка.

— Нет, к сожалению, — ответил Эван, решивший пока не упоминать Чарльза.

Когда Бьянка подошла, чтобы расстегнуть его жилет и рубашку, он удивился: неужели она хочет раздеть его? Но ее прикосновения были такими нежными и вместе с тем возбуждающими, что Эван не стал противиться. Прежде чем Бьянка успела отступить, он обнял ее и осторожно привлек к себе, решив, что в эту ночь не будет торопиться. Однако ее губы с привкусом бренди оказались столь сладостными, что Эван не в силах был отстраниться. Он еще крепче обнял Бьянку, и поцелуи его стали еще более страстными. Изнемогая от желания, Эван все-таки заставил себя отстраниться — не мог же он улечься в постель в сапогах. Усевшись за стол и сделав глоток бренди, он потянулся к правому сапогу, пробормотав:

— Ты самая чудесная женщина на свете, моя дорогая, но все же я должен раздеться, прежде чем мы скрепим наш брачный союз.

— Ты считаешь меня слишком смелой? — спросила Бьянка с простодушной улыбкой. — Мои родители не скрывают своих чувств, но, возможно, твои более сдержанны.

Эван счел наивность жены очаровательной.

— А сколько тебе лет, Бьянка? — Он отбросил правый сапог, потянулся к левому, но все это время не отрывал восхищенного взгляда от ее лица.

— Мне шестнадцать. А тебе сколько?

— Тридцать два. Я старше тебя ровно вдвое, — ответил Эван с лукавой улыбкой.

— И ты никогда не был женат? — спросила Бьянка. Эван рассмеялся:

— Поздновато сейчас спрашивать об этом. А ты была бы против, если бы оказалась моей второй или третьей женой?

Бьянка в растерянности кусала губы.

— Ты не должен спрашивать меня об этом, если на то нет причин. А если ты был раньше женат, так и скажи, но не смейся надо мной.

Эван поспешил успокоить жену:

— Нет, Бьянка, я раньше не был женат. Вот только не думал, что для тебя это так важно. — Заметив, что на ее ресницах заблестели слезы, он добавил: — Мы сегодня поклялись любить друг друга отныне и навеки. Разве тебе этого недостаточно?

Бьянка в задумчивости села на постель. Она даже не подозревала, как соблазнительно выглядит в этот момент.

— То, что ты мужчина и старше меня, не дает тебе права постоянно смеяться надо мной. Я бы хотела, чтобы ты прекратил это.

Несмотря на отчаянные усилия сдержаться, Эван расхохотался, он просто ничего не мог с собой поделать. Когда же зеленые глаза его жены запылали гневом, он не торопясь допил бренди и проговорил:

— Я думаю, это вы насмехаетесь надо мной, миссис Синклер. — Эван сел рядом с

женой и поднес к губам ее руку. — Я прихожу и вижу тебя... такой соблазнительной. Ты помогаешь мне раздеться, страстно отвечаешь на мои поцелуи, а теперь вдруг хочешь поссориться из-за количества моих жен, в то время как ты у меня первая. Что я могу сказать? Только то, что это ты насмехаешься надо мной.

— Я вовсе не насмехаюсь, — запротестовала Бьянка. — Я лишь хотела порадовать тебя, но не желаю тебя ни с кем делить.

— Любимая, даже если бы у меня было пятнадцать жен, тебе не пришлось бы меня с кем-то делить. Ну же, иди сюда.

Хотя пуговички на рубашке Бьянки были крохотными, Эван тотчас же расстегнул их. Он жаждал прикоснуться губами к мягким розовым бутонам ее груди, он хотел покрывать поцелуями ее прекрасное тело, хотел насладиться ее божественной красотой. Отбросив в сторону панталоны, Эван увлек жену на постель.

Утомленные минутами страсти, они долго лежали молча. Голова Бьянки покоилась на плече мужа, и он осторожно перебирал пальцами ее золотистые пряди. Эван знал, что ей тоже не спится, и знал, что в душе ее царит покой. Его же терзали горечь и злоба — он вновь вспоминал брата и жаждал мести. Однако Эван был почти уверен: Франческо Антонелли не мог отдать приказ убить Чарльза. Он просто заставил бы дочь выйти замуж за Паоло и таким образом переложил бы на него всю ответственность за Бьянку. А вот Паоло, конечно же, пришел в ярость, узнав о посягательствах влюбленного американца; очевидно, он и задумал убийство. Теперь же, после исчезновения Бьянки, высокомерный венецианец будет вынужден последовать за ней... При этой мысли Эван невольно улыбнулся. Что ж, он убьет мерзавца еще до того, как тот успеет ступить на палубу «Феникса». Паоло уже можно было считать покойником. Наконец-то успокоившись, он взглянул на молодую жену.

— Дорогая, мне так трудно сдерживать себя, когда ты рядом. Возможно, я слишком нетерпелив и должен остудить свой пыл, — прошептал он ей на ухо.

В каюте царил полумрак, и Эван не видел, как густо покраснела Бьянка; она же почувствовала, как жарко запылали ее щеки.

— Может, я просто не могу доставить тебе удовольствие? — проговорила она в замешательстве. — Прости, если я делаю что-то не так.

Эван засмеялся и крепко обнял ее.

— Ты все делаешь замечательно! Но тебе еще многому надо научиться в постели. Впрочем, у нас для этого будет время. Я не хотел торопить тебя и брать больше, чем ты готова отдать.

Бьянка молчала, не зная, как ответить. Ведь до встречи с Эваном она имела весьма смутные представления о том, что происходит между мужчиной и женщиной в постели. Ее муж оказался очень страстным мужчиной, с ней он был осторожен и нежен. А ощущения, которые она испытывала, когда он ласкал ее, — ни в одном из двух языков, которыми владела Бьянка, не было слов, чтобы описать эти ощущения.

— Эван, я никогда не встречала такого замечательного человека, как ты, — сказала она наконец. — И несомненно, лучшего любовника, чем ты, не найти. Я действительно мало знаю о том, как доставить удовольствие мужчине, но ты ведь не упрекал меня...

— Я просто не хотел тебя обидеть, — улыбнулся Эван; склонившись над женой, он снова принялся целовать и ласкать ее.

Проснувшись на следующее утро, Бьянка сладко зевнула и, повернувшись, чтобы взглянуть на Эвана, обнаружила, что его нет в каюте. Муж аккуратно сложил ее ночную рубашку и положил у нее в ногах. На столе Бьянка увидела корзиночку с апельсинами и печеньем, а на умывальнике — кувшин с водой. Она быстро умылась и надела чистое белье. Но тут же поняла, что без Эвана ей и на сей раз не обойтись. Бьянка принялась ждать мужа, но тот не появлялся. Наконец вошел юнга, и она обратилась к нему с улыбкой:

— Мне нужно, чтобы ты завязал корсет, Тимоти. Не мог бы ты помочь мне?

Мальчик в испуге уставился на Бьянку, но отказаться ей не посмел.

— Капитан Синклер сказал, что я должен находиться в вашем распоряжении, мэм, — ответил он.

Тимоти поставил на стол кофейник, вытер ладони о штаны и, взявшись за шелковые шнурки корсета, затянул их. Заинтригованная словами юнги, Бьянка мило улыбнулась ему.

— Спасибо за помощь, Тимоти, но почему ты называешь моего мужа капитаном Синклером? Разве не Уильям Саммер капитан «Феникса»?

Тимоти густо покраснел, решив, что допустил ужасную ошибку.

— Да, мэм, это так. Но сначала я служил у капитана Синклера, поэтому не знаю, как теперь его называть.

— Тогда ты должен спросить его об этом, Тимоти, потому что я уверена: на «Фениксе» не может быть двух капитанов.

— Да, мэм.

Заметив, что смутила мальчика, Бьянка заговорила о другом:

— Тимоти, а когда ты впервые вышел в море? Юнга ненадолго задумался. Потом, нахмурившись, ответил:

— В конце войны. Мой отец плавал на «Фениксе», но англичане его убили. У меня еще трое маленьких братьев, так что мама была рада, когда мне предложили это место.

Бьянка полагала, что не следует задерживать мальчика, но все же любопытство взяло верх.

— Тебя ведь нанял мой муж, а не Саммер? — спросила она.

— Да, мэм. Он теперь заботится о моей семье. Говорит, что это его долг перед моим отцом, потому что отец был хорошим матросом.

Великодушие Эвана не могло не вызывать уважения, и Бьянке захотелось узнать о муже побольше.

— Скажи, Тимоти, а мой муж заботится о твоём образовании?

Мальчик покачал головой и с гордостью ответил:

— Я учился в школе, но сейчас занят делами поважнее.

— Да, понимаю... — Бьянка взглянула на всклокоченные волосы Тимоти, на его мятую рубашку и на поношенные штаны. Неужели так должен выглядеть юнга на таком прекрасном корабле, как «Феникс»? Она решила, что непременно поговорит с Эваном о внешнем виде Тимоти. — Скажи-ка, а как давно Саммер является капитаном «Феникса»? — спросила Бьянка.

Этот вопрос поверг Тимоти в ужас. Он попятился к двери и, покраснев, выпалил:

— Не очень давно, не очень! — В следующее мгновение мальчик выскочил из каюты.

— Постой, Тимоти! — окликнула юнгу Бьянка, обескураженная его внезапным бегством, — ведь она вовсе не хотела испугать мальчика.

Но почему же он боялся говорить об Уильяме Саммере? У Бьянки накопилось множество вопросов, и ответить на них мог только ее муж. Решив отложить завтрак, она отправилась на поиски Эвана.

Поднявшись на палубу и увидев мужчин, обступивших Эвана, Бьянка поняла, что сейчас не стоит беспокоить мужа. Он что-то говорил, и все внимательно его слушали. При этом было очевидно, что разговор идет очень серьезный. Укрывшись за перилами трапа, Бьянка с интересом наблюдала за мужчинами.

— Жена предупредила меня, что следует опасаться пиратов, — говорил Эван. — Я скажу ей, что ежедневные упражнения в стрельбе из пушек — это подготовка к такой встрече. Венецианский корабль может нагнать нас сегодня или на днях, и я хочу, чтобы вы были готовы к этому. Мы не станем уклоняться от встречи с венецианцами. Как только я

выясню, кто находится на борту судна, мы разнесем его в щепки.

Уильям нахмурился и пробормотал:

— Поскольку тебе нужна смерть одного человека, а не сотни, не разумнее ли заманить его к нам на борт, чтобы ты мог встретиться с ним лицом к лицу?

Взглянув на капитана, Эван ответил:

— Сначала я так и хотел, но сейчас думаю иначе. Видишь ли, я не хочу, чтобы Бьянка винила себя в смерти Паоло Саммарезе, не хочу огорчать ее. Как только мы заметим венецианский корабль, я сразу же отведу ее вниз, в каюту, и даже запру там, если понадобится. Бьянка ничего не увидит, а я потом скажу ей, что мы потопили пиратский корабль. Она очень боится пиратов, так что охотно поверит мне. И кроме того... Все люди, которые будут на борту с Саммарезе, наверняка его сторонники, поэтому не стоит их пускать. А теперь, Уилл, приступайте к стрельбе. Надеюсь, наши люди не утратили сноровки.

Уильям Саммер тут же приказал подготовить орудия. Несколько минут спустя раздалось шесть оглушительных залпов с правого борта. Затем загрохотали пушки с левого борта. Меньше минуты ушло на то, чтобы перезарядить пушки. Потом снова раздалась залпы.

Удовлетворенный тем, что команда не утратила боевых навыков, Эван приказал прекратить стрельбу. И тут наконец заметил Бьянку. Ошеломленная, она в ужасе смотрела на мужа, в его пылающие глаза. В следующее мгновение Бьянка бросилась обратно в каюту, и Эван тотчас же последовал за ней. Распахнув дверь, он увидел, что по щекам жены катятся слезы.

— Бьянка, дорогая, ты напрасно испугалась. Просто капитан Саммер решил проверить своих людей. Они упражнялись в стрельбе, так что тебе нечего бояться.

Бьянка в изумлении смотрела на мужа. Сейчас он так мило улыбался ей, а ведь только что, на палубе, глаза его горели адским пламенем и у него было такое лицо... К тому же Бьянка прекрасно поняла, что именно Эван приказал стрелять из пушек, а Саммер просто передал матросам его распоряжение.

— Теперь-то я понимаю, почему ты вчера расспрашивал меня о кораблях! — проговорила она, всхлипывая. — Ты рассчитываешь, что кто-нибудь бросится за мной в погоню, и собираешься атаковать преследователей!

— Но, Бьянка, почему ты так решила? — Эван не собирался раскрывать свои истинные планы, но ругал себя за беспечность; ведь было очевидно, что Бьянка, услышав залпы, тотчас же обо всем догадается. — Дорогая, вспомни наш вчерашний разговор и свои опасения по поводу пиратов. Саммер не глуп. Он прекрасно знает, какими опасностями чревато плавание в Средиземноморье, и следит за тем, чтобы команда была готова к бою. А если за нами последует твой отец, или Паоло, или даже сам дож, то я встречу любого из них с распростертыми объятиями. — «С такими горячими объятиями, что преследователь долго не протянет», — мысленно закончил Эван.

Бьянка утерла слезы и недоверчиво взглянула на Эвана.

— Я же говорила тебе, что никто не бросится за нами в погоню. Родные просто откажутся от меня. Паоло, конечно же, презирает меня, а дож не станет вмешиваться в дела семьи. И зачем ты тогда расспрашивал об их кораблях, если не собираешься сражаться с ними?

Эван пожал плечами и с невозмутимым видом проговорил:

— Я строю корабли, поэтому интересуюсь ими. И готов извиниться, если слишком много говорю о них. Однако никаких дурных намерений у меня не было.

Бьянка изо всех сил вцепилась в спинку стула.

— Я не верю тебе! — воскликнула она. — Но что бы ты ни замышлял, это напрасная трата времени, потому что никто не станет нас преследовать.

— Наши споры просто нелепы, Бьянка! Пойми, меня беспокоит твоя безопасность в этих водах, которые, по твоим же словам, кишат пиратами. Ты, судя по всему, считаешь, что я собираюсь напасть на корабль, который никогда не покинет Венецию. Глупейшая ситуация, не так ли? — усмехнулся Эван. Почувствовав, что за его спиной кто-то стоит, он обернулся и увидел юнгу. — Тимоти, принеси нам, пожалуйста, чаю к завтраку. И поторопись.

Бьянка взглянула на Эвана. Он смотрел на нее так насмешливо, что она невольно поверила ему. Но даже если муж что-то замышлял, он все равно не мог осуществить свои планы, потому что никто не собирался их преследовать — в этом Бьянка была уверена.

— Эван, поверь, я знаю, о чем говорю. В Венеции все обо мне забыли, и никому нет до меня дела. — На глаза Бьянки снова навернулись слезы.

Пытаясь ее успокоить, Эван проговорил:

— Дорогая, не плачь, все будет хорошо. Почему бы тебе не присесть и не позавтракать? Я бы хотел присоединиться к тебе, если ты не против.

Бьянка смутилась. Ей вдруг пришло в голову, что она вела себя довольно глупо, не так, как должна себя вести замужняя дама. Действительно, почему она вдруг расплакалась? Вспомнив мать, всегда служившую ей примером, Бьянка улыбнулась и села за стол.

— Это твоя каюта. Как же я могу возражать против твоего присутствия?

— Надеюсь, что тебе и не хочется возражать. — Тут появился Тимоти, но Эван отослал мальчика и сам стал разливать чай. Поскольку настроение Бьянки вроде бы улучшилось, он решил обратить все в шутку. — Ты умна, моя крошка, но у тебя слишком богатое воображение. Неужели ты считаешь, что я ничем не отличаюсь от пирата?

Бьянка взяла апельсин и стала его очищать. Однако ее руки так дрожали, что она едва удерживала золотистый плод.

— Я плохо знаю тебя, Эван, но уверена: ты преуспеешь в любом деле — и в добром, и в недобром.

Эван улыбнулся, довольный тем, что ему удалось усмирить своенравную красавицу. Однако теперь он понимал, что в будущем ему придется считаться с ее чувствами.

— Я верю, дорогая, что мы благополучно доберемся домой. И надеюсь, что ты будешь счастлива в Америке.

— Я тоже надеюсь на это, — кивнула Бьянка. Но ей не давала покоя одна мысль. — Я знаю, — продолжала она, — что никому и в голову не придет броситься за нами в погоню, но все же... Что бы ты сказал моему отцу, если бы он появился здесь?

— Прежде всего ты представила бы нас друг другу, — заявил Эван с усмешкой. — Потом я бы сказал, что очень рад познакомиться с ним и счастлив, что женился на его прекрасной дочери. После чего пожелал бы ему благополучного возвращения в Венецию.

— Если бы отец решил последовать за нами, то вряд ли бы он просто пожал тебе руку, а потом сразу отправился обратно, — заметила Бьянка, не глядя на Эвана.

— Я обещал развлекать тебя во время плавания, но, может, тебе надо совсем другое? Например, придумывать всякие затруднения, а потом думать, как их разрешить...

— В данном случае ты прав, — кивнула Бьянка. Эван тяжело вздохнул, но тотчас же снова улыбнулся:

— Ну хорошо. Я бы сообщил твоему отцу, что я от тебя без ума и не собираюсь расставаться с тобой. Что бы он тогда сделал? Ты ведь его прекрасно знаешь, так скажи мне...

Бьянка, нахмурившись, задумалась.

— Я даже боюсь думать о том, что могло бы произойти, но уверена: он больше не считает меня своей дочерью. Так что ты в безопасности.

— Я в безопасности? — рассмеялся Эван. — Ты что, действительно думаешь, что он смог бы что-то предпринять?

— Да, я так думаю. — Бьянка наконец взглянула на него, и Эван увидел, что ее прекрасные изумрудные глаза наполнились слезами. — Думаю, что если бы он захотел убить тебя, то легко мог бы сделать это.

Откинувшись на спинку стула, Эван в изумлении уставился на Бьянку — она говорила с такой уверенностью. Проклятие, как ему хотелось спросить, что ей известно о смерти Чарльза! Но он не решался сказать жене, кто он такой и зачем прибыл в Венецию. Прежде Эван не сомневался, что убийца — Паоло Саммарезе. Но неужели убийца Чарльза — его отец? Что ж, скоро он это узнает. Венецианский корабль может в любой момент появиться на горизонте.

— Я полагал, раз твой отец — советник дожа, то он всего лишь дипломат, не более. Разве я ошибался?

— Да, он опытный дипломат, но мы ведь говорили о другом...

— О да, конечно. Но неужели твой отец мог бы желать моей смерти?

— Я бы не позволила ему убить тебя, Эван, — ответила Бьянка и неожиданно улыбнулась. — И потом, я уверена, что он отказался от меня. Так что ему нет до нас дела, и я не боюсь, что стану вдовой.

— Будем надеяться, что ты не станешь вдовой, моя дорогая. — Эван поспешно допил чай. Ему не терпелось подняться на палубу, но он медлил. — И вот что, Бьянка... Тебе не следует покидать каюту. Впредь ты будешь ждать меня здесь. Я не хочу, чтобы ты одна ходила по палубе. Ты можешь оступиться, упасть, подвернуть ногу... лучше я сам буду сюда спускаться, чтобы проводить тебя на прогулку. Кстати, сегодня чудесный день. Уверен, что тебе не хочется сидеть здесь в одиночестве.

Бьянка поставила чашку на поднос и, поднявшись, взяла накидку.

— Да, я хотела бы проводить время на палубе, с тобой. Если только я не буду помехой.

— Конечно, не будешь, — ответил Эван со смешком и поцеловал жену.

Он повернулся к двери, но Бьянка придержала его за рукав.

— Я бы хотела поговорить с тобой о Тимоти.

— А что с ним такое? — спросил Эван, нахмурившись.

— Утром тебя здесь не было, и мне пришлось попросить его помочь мне одеться. Надеюсь, ты не осуждаешь меня за это? Я ведь не знала, когда ты вернешься. — Прежде чем Эван успел ответить, она продолжила: — Он сказал мне, что ты заботишься о его овдовевшей матери и маленьких братьях. Это правда?

Эван в смущении кивнул:

— Да, я помогаю им, как могу. Я не допущу, чтобы семьи погибших в бою матросов просили милостыню на улицах.

— Значит, есть и другие? — спросила Бьянка. — Значит, ты помогаешь не только семье Тимоти?

Эван предпочитал не распространяться о подобных вещах, но он понимал: если Бьянка узнала о семье Тимоти, то узнает и об остальных.

— Да, я многим помогаю. Но я ведь состоятельный человек, Бьянка, поэтому готов поделить с вдовами и сиротами.

— Да, конечно. А кто сейчас отвечает за Тимоти, ты или капитан Саммер?

Эван не задумываясь ответил:

— Я, а что?

— Тимоти нужна новая одежда. Его также нужно подстричь. Более того, я сомневаюсь, что он преуспел в учении, так что ты должен найти ему учителя.

Насмешливо глядя на жену, Эван спросил:

— Неужели твое желание иметь детей так велико, что ты решила заодно усыновить и Тимоти?

Щеки Бьянки покрылись румянцем. Она воскликнула:

— Нет, дело вовсе не в этом! Но ведь ты не хочешь, чтобы юнга на твоём судне ходил в лохмотьях и не умел читать и писать?!

— У Тимоти есть приличная одежда, Бьянка. Просто утром он помогал коку мыть камбуз и не хотел испачкаться. А вчера вечером, когда Тимоти подавал нам ужин, он был одет иначе. Разве ты не заметила?

Вечером Бьянка думала совсем о другом, поэтому не обратила на это внимания.

— Должно быть, я просто забыла, — сказала она. — Но как бы то ни было, я рада, что у него есть все необходимое. А он умеет читать и писать?

Эван пожал плечами:

— Понятия не имею. У меня нет желания становиться его учителем, если он нуждается в помощи, а у тебя?

— А я могла бы заняться его образованием. Тимоти очень милый мальчик и, похоже, смывленный. Он ведь не будет всю жизнь юнгой.

— Нет, разумеется. Но он может плавать со мной столько, сколько захочет.

— С тобой? — удивилась Бьянка. Она внимательно посмотрела на Эвана.

— Да, со мной, — ответил он, не понимая, чему жена удивляется.

Пристально глядя на мужа, Бьянка спокойно спросила:

— Почему ты сказал мне, что Уильям Саммер — капитан корабля? Ведь совершенно очевидно, что здесь распоряжаешься ты?

Эван в задумчивости смотрел на жену. Он понял, что Бьянка не только умна, но и чрезвычайно наблюдательна. И она наверняка знала разгадку той тайны, ради которой он приплыл в Венецию. Она знала, кто убийца Чарльза, — Эван был уверен в этом. Но он не хотел, чтобы Бьянка узнала о нем больше, чем уже знала. Открывая дверь, Эван сказал первое, что пришло ему в голову:

— «Феникс» принадлежит мне, любимая, так что вполне естественно, что Саммер и вся команда относятся ко мне с должным уважением. А теперь пойдем на палубу. День слишком хорош, чтобы тратить время на разговоры.

Бьянка промолчала, однако подумала: «Боже милосердный, за кого я вышла замуж? Какие тайны мне еще предстоит раскрыть?»

Они находились в море уже десять дней, а Уильям Саммер по-прежнему терялся в догадках. И он не чувствовал себя капитаном корабля; ему казалось, что он, как и прежде, первый помощник Эвана. Впрочем, командовать людьми было нетрудно, так как все матросы были преданы Синклеру и, зная о его планах, тотчас же выполняли распоряжения капитана. Наблюдая за Бьянкой, Уильям не переставал восхищаться ею. Она долгие часы проводила на палубе рядом с мужем и, похоже, получала удовольствие от плавания. Уилл впервые видел столь прекрасную женщину. При этом Бьянка была самым непоседливым созданием на свете. Даже когда Эван останавливался у поручней, она не могла устоять на месте и то и дело отбегала в сторону, причем двигалась так изящно, будто танцевала.

Эван же, казалось, был просто околдован своей прелестной женой, однако Уилл знал: его внимание к Бьянке — лишь часть хорошо продуманного плана, а красавица венецианка просто служила приманкой, на которую должен был клюнуть убийца Чарльза. И все же Уильям сомневался в том, что Эвану удастся обмануть жену. Бьянка была слишком умна, и если бы произошло сражение с Паоло Саммарезе, то она бы непременно об этом догадалась. Уилл тяжело вздохнул — ему ужасно не хотелось участвовать в этом обмане. Капитан последний раз взглянул на молодых супругов, прогуливавшихся по палубе, и отправился в свою каюту, надеясь уснуть и хотя бы на несколько часов отвлечься от мучительных раздумий.

А Эван тем временем с улыбкой говорил жене:

— Значит, ты никогда не ездила верхом, ни разу в жизни?

— Ты же был в Венеции и должен понять, что там не нужны лошади. Зачем ехать верхом, когда удобнее воспользоваться гондолой?

— Да, действительно... Но неужели ты никогда не покидала этот город островов?

Бьянка улыбнулась:

— В этом не было необходимости. Мы ни в чем не нуждались.

— Но ты же сама только что призналась, что у тебя не было лошади, — рассмеялся Эван.

— Только потому, что я в ней не нуждалась! — Бьянка тоже рассмеялась.

Эван протянул ей руку, и она, с готовностью приблизившись к мужу, крепко обняла его. Ей нравилось гулять с Эваном по палубе и нравилось стоять у поручней, подставляя лицо свежему морскому ветерку. Бьянка выросла у воды, но чудесные каналы, пересекавшие Венецию, не давали такого ощущения свободы, какое она испытывала, глядя на бескрайние морские просторы. С часами, проведенными на палубе «Феникса», могли сравниться лишь ночи, которые Бьянка проводила в страстных объятиях Эвана. Верный своему слову, он оказался очень внимательным мужем, да и Бьянка старалась больше не раздражать его и не задавала вопросов, которые могли бы не понравиться ему.

И все же Эван не мог не беспокоиться. Он постоянно спрашивал себя: что помешало Паоло или отцу Бьянки броситься за ними в погоню? И что предпринять, если венецианский корабль не покажется в ближайшее время? Ожидание превратилось для Эвана в настоящую пытку. Хотя Бьянка помогала ему коротать дни, а ночи с ней были просто волшебными, он жаждал как можно быстрее вступить в бой с венецианцами. Эван в очередной раз окинул взглядом горизонт, но снова ничего не заметил. Он решил поговорить с Уиллом, чтобы

составить новый план действий. Но Бьянка находилась рядом и, конечно же, могла им помешать. Тут на палубе появился Тимоти, и Эван тотчас же этим воспользовался.

— Знаешь, дорогая, а ведь ты была права в отношении Тимоти, — обратился он к жене. — Я думаю, мне действительно необходимо позаботиться о его образовании.

Бьянка с удивлением посмотрела на мужа.

— Я уверена, что ты прекрасно знаешь, что необходимо для образования мальчика. Но если уж я сама вызвалась его учить, то, пожалуй, смогла бы за это взяться.

— Давай поступим следующим образом... Я сейчас попрошу его принести чаю в каюту, а там просто дам ему какую-нибудь книгу. Если Тимоти читает без труда, то я отпущу его. А если у него трудности с чтением, то у тебя появится ученик. Хотя вряд ли вы сможете уделять занятиям более одного часа в день.

— А что ты будешь делать в это время?

— Займусь чем-нибудь, любовь моя. Не беспокойся, скучать не буду.

Вскоре выяснилось, что Тимоти не очень-то силен в чтении, и Бьянка решила, что лучше всего заниматься сразу после завтрака. Эван согласился, но предложил, чтобы она тотчас же начала урок. Покинув жену, он отправился к Уиллу, радуясь, что наконец-то может поговорить с ним наедине.

Устроившись в каюте капитана, Эван ухмыльнулся:

— Знаю, что еще рано, но я бы не отказался выпить, если предложишь.

Уилл принес бутылку виски и две выдавшие виды глиняные кружки. Затем спросил:

— А где же твоя очаровательная жена? Решила отдохнуть?

— Нет, она сказала, что нам следует заняться образованием Тимоти. И взялась каждый день заниматься с ним по часу. Надеюсь, что он не окажется слишком уж способным учеником.

— Она уже тебе наскучила? — Уилл одним махом осушил свою кружку. Он, конечно, понимал, что рано или поздно это случится, но все же сожалел о том, что неизбежное произошло так быстро.

— Дело вовсе не в этом, — сказал Эван. — Я отправился в Венецию, чтобы найти убийцу Чарльза и отомстить за смерть брата. И думал, что негодяй сразу же бросится за мной, когда увидит, что я проявляю интерес к Бьянке. Но потом я нашел ее в запертой комнате... Она рыдала из-за того, что ее заставляли выйти замуж за Паоло, и мне оставалось лишь взять ее с собой. Я полагал, что убийца снарядит корабль и отправится за нами в погоню. Ведь и Паоло, и отец Бьянки без труда могли бы снарядить судно. Не представляю, что задержало их. Но совершенно ясно, что мы не можем вернуться в Венецию. — Эван взял бутылку и снова наполнил кружки.

Уилл покачал головой:

— Никто из нас не хочет, чтобы убийца Чарльза избежал возмездия. Но если мерзавец не попался на твою приманку, то что же делать? Если такая прелестная женщина, как Бьянка, не может выманить зверя из логова, то никто не сможет.

— Клянусь, я бы задушил его голыми руками, если бы он приблизился ко мне в Венеции! — воскликнул Эван.

— Но он не подошел, — напомнил Уилл. — Возможно, если бы ты остался еще на несколько дней, все сложилось бы иначе.

Эван не стал объяснять, что такая задержка оказалась невозможной после того, как он соблазнил Бьянку в ее собственной спальне. Грохнув пустой кружкой по столу, он,

пошатываясь, встал со стула.

— Что ж, по крайней мере у меня есть Бьянка, а у негодяя, убившего Чарльза, ее нет. Хоть это меня радует...

— А что, если ты ошибаешься? — неожиданно спросил Уилл. — Что, если это не Паоло и не ее отец, а кто-то другой?

— Проклятие! — закричал Эван. — Не важно, кто убийца! Ключом к разгадке все равно остается Бьянка. Совершенно ясно, что Чарльз влюбился в нее. И это стоило ему жизни...

Уилл кивнул:

— Ну... тогда убийца последует за нами. Он должен появиться. Может, через день-два.

— Через несколько дней, недель, месяцев или через год! О Господи! Да не хочу я всю жизнь ждать, когда этот мерзавец появится!

Покинув каюту капитана, Эван направился к трапу, чтобы подышать свежим воздухом, прежде чем появиться перед женой. Однако он пробыл у Уилла больше часа, и Бьянка уже ждала его на палубе. Увидев мужа, она взглянула на него с удивлением, однако промолчала. Эван подошел к ней и облокотился о поручни, надеясь, что свежий ветерок скоро развеет дурман. Он никогда ни перед кем не отчитывался и сейчас не собирался этого делать. Если ему захотелось выпить до обеда, то это его дело, а жена должна помалкивать.

— Когда я велел тебе не подниматься на палубу одной, я полагал, что ты подчинишься! — выпалил он.

Бьянка по-прежнему молчала, потрясенная видом мужа. Эван всегда пил вино за обедом и за ужином, но она ни разу не видела его пьяным. Что же произошло? Почему он так напился? Дотронувшись до локтя мужа, она прошептала:

— Эван...

— В чем дело? — прорычал он, не глядя на нее. Бьянка не хотела ссориться с мужем на глазах у всей команды, поэтому, проглотив обиду, оставила его одного. Направляясь в каюту, она встретила Уильяма Саммера, и тот тоже оказался пьяным.

— А ведь капитан корабля, если вы таковым являетесь, должен служить для всех примером, сэр! — проговорила Бьянка, проходя мимо.

Спустившись в каюту, она задумалась... Что же все-таки произошло? Бьянка знала, что мужчины любят выпить, а некоторые из них пьют даже больше, чем следует, но она не подозревала, что Эван и Уилл — из числа этих «некоторых». Бросив накидку на спинку стула, Бьянка заметалась по каюте. Она была уверена, что ничем не расстроила мужа, так что причина вовсе не в ней. Но что-то все-таки произошло. Почему же Эван не доверился ей? Тщетно прождав его в каюте, она поела и поднялась на палубу одна, хотя и знала, что он этого не одобряет. Однако муж был непростительно груб с ней и должен извиниться. Она заставит его сделать это.

Уилл тем временем присоединился к Эвану и оставался с ним до тех пор, пока оба не протрезвели. Протрезвев же, они поняли, что вели себя на редкость глупо — ведь в любой момент их мог настигнуть венецианский корабль и пришлось бы принять бой. И кроме того, Эван беспокоился за Бьянку. Время шло, а она все не появлялась на палубе. Но Эван был слишком горд, чтобы спуститься за ней. Он вернулся в каюту лишь к ужину, и жена встретила его молчанием. Было очевидно, что Бьянка по-прежнему сердится.

— Дорогая, прости, что сегодня я так плохо развлекал тебя, — проговорил Эван. — Но мы с Уиллом вдруг вспомнили войну и...

— Ты часто так проводишь время? — перебила Бьянка. — Хвастаешься своими

победами и напиваешься так, что даже не можешь быть учтивым с собственной женой... Если так, то, пожалуйста, в следующий раз предупреди меня заранее, чтобы я не мешала тебе.

Эван понимал, что жена права, поэтому не стал спорить.

— Хорошо, — кивнул он, — так я и поступлю. А сейчас иди сюда. Кок приготовил замечательный ужин, и я не хочу, чтобы он остыл. — Эван наклонился, чтобы поцеловать жену, но тотчас же понял, что подобная ласка придется ей не по вкусу. Усевшись за стол, он коснулся ее руки. — Я впервые плаваю вместе с женой... и если иногда буду вспоминать свои холостяцкие привычки, то, надеюсь, ты простишь меня...

— Но кто же будет командовать на корабле, раз вы с Уиллом так любите предаваться воспоминаниям? — язвительно усмехнулась Бьянка.

— На судне много толковых людей, но тебе достаточно знать только меня. — Эван нахмурился, выпил вина и молча принялся за еду. Что ж, если жена отказывается принять его объяснение, то он больше извиняться не станет!

Бьянка тоже молчала. Весь день она чувствовала себя ужасно одинокой и очень переживала из-за ссоры с мужем — ведь в последние дни все у них было хорошо... Наконец, не выдержав, она проговорила:

— Так нельзя начинать совместную жизнь.

— Прошу прощения... Что ты сказала? — Эван так задумался, что не расслышал слов жены.

Бьянка с трудом удерживалась от слез.

— Я пыталась быть образцовой женой... в меру своих сил. Если же тебе так плохо со мной, что ты напиваешься подобным образом, то, наверное, нам обоим будет лучше, если ты высадишь меня в первом же испанском порту. Ты так гордишься своим богатством, что, я надеюсь, выделишь мне что-нибудь на жизнь. Можно просто забыть, что мы когда-то обвенчались.

— Ты шутишь! — Эван закашлялся.

Когда он отдышался, Бьянка с невозмутимым видом заявила:

— Напротив, я никогда еще не была так серьезна. И я не желаю быть женой человека, пьющего вино без всякой меры. К тому же тебя явно тяготит мое общество. Зачем же нам оставаться вместе?

— Во-первых, я не пью без меры, и ты это прекрасно знаешь. Я объяснил, что произошло утром, и могу заверить тебя, что больше подобное не повторится. А во-вторых, меня вовсе не тяготит твое общество, и я ни за что на свете не высажу тебя на берег. Это было бы просто нелепо! — Эван перевел дух и продолжал: — Если уж я женился на тебе, то ты должна быть моей женой, черт побери! Я не желаю с тобой расставаться! И кроме того... Ты уверена, что причина не в тебе? Может, это тебе здесь скучно? Я знаю, что тебе нравится внимание мужчин, особенно когда их много. Может, тебе одного мужа недостаточно?

Вскочив из-за стола, Бьянка закричала:

— Убирайся! Убирайся отсюда и больше не возвращайся! Я не потерплю подобных оскорблений!

Эван в изумлении уставился на жену. Немного помолчав, он проговорил:

— Но ведь и ты меня оскорбила, обвинив в пьянстве. Так что садись и успокойся.

— Не желаю! — закричала Бьянка.

— Не желаешь — что? — поинтересовался Эван. — Садиться или успокаиваться?

Зеленые глаза Бьянки пылали. Глядя в лицо мужа, она угрожающе прошептала:

— Да как ты смеешь надо мной насмехаться? Ты оскорбляешь меня, а потом еще и насмехаешься!

Схватив свою накидку, Бьянка выбежала из каюты. Быстро поднявшись по трапу, она сначала убедилась, что никому не помешает. Затем подошла к поручням. Ночь была тихая и ясная, а яркие звезды висели так низко, что казалось, до них можно дотронуться рукой.

Увидев Бьянку, Уилл поискал глазами Эвана. Но того нигде не было, и капитан подошел к поручням.

— Добрый вечер, миссис Синклер, — сказал он. Бьянка холодно взглянула на него.

— Добрый вечер, — ответила она. Ей очень хотелось высказать Уильяму Саммеру все, что она о нем думает. Однако Бьянка решила не оскорблять капитана дважды за один день — ведь у нее на судне не было друзей.

Уилл же был полон решимости извиниться перед красавицей.

— Миссис Синклер, мы еще не привыкли к тому, что на борту находится леди. Так что иногда забываемся и поступаем необдуманно. Надеюсь, вы простите нас?..

— Вы пытаетесь извиниться, сообщая мне о том, что муж будет забывать обо мне? Не очень-то приятно слышать подобные извинения! — Бьянка повернулась к капитану спиной, давая понять, что разговор окончен.

— Миссис Синклер! — взмолился Уильям. — Я извинялся не за Эвана, а за себя!

У Бьянки не было ни малейшего желания беседовать с капитаном, однако он, похоже, этого не понимал. В конце концов, немного успокоившись, она повернулась к нему и проговорила:

— Капитан Саммер, возможно, мой муж снова забудет обо мне. В таком случае я буду вам признательна, если вы напомним ему о моем существовании. Тогда я с удовольствием прощу вас... в виде исключения.

Капитан кивнул и воскликнул:

— Поверьте, Эван ни на минуту не забывал о вас! Но я напомним ему о его долге перед вами, если возникнет подобная необходимость. — Уилл прекрасно понимал, что Синклер не прислушается к его словам. — Становится прохладно. Пожалуй, мне следует проводить вас в вашу каюту.

— Спасибо, капитан, но мне совсем туда не хочется.

Бьянка не знала, где будет ночевать, но у нее не было ни малейшего желания спать этой ночью в одной постели с мужем. Если бы он действительно любил ее, то не напился бы и не грубил бы ей.

Саммер нервничал. Эван все не появлялся, и сейчас он, капитан, нес ответственность за его молодую жену. Но Уилл понятия не имел, что предпринять в подобной ситуации, даже не знал, о чем поговорить с очаровательной венецианкой.

— Вы много путешествовали? — спросил он наконец.

— Нет, — ответила Бьянка, немного удивившись вопросу.

Разочарованный ее односложным ответом, Уильям сказал первое, что пришло ему в голову:

— Но вы с такой уверенностью расхаживаете по палубе... Я и не думал, что это ваше первое плавание.

— Мы, венецианцы, на воде чувствуем себя так же уверенно, как и на суше. Я слишком много времени провела в гондолах, чтобы меня укачало на «Фениксе». — Сама мысль об

этом показалась Бьянке настолько нелепой, что она рассмеялась. — Я знаю, что вы впервые в Средиземном море. А где вы еще плавали?

Уильям пожал плечами:

— Вдоль всего побережья Америки, от севера до юга. Плавал и в Карибское море. А теперь, впервые побывав в Европе, я надеюсь вновь отправиться туда.

— А какой следующий порт на нашем пути? Французский или испанский?

— Мы пока не решили, — ответил Уильям. Они были слишком заняты приготовлениями к бою, чтобы думать о заходе в порты, но об этом капитан умолчал. — Поскольку провианта у нас вполне достаточно, то скорее всего мы зайдем в испанский порт.

— А кто будет принимать это решение — вы или мой муж?

— Миссис Синклер, сегодня утром вы высказались в том смысле, что я вовсе не капитан на «Фениксе». Позвольте заверить вас, что именно я являюсь капитаном этого корабля. Однако на борту находится владелец судна, и я, естественно, не могу с ним не считаться.

— Но почему не можете? Неужели боитесь, что иначе Эван расстанется с вами?

— Он имеет на это право.

Локоны Бьянки сияли в лунном свете, словно нимб, и Уиллу вдруг захотелось протянуть руку и коснуться ее волос, хотя он понимал, что подобный жест просто немыслим. Заметив смущение капитана, Бьянка решила, что он куда-то торопится.

— Не хочу задерживать вас, капитан Саммер, — сказала она. — Я и одна могу здесь постоять.

— С моей стороны было бы неучтиво оставить вас в одиночестве, — возразил Уилл. — Если вы не готовы вернуться в каюту, я остаюсь с вами.

— В этом нет необходимости. Я не хочу, чтобы вы, как и мой муж, считали меня помехой.

— Но вы ошибаетесь! — воскликнул Уилл. — Ваш муж, миссис Синклер, вовсе не считает вас помехой. Просто Эван слишком гордый человек, а вы так очаровательны, что...

— Так очаровательна, что мне гордость ни к чему, верно? — спросила Бьянка, и голос ее дрогнул.

— Нет-нет, я совсем не это имел в виду, — поспешно возразил Уилл, ругая себя за то, что невольно обидел молодую женщину. — Но я не могу допустить, чтобы вы всю ночь провели на палубе. Если не желаете возвращаться в каюту мужа, я с радостью предложу вам свою.

Однако Бьянка не решилась принять это приглашение.

— Спасибо, капитан, но я предпочла бы остаться здесь.

— А я вынужден настаивать, миссис Синклер. Поверьте, в моей каюте вам будет гораздо удобнее, чем на палубе, под открытым небом.

— Возможно, вы правы, капитан, но я не могу принять ваше приглашение.

Ветер усилился, на палубе похолодало, и Уилл решил просто выждать; он полагал, что Бьянка замерзнет и в конце концов уступит.

— Что ж, как хотите. Но если передумаете — моя каюта в вашем распоряжении.

— Моей жене не понадобится твоя каюта, Уилл. Ни сейчас, ни в любое другое время, — проговорил Эван, выходя из темноты.

Уверенный в том, что его предложение было неверно истолковано, Саммер решил объяснить:

— Я просто хотел сказать, что буду счастлив помочь твоей жене, если ей когда-либо

понадобится моя помощь.

— Полагаю, что твоя помощь Бьянке не понадобится. Разве что в случае моей смерти, — добавил Эван с усмешкой. — Спокойной ночи, капитан.

Бьянка и ахнуть не успела, как Эван подхватил ее на руки и понес в каюту. Захлопнув ногой дверь, он подошел к постели, сел и, усадив жену к себе на колени, принялся целовать ее. Внезапная нежность мужа ошеломила Бьянку, она не знала, что и думать. Наконец пришла в себя и, обвивая руками шею Эвана, стала отвечать на его ласки. Бьянка ожидала насмешек и саркастических замечаний и приготовилась защищаться, но поцелуи Эвана — поцелуи с привкусом вина — были так чудесны, что она тотчас забыла о ссоре.

Эван же ругал себя за то, что на время забыл о том, что к Бьянке существует лишь один подход — нежность и ласка. А он был с ней высокомерен и резок и тем самым вызвал ее гнев. Эван дал себе клятву, что больше не допустит подобной ошибки и всегда будет внимателен к своей жене — ведь они оба страдали от его грубости.

Наслаждаясь поцелуями Бьянки, Эван принялся вытаскивать шпильки из ее волос, и вскоре водопад золотистых локонов заструился по его пальцам. Бьянка расстегнула рубашку и провела ладонью по его груди. Он шумно выдохнул и лишь с трудом сдержал свой порыв — ему хотелось тотчас же овладеть своей прекрасной женой. Продолжая целовать Бьянку, он принялся раздевать ее. Снял туфли, чулки, потом стал расстегивать крючки на юбке.

Бьянка же не задумывалась о том, почему муж вдруг стал таким нежным и ласковым. Сейчас она хотела лишь наслаждаться этими чудесными мгновениями и с жаром отвечала на поцелуи Эвана. Сняв с него рубашку, она потянулась к пряжке на ремне, но Эван отвел ее руки и, обхватив за талию, поставил на ноги, чтобы снять с нее платье.

— Думаю, нам будет удобнее в постели, — прошептал он, поспешно раздеваясь.

— Я люблю тебя, Эван, я так тебя люблю! — прошептала она и едва не задохнулась, когда он впился страстным поцелуем в ее губы.

Эван отстранился на мгновение, а потом принялся целовать ее шею, плечи, груди... Когда же губы его коснулись ее лона, она громко вскрикнула и затрепетала. И Эван тотчас же накрыл Бьянку своим телом. Слившись в одно целое, они забыли обо всем на свете.

Утомленные чудесными мгновениями любви, супруги долго лежали молча. Наконец Эван нарушил молчание:

— Раньше ты не хотела принимать мои извинения. А сейчас?

Бьянка подняла голову и посмотрела на мужа.

— Эван, ты должен понять, почему я так огорчилась. Ведь ты покинул меня и предпочел напиться с капитаном Саммером.

— Но мы с ним друзья, Бьянка, и нам хотелось поговорить. И все же обещаю тебе, что подобное больше не повторится. — Эван привлек жену к себе и принялся целовать ее и ласкать.

На следующее утро, когда наступило время занятий с Тимоти, Эван устроился на постели с книгой, намереваясь почитать. Однако урок оказался таким интересным, что он, прочитав лишь один абзац, отложил книгу в сторону. Запомнив ошибки, допущенные мальчиком накануне, Бьянка терпеливо объясняла ему правила чтения. Затем они занялись сложением и вычитанием, причем Бьянка превратила урок математики в захватывающую игру. Час пролетел так незаметно, что даже Тимоти занятия показались не тяжким трудом, а забавой. Эван же был в восторге от способностей Бьянки.

— Ты прекрасный учитель! — воскликнул он. — Уверен, что наши дети станут очень

образованными.

Бьянка в смущении отвела глаза.

— Я надеюсь, — пробормотала она.

Эван мысленно усмехнулся. Ему нравилось смущение жены, и он не стал поддразнивать ее.

— Ты не против, если я и завтра послушаю ваш урок?

— Нет, конечно, не против. Но если у тебя есть другие дела, то, прошу, не считай, что ты обязан присутствовать. — Бьянка улыбнулась и добавила: — Мы можем побыть вместе и в другое время.

Эван наклонился и потерся подбородком о ее шею.

— Что ж, посмотрим, — сказал он. — В любом случае я не помешаю вам. А теперь давай поднимемся на палубу и посмотрим, хороший ли сегодня день.

Обрадовавшись, что муж в таком прекрасном настроении, Бьянка с удовольствием отправилась на прогулку. Она смеялась и пританцовывала, расхаживая по палубе. Матросы по-прежнему на нее таращились, но взгляды их становились все более дружелюбными.

— Эван, а у тебя есть еще какие-нибудь корабли? — спросила Бьянка.

— Да, есть, но только торговые суда, и они не так красивы, как «Феникс». Я предпочитаю строить корабли для других. Это мое основное занятие. Про меня нельзя сказать, что я одержим морем, так что не беспокойся, твой муж не будет проводить долгие месяцы вдали от тебя. Ты именно поэтому спрашивала о кораблях? Тебя это тревожит?

— Нет, ничего меня не тревожит. Я спросила просто из любопытства, — ответила Бьянка, кокетливо тряхнув золотистыми локонами.

Потом Эван предложил поиграть в карты, и вскоре выяснилось, что Бьянка прекрасно играет, какой бы игре муж ее ни обучал. Причем играла она с таким азартом, что обыграть ее было не так-то просто. Но играть на деньги Бьянка отказалась, выбрав в качестве вознаграждения ласки. В результате оба раз за разом оказывались в выигрыше. А на следующий день Эван предложил читать друг другу перед сном — у него в каюте было много стихов и пьес.

Прошло несколько дней, и Эвану уже казалось, что Бьянка вполне счастлива — ведь он не давал ей скучать. Но вот как-то раз, во время прогулки по палубе, она вдруг притихла, а потом, извинившись, поспешно вернулась в каюту. Эван был озадачен странным поведением жены, однако решил, что ей захотелось побыть одной, и пришел в каюту лишь к ужину. Застав Бьянку в слезах, он сначала глазам своим не поверил. Наконец, присев на край постели, привлек жену к себе и, поглаживая ее по золотистым локонам, проговорил:

— Любимая, что произошло? Пожалуйста, скажи мне, что случилось? Или тебе, может быть, чего-то не хватает?

Заливаясь слезами, Бьянка упорно молчала. Однако Эван был так нежен и ласков, что в конце концов она решила открыться ему. Немного успокоившись, она сказала:

— Ты так часто говорил о том, что хочешь детей. Вот я и надеялась... Я надеялась, что...

И Бьянка снова залилась слезами. Сообразив наконец, в чем дело, Эван поцеловал жену и проговорил:

— Дорогая, не у каждой супружеской пары ребенок появляется ровно через девять месяцев после свадьбы. Если у нас не будет ребенка даже несколько лет, я не расстроюсь, так что перестань плакать. И прошу: никогда больше так не переживай из-за того, чего

нельзя изменить. И я настаиваю: если тебя все-таки что-то огорчит, обязательно скажи мне, что именно тебя огорчило, иначе я буду думать, что это я тебя обидел.

Бьянка утерла слезы кончиками пальцев и попыталась улыбнуться.

— Но я не понимаю, почему этого не произошло, Эван, ведь мы так часто были вместе...

— Любимая моя, шестнадцать лет — слишком юный возраст для материнства. И не плачь. Ну, улыбнись мне. Если мы не станем родителями в ближайшие несколько лет, я не стану огорчаться. И я не хочу, чтобы ты расстраивалась из-за этого.

— Это правда? — потупившись, спросила Бьянка; она думала, что муж просто пытается ее успокоить.

— Ну конечно, правда. А теперь умойся. За ужином ты должна быть красавицей, и мы забудем о твоих слезах.

Ночью Бьянка сладко спала в объятиях мужа, а вот Эвану не спалось — он снова думал о том, что все еще не отомстил убийце брата. Однако Эван надеялся, что убийца, кто бы он ни был, все же объявится. Поэтому в Барселоне следовало непременно пополнить запасы пороха. Возможно, противник был настолько хитер, что решил повременить, возможно, он каким-то образом обогнал их и теперь поджидал где-нибудь в районе Гибралтара, чтобы потом списать на пиратов исчезновение «Феникса». Чем дольше Эван размышлял об этом, тем все больше склонялся к мысли, что допустил ошибку, ожидая нападения сзади, — ведь противник мог находиться впереди.

На следующее утро, когда Бьянка занималась с Тимоти, Эван зашел в каюту Уилла и сказал, что хочет изучить навигационные карты Средиземноморья. Когда же карты были развернуты, он изложил свои соображения Уиллу.

— Да, очень может быть, — кивнул Саммер. — И ты прав, мы действительно утратили бдительность. Но я позабочусь о том, чтобы эта ошибка не стоила нам жизни.

— Надо пополнить в Барселоне запасы провизии и пороха, но команду отпустишь только на одну ночь, — продолжал Эван. — Мы с Бьянкой будем осматривать город, поэтому сам позаботишься о погрузке.

— О Господи! — вдруг воскликнул Уилл. — А что, если этот негодяй уже в Испании? Он может ждать тебя в Барселоне. Как только ты сойдешь на берег, он тут же нападет на тебя. Ты погибнешь, как и твой брат, а этому мерзавцу еще и Бьянка достанется.

Эван в ярости ударил кулаком по столу и разразился бранью. Каким же он все-таки оказался недальновидным!

— Да, ты прав, Уилл. Мы ожидаем нападения на море, а оно с таким же успехом может произойти и в порту. — Рухнув на стул, Эван прикрыл глаза рукой. — Как бы ты поступил на моем месте, Уилл? Мы уже знаем, что этот мерзавец труслив. Так что же он может теперь предпринять?

Саммер ненадолго задумался, потом сказал:

— На море он не столь опытен, как ты, Эван. На воде все преимущества у тебя, и венецианец должен понимать это. Возможно, он направился прямоком в Барселону в надежде, что и мы зайдем туда. И очень может быть, что он, встретившись с представителями власти, сказал им, что ты похитил Бьянку, насильно увез ее из дома. В таком случае нас там встретят пушечной пальбой.

— Черт бы побрал этого труса! — заорал Эван. — Но я не попадусь в его сети. Мы не пойдем в Барселону, а бросим якорь в Валенсии. Это довольно большой город, и мы сможем

закупить там все необходимое.

— Тогда преследователь, конечно, останется с носом, — кивнул Уилл. — И думаю, что он продолжит погоню.

— Возможно, — усмехнулся Эван. — Но если он поджидает нас у Гибралтара, то это нам на руку.

Покинув Уилла, Эван отправился к Бьянке, и они весь день гуляли по палубе. Бьянка радовалась хорошей погоде и весело смеялась. Эван же с надеждой вглядывался в горизонт, предвкушая победу.

На следующий день они бросили якорь в Валенсии. В шумном порту Эван нанял карету, доставившую их в город. Балую молодую жену, Эван купил ей все, что она пожелала. Когда магазины начали закрываться на сиесту и воздух наполнился ароматом цветущих апельсиновых деревьев, Бьянка уже была готова вернуться на «Феникс» — они доверху загрузили карету шелковым бельем, рулонами прекрасной ткани, кружевами, изящными веерами и ароматным мылом. Себе Эван решил ничего не покупать и приобрел лишь несколько серебряных подставок для блюд — этими подставками, как он утверждал, очень удобно пользоваться на корабле. Но, увидев шпаги и кинжалы из прекрасной толедской стали, Эван не смог устоять. Когда же наконец все покупки были доставлены в каюту, он в растерянности пробормотал:

— Боюсь, дорогая, что кое-что придется убрать в сундук, иначе нам здесь не развернуться.

— А нам и не надо разворачиваться. Можно все время оставаться в постели, — лукаво улыбнулась Бьянка и ловко увернулась от мужа, когда он попытался ухватить ее за руку.

— По крайней мере ты могла бы поблагодарить меня как следует, — рассмеялся Эван.

Бьянка тоже засмеялась и покачала головой:

— А ты сначала поймай меня!

В конце концов Эван поймал ее, и они со смехом упали на постель. Прижавшись к мужу, Бьянка прошептала ему на ухо:

— Как ты думаешь, чем занимаются испанцы каждый день после обеда, когда все думают, что они спят?

— Вероятно, вот этим...

Глаза Эвана сверкнули, и он, даже не удосужившись раздеться, лишь распустив ремень, поднял юбки жены и овладел ею, удовлетворив таким образом ее любопытство. Бьянка вскрикнула, ошеломленная столь стремительным натиском, но тотчас рассмеялась, вцепилась в широкие плечи мужа и подалась ему навстречу.

Когда Бьянка наконец открыла глаза, она увидела прямо над собой голубое небо, видневшееся в открытом световом люке. И тут же вспомнила, что корабль стоит в порту. Матросы, сновавшие по настилам с грузом, могли в любой момент заметить их.

— Эван, — прошептала Бьянка, — нас могут увидеть.

— Ты полагаешь, кто-то придет в ужас, увидев нас? Сомневаюсь... Лучше помолчи, дорогая.

— Не замолчу! — закричала Бьянка и с силой оттолкнула мужа. — Вставай!

Эван усмехнулся, но все же чуть отстранился.

— Дорогая, так чего же ты хочешь? Ведь ты сама просила поймать тебя.

Бьянка расхохоталась и привлекла мужа к себе.

— Не наша же вина, что мы такая страстная пара, правда, Эван?

— Разумеется, не наша, — ответил он с улыбкой.

Они вышли из порта с утренним отливом, и Эван стал задумчив и сдержан — ведь вскоре он должен был встретиться с противником. Бьянка заметила перемену в настроении мужа и решила, что он опасается нападения пиратов — они приближались к Гибралтарскому проливу, самому опасному месту в Средиземном море.

Солнце уже стояло высоко, когда однажды утром на горизонте появились три кеча. ^[2] Суда какое-то время держались на расстоянии, а потом стали наступать «Феникс». Бьянка не хотела покидать палубу, но Эван был неумолим. Взяв жену за руку, он повел ее к трапу.

— Я хочу, чтобы ты оставалась в нашей каюте, дорогая. Палуба — слишком опасное место.

Бьянка, однако, возражала:

— Я могла бы заряжать пистолеты или ухаживать за ранеными. А внизу я ничем не смогу помочь!

— А мое спокойствие для тебя ничего не значит? — Эван открыл дверь каюты. — Сиди тут, пока я за тобой не приду. — В следующее мгновение он захлопнул дверь и запер ее на ключ.

Бьянка была в ярости. Муж ее запер! Она ударила ногой в дверь, но лишь ушибла палец. Подбежав к столу, Бьянка взобралась на него, но обнаружила, что и через световой люк не видит происходящего на палубе. И тут она вспомнила, как Эван когда-то отпер дверь ее спальни. Вытащив из волос шпильку, Бьянка спрыгнула со стола и направилась к двери. Однако провозилась целых полчаса, прежде чем замок наконец-то щелкнул. Она знала, что муж ужасно рассердится, если увидит ее, и осталась у подножия трапа, надеясь, что услышит вполне достаточно и поймет, что происходит на палубе.

«Феникс» уверенно скользил по зеленовато-голубым волнам; судно шло прежним курсом, и казалось, капитан не замечал, что его преследуют корабли неприятеля. Однако пушки были заряжены, и канониры приготовились к бою. Эван с Уиллом стояли на палубе, поджидая противника.

— Пусть подойдут поближе, Уилл, — прошептал Эван. — Я хочу убедиться, что это именно пираты, а не кто-нибудь другой.

— Полагаю, что они подошли достаточно близко! — Уилл, сжав кулаки, смотрел на кечи, уже окружавшие «Феникс». — Пали по ним сейчас, иначе подойдут слишком близко.

Глядя в подзорную трубу, Эван рассматривал бородатые лица на палубах приближающихся кораблей. Наконец с ледяным спокойствием он проговорил:

— Прикажи дать залп.

Бьянка расслышала последние слова мужа, потом раздался голос Уилла, отдавшего команду, и тотчас же загрохотали пушки правого борта. Бьянка закашлялась от ядовитого дыма, и глаза ее начали слезиться; теперь она ничего не могла рассмотреть. Забыв об опасности, Бьянка бросилась вверх. Подбежав к поручням, она увидела два пиратских судна, охваченных пламенем. В бортах кечей, на уровне ватерлинии, зияли огромные пробоины. Третий корабль повернул в сторону, уходя от обстрела. И тут Бьянка увидела, как из пушек этого корабля вырвалось пламя. В следующее мгновение над головой ее раздался крик, а затем последовал глухой удар о палубу. Сорвавшийся с мачты матрос упал в ярде от Бьянки. Она в ужасе вскрикнула — вся ее юбка была забрызгана кровью несчастного. Но тут «Феникс» резко развернулся — Бьянка едва удержалась на ногах — и дал залп из орудий

левого борта. Канониры Эвана били без промаха — пиратское судно вспыхнуло и накренилось; пираты же с отчаянными криками прыгали за борт. И вдруг послышалась пистолетная стрельба. Бьянка осмотрелась и ужаснулась — команда «Феникса» расстреливала пиратов, барахтавшихся в воде.

— Останови их! — закричала она, подбегая к Эвану. — Они стреляют в беспомощных людей!

Эван взглянул на жену. Казалось, его не очень удивило ее появление на палубе. Однако он был недоволен тем, что она пренебрегла его запретом.

— Сейчас не время для сострадания, Бьянка. Враг, которого пощадили сегодня, завтра может вернуться, чтобы перебить нас всех, поэтому я не собираюсь рисковать. А теперь отправляйся вниз, это зрелище не для твоих глаз.

Бьянка уже собиралась вернуться в каюту, но вдруг заметила Тимоти, безутешно рыдавшего над телом погибшего матроса. Подойдя к мальчику, она присела рядом с ним, положила руки ему на плечи и сказала:

— Он умер мгновенно. Я уверена, что он не страдал.

Тимоти, однако, не утешился тем, что смерть матроса была мгновенной, — ведь он лишился лучшего друга. Мальчик осторожно приподнял руки матроса, сложил их у него груди и лишь после этого взглянул на Бьянку.

— Побудьте с ним, пока я схожу за парусиной, ладно?

Бьянка молча кивнула и отвернулась — ей делалось дурно, когда она смотрела на окровавленное тело. Вскоре Тимоти вернулся, и Бьянка помогла ему уложить погибшего друга на парусину. Мальчик осторожно завернул тело в плотную ткань и пошел за ниткой и иголкой. Бьянка же поднялась и вдруг увидела, что вокруг собрались матросы, смотревшие на нее с восхищением. Приподняв забрызганные кровью юбки, она спустилась в каюту мужа, и только тут ее вырвало.

Час спустя раздался осторожный стук в дверь. Стрельба давно стихла, и Бьянка, решив, что это пришел Тимоти с горячей водой для купания, крикнула:

— Да-да, входи!

Уильям Саммер приоткрыл дверь и замер в нерешительности. Бьянка сидела на постели, обхватив руками колени. Ее золотистые волосы рассыпались по плечам, и она была в этот момент так прекрасна, что Уилл задохнулся от восторга.

— Миссис Синклер, — проговорил он, — у нас сейчас состоится панихида по Натану, и я подумал, что вы захотите присоединиться к нам.

Бьянка отрицательно покачала головой:

— Я бы лучше осталась здесь, если вы не против. Я не одета для похорон.

— Служба будет короткой. Ваша одежда... это не имеет значения для команды.

Бьянка прикрыла глаза; ее длинные ресницы отбрасывали фиолетовые тени на бледные щеки.

— Это мой муж послал вас за мной?

— Нет, я сам так решил, — сказал Уилл. Бьянка не знала, как поступить, не знала, чего ждет от нее муж. Она видела уже более чем достаточно, и Эван был прав — подобные зрелища не для нее. Так стоит ли принимать участие в церемонии погребения? Уилл, по-прежнему стоя у двери, проговорил:

— Эван пытался удержать вас здесь, подальше от опасности. Почему вы не остались в каюте?

Бьянка вскинула подбородок.

— Я хотела узнать, что происходит, вот и все. И не было никакой необходимости запираť меня здесь.

Уилл считал, что этот вопрос Бьянка должна обсуждать со своим супругом, поэтому вернулся к цели своего визита:

— Все готовы, миссис Синклер. Неужели вам не хочется посмотреть церемонию похорон? К сожалению, слишком много сражений заканчивается подобным образом.

— Уилл, а мой муж когда-нибудь берет пленных?

— Никто не берет в плен пиратов, Бьянка. Они знают это так же хорошо, как и мы.

— А во время войны? Он брал в плен англичан? — Бьянка поднялась с постели и приблизилась к Уиллу; она даже не представляла, как возбуждает его.

— Нет, не брал, — прохрипел капитан.

Бьянка внимательно посмотрела на стоявшего перед ней молодого мужчину. Она не понимала, почему он так смущен.

— Скажите, а вы поступили бы так же?

— На войне — да! — не задумываясь ответил Уилл. — В бою пленные только мешают.

— Значит, вы топили британские корабли, а потом расстреливали матросов, пытавшихся спастись? Вы так поступали?

— Подобное вовсе не редкость, миссис Синклер. Неужели англичане поступали лучше? Они помещали пленных на борт арестантского корабля и кормили так скудно, что люди умирали голодной смертью. А теперь я вынужден поторопить вас, если вы намерены идти со мной.

Удивленная резким тоном капитана, Бьянка спросила:

— Почему вы снова называете меня миссис Синклер? Ведь только что назвали по имени...

Уилл покраснел, словно его застали за чем-то предосудительным. Это было так неожиданно, что Бьянка не удержалась от смеха.

— Называйте меня как хотите, капитан Саммер, я больше не стану смущать вас. — Она вышла из каюты, не потрудившись даже взять накидку.

Эван не знал, что Уилл отправился за его женой, и, увидев Бьянку, нахмурился. Однако, заметив, как она расстроилась, решил не огорчать ее еще больше. Он подошел к ней, взял ее за руку и стал молча слушать слова отходной молитвы, уверенно произносимые Уиллом. Когда печальная церемония завершилась и завернутое в парусину тело было предано морю, Эван задержался на палубе лишь для того, чтобы попросить Тимоти принести горячей воды для ванны. Затем повел Бьянку в каюту. Остановившись у двери, он вручил жене ключ.

— Поскольку я сам научил тебя отпирать замок без ключа, возвращаю его, чтобы тебе снова не пришлось мучиться со шпилькой. Когда в следующий раз я попрошу тебя оставаться внизу, возможно, ты более внимательно отнесешься к моей просьбе.

Бьянка потупилась.

— Но я же беспокоилась за тебя, за всех вас. Неужели ты думал, что я останусь в каюте, когда наверху стреляют?

— Нам ничего не угрожало, Бьянка, — усмехнулся Эван.

— Сомневаюсь, что Натан согласился бы с тобой! — выпалила Бьянка.

Возмущенный словами жены, Эван резко развернулся и вышел из каюты. И почти тотчас же появился Тимоти с лоханью и горячей водой. Бьянка попросила мальчика задержаться.

— Я хочу отдать тебе эту одежду, — сказала она. — Лучше всего выбросить ее за борт. Ты сделаешь это для меня?

— Да, мэм. — Тимоти потупился; ему было стыдно, что Бьянка видела, как он плакал, словно маленький. — Прошу прощения за то, что было раньше, — пробормотал мальчик так тихо, что она едва расслышала его слова.

— За что, Тимоти? Я не понимаю, что ты имеешь в виду. — Быстро сняв забрызганное кровью платье, Бьянка с облегчением вздохнула, убедившись, что белоснежное нижнее белье осталось чистым.

Тимоти по-прежнему смотрел в пол.

— За... за то, что плакал, — проговорил он с дрожью в голосе.

— Но ты же сказал, что Натан был твоим другом. И наверняка не ты один его оплакивал.

— Но только я один плакал при всех.

— А... понятно. А вот я думаю, что ты очень смелый, Тимоти. Когда Натан упал, ты не думал о себе, ты думал только о нем. А ведь и тебя могли убить или ранить.

— Вы считаете, что я смелый? — Тимоти просиял. — Правда?

Бьянка обняла мальчика за плечи, провожая его к двери.

— Я в этом уверена. А теперь выполни мою просьбу, пожалуйста.

— Да, мэм. А потом я позабочусь о вашем ужине. — Мальчик гордо выпятил грудь.

Бьянка приняла ванну и села у стола. Взяла томик стихов, но тотчас же отложила книгу. Вскоре появился Эван, а следом за ним — Тимоти с подносом. Дождавшись, когда мальчик

покинет каюту, Бьянка сказала:

— Надеюсь, мы больше не увидим этих отвратительных пиратов.

Пораженный тем, что жена вновь решилась затронуть эту тему, Эван пробормотал:

— Я тоже на это надеюсь. Нам повезло, что мы встретили лишь три корабля. Но теперь мы вряд ли столкнемся с другими пиратами.

— А тебе не кажется странным, что Гибралтар — британская крепость, а не испанская? — неожиданно спросила Бьянка.

— Вовсе нет. Ведь у британцев прямо-таки ненасытный аппетит на чужие территории. Испанцы долго бились за обладание этой крепостью, потеряли две тысячи солдат во время последней попытки вернуть ее себе, хотя Гибралтар — это всего лишь укрепленная скала из серого гранита. Возможно, ты слышала об этом.

— Разумеется. Испанцы надеялись, что англичане будут слишком заняты подавлением восстания в Северной Америке и не смогут защитить крепость. К несчастью для них, они ошиблись.

— Бьянка, откуда ты знаешь об этом? Ведь наша война с Англией закончилась два года назад, когда ты была еще девочкой. И почему ты заинтересовалась войной между Испанией и Англией из-за какой-то крепости на скалах?

Бьянка сочла этот вопрос оскорбительным для себя.

— Ты что, забыл о происхождении моей матери? И кроме того, осада Гибралтара сказалась на судоходстве в Средиземном море, а ты ведь знаешь, как зависит Венеция от морских перевозок. Почему же мне не знать, что там происходило? Разве женщины в Виргинии не интересуются такими важными вещами?

— Боюсь, что не очень-то интересуются, — ответил Эван с ухмылкой. — Но ты, я вижу, в этом разбираешься.

— Ты что, снова смеешься надо мной? — вспыхнула Бьянка.

— Нет, вовсе нет! — поспешно ответил Эван. — Просто я не думал, что ты так отличаешься от всех знакомых мне женщин.

Бьянка, нахмурившись, спросила:

— Почему же не предполагал?

— Видишь ли, мы привыкли считать, что женщины очаровательны и привлекательны, что они верные жены и преданные матери и их не интересуют иностранные войны, так увлекающие мужчин.

— Я не стану притворяться глупой, Эван. — Бьянка покачала головой. — Как могут женщины в Виргинии терпеть подобное к себе отношение?

Эван расхохотался.

— Не думаю, что они в обиде, дорогая! Ведь наши женщины живут далеко от Европы и войны их совершенно не интересуют.

— А разве Война за независимость не затронула их? — тотчас спросила Бьянка.

— Конечно, она всех затронула. Многие считали, что нам не следует добиваться независимости от Англии, так что мы сражались не только с англичанами, но и с соотечественниками. Некоторые бежали из Америки, перебирались обратно в Англию. Но теперь все закончилось и мы снова вернулись к мирной жизни. Я уверен, тебе понравится в Виргинии. — Эван ненадолго умолк, потом проговорил: — Дорогая, ты не только прекрасна, но и очень умна.

— О, спасибо! — улыбнулась Бьянка. Эван кивнул и продолжал:

— Бьянка, пойми, я хочу, чтобы ты была счастлива со мной, хочу, чтобы мы с тобой жили в мире. Поэтому, пожалуйста, не своевольничай, ведь я очень огорчаюсь, когда ты не слушаешься меня.

Бьянка нахмурилась; слова мужа показались ей оскорбительными.

— Я твоя жена, Эван, и не смей говорить со мной так, как ты говоришь с матросами на палубе.

— Дорогая, но я же был так внимателен к тебе, — возразил Эван. — Разве ты этого не замечала?

Бьянка заерзала на стуле. Наконец поднялась и заметалась по каюте.

— Эван, ты самый лучший из мужей! — воскликнула она. — Я говорила тебе об этом много раз. Я знаю, что тебе не нравится мое своеволие, но я действительно не могу быть другой.

— Дорогая, это просто чудо, что ты не пострадала сегодня на палубе, когда убили Натана. И я больше не позволю тебе так бездумно рисковать жизнью. Нам предстоит долгий путь домой, возможно, нас ждут неприятности. Поэтому, пожалуйста, запомни: если я прошу тебя оставаться в каюте, то ты должна оставаться здесь. Я не хочу тебя потерять. Обещай мне, что не будешь своевольничать.

Бьянка, закусив губу, по-прежнему расхаживала по каюте.

— Я понимаю, чего ты ждешь от меня, Эван. Но вдруг я не сумею сдержать свое обещание? Не сумею, потому что ты потребуешь невозможного... И тогда ты еще больше рассердишься на меня.

Эван ухватил жену за руку и усадил к себе на колени.

— Ты так расстроилась, когда ослушалась своих родителей. Так почему же ты не считаешься с моими пожеланиями? Я ведь хочу, чтобы ты была счастлива, моя дорогая.

Бьянка прижалась щекой к щеке Эвана и крепко обняла его.

— Я люблю тебя, но...

— Но свободу ты любишь больше? — спросил он. — Я закую тебя в цепи, если придется, но не выпущу на палубу, если тебе будет грозить хотя бы малейшая опасность.

Бьянка, чуть отстранившись, заглянула в глаза мужа. И увидела, что он не шутит.

— Ты не посмеешь заковать меня в цепи, не посмеешь! — закричала она.

— Ну нет! — усмехнулся Эван. — Уверю тебя, ты ошибаешься.

Эван окинул взглядом стройную фигуру жены — и вдруг понял, что его неудержимо влечет к ней. Впившись страстным поцелуем в губы Бьянки, он приподнял подол ее рубашки и медленно провел ладонью по бедру. Когда же пальцы Эвана коснулись ее лона, она тихонько застонала и прижалась к нему. Не в силах более сдерживаться, он распустил ремень и, чуть приподняв Бьянку, усадил ее на себя. Крепко обнявшись, целуя друг друга, они вознеслись на вершину блаженства. А потом, утомленные, еще долго сжимали друг друга в объятиях.

Проснувшись ранним утром, Эван увидел, что Бьянка наблюдает за ним. Насмешливая улыбка тронула ее губы, и ему вдруг стало не по себе.

— Чему ты улыбаешься в столь ранний час? — пробормотал он.

Бьянка пожала плечами:

— Просто забавно. Стоит мне только повысить голос — и ты тут же желаешь меня, не замечал?

Эван убрал с лица волосы и с усмешкой проговорил:

— Когда ты злишься, ты для меня так же желанна, как и тогда, когда пытаешься очаровать меня.

— Когда же я пыталась очаровать тебя? — Бьянка кокетливо захлопала ресницами. — Никогда, насколько я помню.

Эван засмеялся и заключил ее в объятия.

— Ты сейчас это делаешь! Признайся!

Бьянка с улыбкой ответила:

— Вам так кажется, сэр, потому что вы чрезвычайно тщеславны, только и всего.

Эван толкнул Бьянку на подушки.

— Ты кокетка, дорогая женушка, но обещаю кокетничать только со мной.

Бьянка вдруг перестала смеяться и пристально посмотрела на мужа.

— Беда в том, что все наши споры заканчиваются в постели. Мне это не нравится, мой милый.

Эван нахмурился; было очевидно, что Бьянка раскусила его. Однако он тотчас же взял себя в руки и с улыбкой сказал:

— Может, мне следует назначить время для споров с тобой? Скажем, после занятий с Тимоти... Это тебе больше понравится?

— Нет, конечно, нет. Я вообще не хочу с тобой спорить.

— Тогда от тебя требуется только одно — угодить мне вне постели.

Эван рассмеялся и, затянув ремень, отправился в каюту Уилла — там он обычно одевался по утрам, чтобы не мешать Бьянке заниматься туалетом.

Одевшись, Эван поднялся на палубу. Вцепившись в поручни, он всматривался в линию горизонта в надежде увидеть паруса венецианского судна — ведь он еще не отомстил убийце Чарльза. Тут к поручням подошел Уилл, и Эван, взглянув на него, воскликнул:

— Господи, что же я скажу отчиму?! Он ведь надеялся на меня, верил, что я сумею отомстить.

— Ты сделал все, что мог. И мы все это подтвердим.

— Мне нужны не оправдания, а результаты, черт побери! — Эван с силой ударил ладонью по поручням, но даже не почувствовал боли. — Каждый раз, когда я смотрю на Бьянку, я вспоминаю Чарльза. Я словно вижу в ее улыбке его улыбку. Он был так похож на нее... Почему я не понимал этого раньше? Неудивительно, что он полюбил ее.

— А ты? — спросил Уилл.

Эван бросил па друга такой взгляд, что тот похолодел.

— Я сделал ее своей женой и тем самым воздал должное ее красоте. Но я не отдам ей свое сердце.

— Как ты можешь не любить такое очаровательное создание, как Бьянка? — проговорил Уилл.

Эван отвернулся — это был слишком тяжелый для него разговор.

«Феникс» бороздил уже воды Атлантики, а Бьянка по-прежнему коротала дни, обучая Тимоти, гуляя по палубе и играя в карты с мужем. Эван же все чаще погружался в раздумья и не очень-то охотно беседовал с женой. Но по ночам он становился нежным и пылким любовником. В конце концов Бьянка решила, что Эван просто соскучился по дому. И она старалась быть терпеливой и преданной женой, старалась не огорчать его. Встречая во время прогулок по палубе капитана Саммера, Бьянка охотно беседовала с ним, потому что Эван почти всегда был хмур и молчалив. Как-то раз она спросила:

— А где вы познакомились с моим мужем, капитан Саммер?

Уилл вопросительно взглянул на Эвана, но тот молчал. Откашлявшись, капитан проговорил:

— Я имел несчастье попасть в плен к англичанам и был отправлен на тюремный корабль вместе с другими пленными. Условия там были просто ужасные. Мы все умирали медленной мучительной смертью. К счастью, Эван освободил нас.

Бьянка взглянула на мужа, но тот по-прежнему смотрел куда-то вдаль — возможно, он даже не слышал рассказ Уилла.

— Эван спас вас? — переспросила Бьянка.

— О да, всех нас. Это был отчаянный поступок. Эван и несколько его людей проникли на корабль после полуночи. Они разоружили стражников, выбросили их за борт, а потом повели это проклятое судно к берегу. Там мы все высадились, и Эван поджег корабль, чтобы его больше никогда не использовали в таких гнусных целях. Большинство пленных были слишком слабы, чтобы стать членами команды Эвана, но те, которые были посильнее, сделали это с радостью.

Бьянка взяла мужа за руку, стараясь привлечь его внимание.

— Почему ты никогда не рассказывал мне о том, как спас Уилла? Ведь это так интересно!

Эван пожал плечами:

— Этот рейд произвел на Уилла большее впечатление, чем на меня. Я уже почти забыл об этом.

Уильям рассмеялся.

— Если вам покажется, что Эван неохотно рассказывает о своих приключениях, то я буду счастлив поведать вам о некоторых из них.

— Нет-нет, не стоит, — сказал Эван. — У меня есть другие способы развлечь Бьянку, и мне не требуется твоя помощь.

Щеки Бьянки вспыхнули, и она дернула Эвана за рукав.

— Помолчи! Я знаю, что мужчинам нравится рассказывать о войне, и я с удовольствием вас послушаю, правда, напиваться с вами не стану.

Эван выразительно взглянул на Уилла.

— Мы с капитаном усвоили урок, Бьянка. Если ты хочешь, чтобы мы рассказали тебе о войне, мы сделаем это за чашкой чая. Так что не беспокойся.

Уилл смущенно улыбнулся. И тотчас задумался. Он вдруг понял, в чем состояла их с Эваном ошибка. Эван полагал, что найти и уничтожить убийцу брата так же просто, как уничтожить британские корабли. Но люди — не корабли, чтобы найти убийцу, возможно, потребуются долгие месяцы. И все же Уильям не жалел, что они отправились в это путешествие — ведь благодаря ему он познакомился с очаровательной Бьянкой.

Рассматривая карту, Эван ничем не выдавал своего беспокойства. Через несколько часов они будут дома, а он так и не нашел оправдания тому, что не смог выследить убийцу Чарльза. Конечно, продажа великолепного венецианского стекла принесет существенную прибыль, но это не могло возместить его матери и отчиму потерю сына. Эван, конечно же, не мог смириться с поражением, однако он тщательно скрывал от Бьянки свои истинные чувства. Глядя на нее с улыбкой, он говорил:

— Ньюпорт-Ньюс находится на полуострове, неподалеку от реки Джеймс. Это прекрасное место для судостроения. А наш дом стоит чуть выше по реке.

Мы владеем обширной территорией, гораздо большей, чем у кого-либо в Венеции, а жить будем у самой воды, так что, надеюсь, Виргиния тебе понравится.

— У воды? Это замечательно, Эван. Не могу дождаться, когда увижу твоих родителей! Интересно, что они скажут, когда узнают, что мы обвенчались? Может, они огорчатся? Ведь ты женился без их ведома.

Эван свернул карту и вновь попытался улыбнуться.

— Вообще-то перед моим отплытием отчим серьезно поговорил со мной, он хотел, чтобы я женился, как только вернусь. Так что он не вправе сетовать на то, что я последовал его совету и нашел такую красивую жену. Как только мы причалим, я отправлю Тимоти к отчиму с запиской — сообщу о нашем возвращении. Я бы хотел сначала встретиться с ним наедине, чтобы ты не томила во время моего скучного отчета о плавании.

— Но я бы с удовольствием послушала ваш разговор, Эван, — возразила Бьянка.

Эван привлек к себе жену и поцеловал ее в лоб.

— Если ты не против, то я действительно хотел бы сначала поговорить с отчимом наедине. Не хочу смущать тебя, заставляя слушать рассказ о твоих бесчисленных добродетелях.

— О добродетелях? — Бьянка была слишком умна, чтобы принять подобное объяснение. — Нет, ты просто боишься, что он не одобрит наш брак. Так уже слишком поздно для этого!

Бьянка, как всегда, была очаровательна в гневе, и Эван не удержался от улыбки.

— Позволь мне объяснить тебе кое-что. Мой отец был старше моей матери на двадцать лет. Ей и тридцати не было, когда она стала вдовой. После этого мать вышла замуж за Льюиса. Им обоим было тогда по двадцать шесть. Льюис всего на шестнадцать лет старше меня, и, когда я был моложе, он по мере сил старался заменить мне отца. Но теперь, когда я продолжил дело моего отца и занялся судостроением, вместо того чтобы стать партнером отчима, он уже не пытается повлиять на мои решения. Так что не беспокойся, просто я хочу поговорить с ним сначала наедине. Я уверен, что Льюис тут же устроит настоящий пир. Уверен, что и мать тебе обрадуется.

Бьянка в смущении посмотрела на мужа.

— Прости, Эван. Конечно, тебе нужно сначала поговорить с родителями. Тогда при встрече со мной они будут не просто удивлены, а обрадуются. Я так хочу понравиться им, Эван, и очень постараюсь произвести на них сегодня благоприятное впечатление.

— Только сегодня? — лукаво улыбнулся Эван.

— Конечно, нет! — рассмеялась Бьянка. И тотчас же спросила: — Твоей матери было

всего шестнадцать, когда она родила тебя?

— Да, — кивнул Эван. Он понял, чем вызван этот вопрос жены, поэтому тут же продолжил: — Бьянка, нам не нужен ребенок, который будет только отвлекать нас друг от друга. Несомненно, некоторые друзья моих родителей станут спрашивать, почему ты до сих пор не беременна, но я надеюсь, ты скажешь им, что это наше личное дело и мы обойдемся без их вмешательства.

— Но, Эван, это будет ужасно невежливо! — воскликнула Бьянка.

— Почему же? Это ведь правда. А теперь пойдем на палубу. Мы приближаемся к порту, а там столько интересного...

Как только «Феникс» бросил якорь у причала в доках Синклера, Тимоти со всех ног бросился к складу, который снабжал товарами магазины Льюиса Грея. Но оказалось, что отчим Эвана весь день не появлялся в городе. Мальчик побежал обратно на «Феникс», чтобы выяснить, где живет Льюис.

— Это слишком далеко, парень, так что не утруждай себя. Лучше иди домой и скажи своей маме, что я к ней скоро заеду. — Эван щедро наградил Тимоти за труды и отпустил его.

Мальчик поблагодарил и сказал:

— Я хочу поблагодарить и вас, миссис Синклер, за то, что вы многому научили меня. И моя мама будет вам благодарна.

— Мне было приятно заниматься с тобой, Тимоти. Скажи маме, что я с радостью встречусь с ней. — Бьянка грациозно наклонилась, поцеловала смутившегося мальчика в щеку и помахала ему рукой, когда он сбежал с корабля по трапу. — Он должен учиться в школе, Эван. Проследи за этим, хорошо?

— Слушаюсь, мэм, — ответил Эван с поклоном. — Я немедленно прослежу за этим.

— Значит, так ты собираешься вести себя теперь, когда мы дома? Ты намерен постоянно смеяться надо мной? — Бьянке было не до смеха; ее ужасно раздражало то, что она до сих пор не знала, чего ожидать от мужа в следующую минуту.

— Вовсе нет, но я не могу удержаться, когда ты начинаешь давать мне указания. Тем не менее на этот раз ты права. На корабле Тимоти мне больше не нужен, так что его можно определить в школу. И вот что... Ты не против, если я оставлю тебя на минуту? Раз нельзя поговорить с Льюисом, я хотел бы отправить домой записку, чтобы они подготовились к встрече. Обожди, я скоро вернусь.

— Не беспокойся, — ответила Бьянка, уверенная в том, что скучать ей не придется.

Хотя разгрузка была намечена только на следующее утро, на борту «Феникса» уже кипела работа. Вскоре к Бьянке подошел Уильям Саммер, и она с улыбкой спросила:

— Как долго вы пробудете на берегу, прежде чем отправитесь в новое плавание?

Уилл застонал в притворном ужасе.

— Прошу прощения, но после стольких недель в море мне трудно ответить на этот вопрос. Я так рад, что снова оказался дома!

Прекрасно понимая, что капитану не хочется обсуждать эту тему, Бьянка задала другой вопрос:

— А вы с Эваном часто видите, когда вы не в море?

— Нет, у каждого из нас своя жизнь, свои друзья и знакомые. Когда я на берегу, то живу в гостинице «Морская жемчужина». Моя корреспонденция приходит туда, так что вы всегда можете оставить для меня записку, если я вдруг вам понадобится.

— Вряд ли в этом возникнет необходимость, капитан, но я попрошу Эвана пригласить вас на ужин, чтобы мы и на суше поддерживали наши дружеские отношения.

Она вздрогнула, когда Уильям коснулся ее руки.

— Я говорю серьезно, Бьянка. Если когда-нибудь вам понадобится друг, обращайтесь ко мне без колебаний. У вас здесь появится много знакомых, но мне хотелось бы, чтобы вы по-прежнему считали меня одним из самых близких друзей, Бьянку встревожила настойчивость капитана. Конечно, с ним было приятно общаться в плавании, но ведь замужние дамы не могут дружить с одинокими мужчинами, не рискуя вызвать при этом самые ужасные сплетни. У Бьянки не было ни малейшего желания ставить в неловкое положение Эвана и его семью. Ей льстило, что Уилл восхищается ею, но она не могла поощрять такое внимание.

— А вы знакомы с матерью Тимоти? — спросила она неожиданно.

Уилл пожал плечами:

— Да, но...

— Поскольку она вдова с маленькими детьми, она, возможно, больше нуждается в вашей дружбе, чем я, — заявила Бьянка.

— Но поверьте, я беспокоюсь за вас. И уверен: когда-нибудь вам понадобится моя помощь. Обещайте мне, что запомните, где меня найти. Это все, о чем я прошу.

Бьянке хотелось побыстрее закончить этот разговор, и она поспешила ответить:

— Не забуду, капитан Саммер. Однако я уверена, что если мы встретимся, то только в доме моего мужа.

— Я буду с нетерпением ждать этого, — сказал Уилл.

Пожелав Бьянке счастья, капитан вернулся к своим обязанностям.

Эван послал отчиму записку, сообщив лишь о том, что женился на молоденькой девушке, с которой познакомился в Венеции, и что к ужину они приедут домой. Он нанял карету и погрузил в нее свой багаж. Эван ужасно нервничал, однако старался казаться веселым. Уезжая, он оставил мать в слезах и сейчас надеялся, что она смирилась с потерей сына и простит его за то, что он не сумел отомстить за смерть Чарльза.

Сидя в карете, Эван старался приободрить Бьянку — она нервничала так же, как и он. Пытаясь отвлечь ее от тревожных мыслей, он стал рассказывать ей о домах соседей, мимо которых они проезжали.

Величественные особняки произвели на Бьянку огромное впечатление, но больше всего ей понравились необъятные просторы вокруг.

— Какой прекрасный парк! Точно королевские угодья. Тут такой чудесный лес! И как приятно будет кататься здесь верхом. Ты научишь меня поскорее, чтобы мы могли кататься вместе?

— Конечно. У нас есть и скаковые лошади, и лошади для карет. Я подберу тебе спокойную лошадку, а матушкин портной сошьет тебе амазонку.

Бьянка крепко сжала руку мужа.

— Когда я думаю о других развлечениях, которым ты научил меня, верховая езда кажется мне очень легким делом, — проговорила она с улыбкой.

Эван рассмеялся. Ему было хорошо с Бьянкой, и он не сомневался в том, что она не виновата в смерти Чарльза. Эван твердо решил: он никому не скажет, что его жена — та самая женщина, которую любил Чарльз. Зачем об этом говорить? Но вскоре выяснилось, что рассказать придется. Увидев молодых супругов, Льюис с радостной улыбкой бросился им

навстречу — и вдруг в ужасе уставился на пасынка. Одного лишь взгляда на красавицу венецианку оказалось достаточно, чтобы заподозрить неладное. Желая избежать ссоры, молодой человек крепко обнял отчима, шепнув при этом:

— Я объясню все позже. Ничего не говори Бьянке. Представив отчиму жену, Эван тотчас же спросил о здоровье матери.

Ошеломленный тем, что Эван женился именно на «этой женщине», Льюис пробормотал:

— Боюсь, что она нездорова. Я часто остаюсь с ней дома, но мое присутствие, похоже, не приносит ей того успокоения, которого она жаждет. Я надеюсь, что у тебя есть новости, которые успокоят ее.

Эван увидел вопрос в глазах отчима, но ответить не успел — их окружила толпа слуг, и пришлось заняться разгрузкой кареты. Потом он проводил Бьянку в свою комнату и, извинившись, удалился, предоставив жене возможность помыться и переодеться к ужину. Надеясь, что матери не так плохо, как полагал Льюис, он направился к ее двери, но отчим удержал его, кивнув в сторону спальни для гостей. Льюис запер на всякий случай дверь и шепотом, чтобы никто их не услышал, проговорил:

— Прежде всего я хочу узнать, как ты посмел привезти сюда эту женщину, а потом уж решу, можно ли рассказывать эту историю твоей матери.

Эван тяжело вздохнул, сожалея, что их приезд так расстроил Льюиса.

— Ты же знаешь, что я отправился в Венецию с единственной целью: найти убийцу и отомстить за смерть Чарльза. Я решил сначала найти «золотоволосую богиню», околдовавшую Чарльза. Так вот, фамилия Бьянки — Антонелли, отсюда «А» на носовом платке, а ее поразительная красота говорит сама за себя. Я решил сыграть роль приманки, ибо был убежден: мой интерес к Бьянке настолько заденет убийцу, что он попытается расправиться со мной. К сожалению, все оказалось гораздо сложнее. Когда я понял, что в результате пострадает именно Бьянка, а не убийца Чарльза, я покинул Венецию и взял ее с собой. Мы обвенчались на «Фениксе». Она даже не знает, что я брат Чарльза, и не подозревает, что я использовал ее, чтобы отомстить за его смерть.

Совершенно сбитый с толку, Льюис вытащил из кармана носовой платок и утер пот со лба.

— А ты не думаешь, что тебе следовало бы сказать ей правду, Эван? Господи, ведь она теперь твоя жена! Как ты мог жениться на женщине, виновной в смерти твоего брата?

— Это ложь! — прорычал Эван. — Она ни в чем не виновата, и я не позволю обвинять ее! Если ты не можешь обещать, что будешь относиться к ней с должным уважением, то мы просто покинем этот дом.

— Нет-нет, твоя мать так настрадалась из-за смерти Чарльза... Ты не можешь оставить ее сейчас.

— Тогда ты должен принять Бьянку как мою жену. Льюис в задумчивости проговорил:

— Твоя мать не читала дневник Чарльза. Сначала ее горе было столь велико, что я даже не предлагал ей этого. Потом дневник понадобился тебе для путешествия. Не мог бы ты вернуть его мне?

— Конечно, можешь забрать его. Но если мама не прочтет описание женщины, которую Чарльз полюбил, то не узнает Бьянку, как узнал ты. Ее мать англичанка, ее английский безупречен, так что мою жену никто не примет за венецианку. — Эван пришел в восторг от этой мысли и тут же продолжил: — Неужели ты не понимаешь? Никто никогда не узнает,

что Бьянка имеет отношение к смерти Чарльза, если ты не расскажешь, потому что я-то уж точно не скажу.

Льюис кивнул:

— Похоже, я вынужден согласиться. Я даю тебе слово, что буду держать все в тайне. Но разве Бьянка сама не заподозрит неладное, если услышит имя Чарльза?

— Я знаю, что рано или поздно это должно случиться, но предпочитаю пока не думать об этом.

— Нет, Эван, — возразил Льюис, — ты должен рассказать жене о Чарльзе сегодня же до того как она встретится с твоей матерью, потом будет слишком поздно. Марион непременно упомянет его и скажет, что он погиб в Венеции при странных обстоятельствах.

Как Эван ни противился, ему пришлось признать, что отчим прав.

— Да-да, конечно. Мне придется сказать ей о Чарльзе, но так, чтобы она не поняла, почему я женился на ней. Я не хочу, чтобы Бьянка узнала о моих истинных побуждениях. Это уничтожит наш брак, а мы оба так счастливы.

Льюис сунул ключ в замочную скважину.

— Я надеялся, что твое путешествие в Венецию облегчит наши страдания, а ты только усугубил боль, женившись на женщине, которую Чарльз любил. Как ты все объяснишь матери, не разбив ее сердца окончательно?

— Ты хочешь, чтобы я солгал ей? — спросил Эван. — Чтобы сказал, что покарал убийцу Чарльза? Ты этого хочешь?

Льюис повернулся к пасынку.

— Ты сам должен это решить, Эван. Мы уже решили солгать ей в связи с Бьянкой. Вероятно, лучше говорить ей правду, когда это возможно.

Эван задумался; он уже не знал, что будет лучше для его матери и для него самого.

— Может, если я просто скажу ей, что вернулся, это успокоит ее хотя бы на день?

— Будем надеяться.

Льюис открыл дверь, и Эван направился в комнату матери.

Золотисто-карие глаза Марион Грей вспыхнули, когда она увидела сына.

— Я слышала голос за дверью, но даже не смела надеяться, что это ты! — воскликнула она, обнимая Эвана. — Я бы встала, чтобы встретить тебя. Прости, что встречаю тебя в постели. Не знаю, почему я чувствую себя такой усталой, но теперь, когда ты вернулся, мне станет легче.

Он сел на край постели и, взяв мать за руки, поцеловал ее. На лице Марион по-прежнему не было ни единой морщинки, но Эван видел, что мать очень слаба. И все же на ней был безупречно отглаженный нарядный расшитый халат; а на ночном столике стояла ваза с розами. Тонкий аромат лаванды, исходивший от ее белья, напоминал о детстве, и Эван наклонился, чтобы снова поцеловать мать, прежде чем начать свой рассказ.

— Эван, что случилось, мой дорогой? — спросила она неожиданно.

Эван заставил себя улыбнуться и проговорил:

— Я женился, мама. Женился на прекрасной девушке, с которой познакомился в Венеции. Я привез ее домой, и она с нетерпением ждет встречи с тобой.

Потрясенная до глубины души этой неожиданной новостью, Марион вцепилась в руки сына.

— Мне нет дела до твоей жены! Я хочу, чтобы убийца Чарльза был мертв! Вот зачем ты отправился в Венецию, а не для того, чтобы бегать за юбками. Что ты можешь сказать мне о

человеке, убившем Чарльза? Ведь ты убил его? Ну говори, убил?

Эван пришел в ужас, осознав, что горе матери превратилось в ненависть. Конечно, легче было бы солгать ей, но он заставил себя сказать правду:

— Я приложил все усилия, чтобы найти его, мама, но не смог.

Марион, словно обезумев, закричала:

— Тогда почему ты вернулся домой? Зачем ты вернулся, если убийца все еще жив? Зачем?

Услышав пронзительные крики жены, Льюис Грей вбежал в комнату. Он понял, что Эван обо всем рассказал, но все же не ожидал такой ужасной реакции.

— Оставь нас, Эван. Я позабочусь о ней. Прошу, уйди!

— Нет! — закричала Марион. — Не отсылай его! — Слезы катились по ее бледным щекам. — Он должен все объяснить!

Эван поднялся, и Льюис сел рядом с Марион.

— Ты сможешь поговорить с ним позже, дорогая. А теперь я хочу, чтобы ты выпила лекарство и отдохнула.

Эван попятился к выходу. Немного помедлив у порога, он вышел из комнаты и осторожно закрыл за собой дверь.

Мать не раз говорила Бьянке о том, что слуги непременно знают все семейные тайны и при первой же возможности делятся ими со всеми, кто готов слушать. И Матти, симпатичная темнокожая девушка, помогавшая ей распаковывать багаж, не являлась исключением из этого правила. Она болтала без умолку, пока Бьянка, закончив принимать ванну, не отослала ее. Бьянке хотелось до прихода Эвана обдумать все, что рассказала ей служанка, хотя бы уже для того, чтобы сохранять спокойствие при появлении мужа.

Сидя у открытого окна, она расчесывала еще влажные волосы и думала о том, что рассказала Матти. Эван говорил, что он единственный сын у матери, но только что Бьянка узнала, что у него был сводный брат, очаровательный молодой человек, смерть которого стала семейной трагедией. Даже теперь, почти год спустя, в доме не оправились от потрясения. «Почему Эван солгал мне?» — недоумевала Бьянка. Когда же Эван наконец вошел в комнату, она, взглянув на него, поняла, что сейчас не время досаждать ему вопросами. Отложив расческу, Бьянка вскочила па ноги и бросилась к мужу.

— Что случилось, Эван? Как твоя матушка? Эван взял жену за руку и подвел к окну. Она снова села, и он, устроившись рядом, проговорил:

— Мне так много нужно рассказать тебе, что я даже не знаю, с чего начать. — Взглянув на реку Джеймс за окном, Эван вдруг вспомнил, как мальчишкой часами сидел у воды и мечтал о том дне, когда станет взрослым и отправится в море. — Тебе нравится эта комната? — спросил он неожиданно.

Изумленная этим вопросом, Бьянка тем не менее с улыбкой ответила:

— Да, конечно, она очень красивая, как и ты.

— Спасибо, — произнес Эван и поцеловал ладонку жены. — Я тебе не все рассказал с моей семье, Бьянка. Мы пережили ужасную трагедию, но я надеялся, что к тому времени, как я вернусь из плавания, боль утихнет. Теперь, когда мы здесь, ты наверняка услышишь об этом. Но лучше я сам тебе все расскажу.

— Что за трагедия, Эван? — Бьянка благоразумно решила не сообщать мужу о том, что Матти уже много рассказала ей о его семье.

Эван тяжело вздохнул и заговорил:

— Это был дом моего отца. Когда Льюис и моя мать поженились, Льюис переехал к нам. Он тогда был энергичным молодым человеком из хорошей семьи, хотя и со средним достатком, а моя мать очень верила в него, и не напрасно. Благодаря ее связям и влиянию Льюис вскоре преуспел в торговых делах, занимаясь главным образом импортом товаров. Он поставляет на север всевозможные предметы роскоши, но у него есть несколько собственных магазинов и здесь, в Виргинии, — в Ричмонде, Александрии и Уильямсберге. Имеются магазины и на другой стороне залива, в Портсмуте и Норфолке. Льюис всегда был предан моей матери — и не только из благодарности за то, что она помогла ему встать на ноги, но и потому, что любит ее. — Эван ненадолго умолк, потом снова заговорил: — У них родился сын, смысленный и высокий, красивый, белокурый и голубоглазый. Он стал очаровательным молодым человеком и нравился всем, особенно молодым дамам. Возможно, ты встречалась с ним, когда он осенью был в Венеции. Его звали Чарльз Грей. — Эван пристально всматривался в лицо жены, уверенный, что она будет поражена этой новостью. Но к его удивлению, Бьянка отрицательно покачала головой:

— Нет, сожалею, но я не знала его. Я редко встречалась с иностранцами, Эван. Если бы тебя не пригласили в дом Паоло, я бы и с тобой не встретилась.

Слова жены изумили Эвана, но было очевидно, что она говорит правду. Неужели Чарльз мог так полюбить ее, если смотрел на нее лишь издали? Может, их встреча была настолько мимолетной, что Бьянка не запомнила его имени? Единственный портрет Чарльза висел в комнате матери, и Эван не осмеливался отвести туда жену. Он задумался, не зная, как продолжить разговор. Но тут Бьянка пришла ему на помощь.

— Так какая же трагедия произошла с Чарльзом? — спросила она.

— По словам властей, его убили грабители. — Эван счел, что такая ложь вполне уместна. — Моя мать сама не своя с тех пор, как корабль доставил его тело и нам сообщили те немногие подробности, которые известны о его гибели.

Услышав о корабле, Бьянка воскликнула:

— Эван, не в Венеции ли был убит твой брат?! — Она пришла в ужас от этой мысли.

— Да, там. — Эван умолк, надеясь, что Бьянка теперь вспомнит Чарльза.

Но она заговорила совсем о другом:

— О, как это ужасно! Что же должны думать обо мне твои родители? Они будут ненавидеть меня, потому что их сын был убит в Венеции, да? — Глаза Бьянки наполнились слезами.

Эван привлек жену к себе и проговорил:

— Нет, конечно, нет, моя дорогая. Они будут любить тебя так же, как и я. Просто моя матушка так много думала о смерти Чарльза... Она и сейчас не может думать ни о чем другом. Но моя мать замечательная женщина, поверь мне. И я надеюсь, что мы сможем облегчить ее страдания.

Сжимая Бьянку в объятиях, Эван чувствовал, что его снова к ней влечет. Подхватив жену на руки, он понес ее к постели. Осторожно опустив Бьянку на белоснежное покрывало, он отошел к двери и повернул ключ в замке. Затем начал раздеваться. Бьянка приподнялась, откинула в сторону покрывало и утерла слезу. Потом расстегнула пуговицы на рубашке. В следующее мгновение Эван привлек жену к себе и стал с жадностью целовать ее. Он жаждал насладиться прекрасным телом Бьянки, хотел забыться в ее объятиях. Тела их слились воедино, и Эван действительно на время забыл о терзавших его мыслях, забыл о неудаче, постигшей его в Венеции.

А потом они в изнеможении откинулись на подушки, и Бьянка, по-прежнему сжимавшая мужа в объятиях, подумала, что он уснул. Но вскоре, заметив, что Эван не спит, она проговорила вполголоса:

— Когда я впервые увидела тебя без маски, я подумала, что ты — самый красивый из всех мужчин. Но ты так озадачил меня в тот вечер... Пожалуй, я только сейчас начинаю тебя узнавать.

Эван приподнялся на локте.

— А я, когда увидел тебя, думал лишь о том, что мне ужасно хочется вот этого. — Склонившись над женой, он приник к ее губам, наслаждаясь их сладостью.

Тем же вечером, за ужином, Бьянка внимательно слушала Льюиса, очаровавшего ее. Мужчины говорили в основном об истории Виргинии, и Бьянке тема показалась несколько странной, хотя и интересной. Когда ужин завершился, Льюис поднялся из-за стола и сказал, что должен покинуть молодых супругов.

— Я обычно ужинаю с Марион в ее комнате, — пояснил он. — Когда я шел сюда, она так крепко спала, что я не стал ее будить, но сейчас мне нужно подняться к ней. Я понимаю, что это твой первый вечер здесь, моя дорогая, и надеюсь, что ты простишь мою жену за то, что она не спустилась. Она нездорова уже несколько месяцев. Прошу не считать ее неучливой. Я представлю тебя, как только ей станет лучше.

— Я с радостью помогу вам, чем только смогу, мистер Грей. Я могу почитать вашей жене или просто посидеть с ней.

Льюис взглянул на пасынка в надежде, что тот его выручит, но Эван молчал, и Льюис проговорил:

— Ты очень добра, Бьянка, но сейчас Марион нужен только отдых. Прошу извинить нас за то, что твоя комната не готова, — добавил он. — Может быть, завтра мы обсудим, как лучше обставить ее. Сейчас она довольно невзрачная, но мы можем все переделать так, как ты захочешь.

— Я позабочусь об этом, — вмешался Эван. Он не собирался сообщать, что его жена уже обосновалась в его комнате. — Раз матушка отдыхает, я не стану ее сейчас беспокоить.

Льюис молча кивнул и отправился к жене. Как только Эван провел Бьянку в гостиную, она весело рассмеялась.

— И где же находится моя комната? Хорошо хоть, что Льюис не спросил, понравился ли мне ее цвет, иначе пришлось бы признаться, что я ее не видела.

Эван хмыкнул, наливая бренди в бокалы.

— Твоя комната рядом с моей, разумеется. Я иногда использовал ее как кабинет, но в ней действительно есть постель, если тебя это интересует.

— Меня это совершенно не интересует, и я хочу спать вместе с тобой, как всегда. Конечно, леди полагается иметь собственные покои, и я позабочусь, чтобы моя комната была такой же красивой, как и твоя.

— Дорогая, чтобы украсить свою комнату, тебе достаточно войти в нее. Идем сядем. — Эван подвел жену к дивану, усадил ее и устроился рядом. — Завтра я поговорю с нашим доктором и выясню, что же происходит с матушкой, — продолжал он. — Если причина лишь в печали, то я уговорю ее покинуть постель и снова начать жить. У нее много прекрасных друзей, которые захотят познакомиться с тобой, и уже одного этого достаточно для того, чтобы она начала принимать гостей.

— Твой отчим очень добр, Эван, но разве он не расстроится, если ты усомнишься в том, что он правильно ухаживает за твоей матушкой?

— Он так беспокоится за нее, что не станет возражать против моей помощи. Давай подождем несколько дней, а потом я попробую уговорить матушку, чтобы она помогла тебе в обустройстве комнаты и занялась с тобой покупками. Она знает все лучшие магазины, и у нее прекрасный вкус.

— Но, Эван, я и сама могу обо всем позаботиться. И у меня тоже прекрасный вкус.

Эван с улыбкой поднялся.

— Я ужасно устал, — заявил он, — и собираюсь лечь спать. Не хочешь ли присоединиться ко мне?

Бьянка рассмеялась и в тон ему ответила:

— Конечно, дорогой. Если ты так устал, я могу почитать час-другой, пока не засну.

Эван допил бренди и отодвинул бокал.

— Ночь, когда тебе придется читать, чтобы уснуть, — это будет действительно ужасно!

— Эван, — смутилась Бьянка, — неужели обязательно говорить так громко? Ведь тебя могут слышать. — Она была уверена, что не только Матти, но и все остальные слуги не прочь посплетничать.

Но тут Эван подхватил жену на руки и понес в спальню. Он был уверен, что все в доме и так знают, чем будут заниматься ночью молодые супруги.

Выставив побольше людей для охраны груза, Уильям Саммер покинул «Феникс», чтобы провести вечер на берегу со старыми друзьями. Играть ему не хотелось, но он все же направился в заведение некой Фанни Берк, ибо там можно было не только поиграть в азартные игры, но и встретить симпатичных молодых женщин. Как только Уилл вошел, некоторые из них окликнули его по имени. Но этот вечер ему хотелось провести с особенной девушкой, молодой и прелестной, и обязательно блондинкой — Уилл хотел избавиться от мыслей о Бьянке хотя бы на одну ночь. Увидев направляющуюся к нему симпатичную блондинку, он широко улыбнулся.

Лили научилась соблазнительно улыбаться, не показывая при этом передние зубы, один из которых был со щербинкой. Она действительно была прелестна, и ей приглянулся светловолосый молодой человек, появившийся в заведении Фанни. К тому же он был хорошо одет, значит, у него водились деньги. Опасаясь, что его может перехватить другая женщина, блондинка поспешила представиться.

— Меня зовут Лили, — сказала она с очаровательной улыбкой. — Мне кажется, мы не встречались.

— Уильям Саммер, капитан, — представился Уилл. — Но можно звать просто Уиллом.

— У тебя свой корабль? — спросила Лили, взяв его под руку, чтобы он не ускользнул.

Уиллу не хотелось разочаровывать девушку, но все же он ответил:

— Хозяин корабля — Эван Синклер, а я капитан.

— А ты не слишком молод для капитана? — кокетливо улыбнулась Лили и прижалась к Уиллу всем телом.

Уильям усмехнулся; он уже решил, что проведет ночь с очаровательной блондинкой.

— Неужели тебе интересно говорить о торговых судах? — спросил он. — Может, лучше отведешь меня наверх, в свою комнату?

— Сразу наверх? — изумилась Лили. Ей нравилось, когда мужчины хотели сначала побеседовать — тогда она хотя бы часок могла поиграть в настоящую леди. Лили решила, что и этот светловолосый капитан именно из таких мужчин, и сейчас она была разочарована.

Уилл, в свою очередь, тоже удивился.

— Когда я был здесь в последний раз, мы знакомились, а потом сразу шли наверх. Неужели правила изменились?

— Конечно, нет, — сказала Лили.

Взяв Уилла за руку, она повела его наверх, в комнату в самом конце тускло освещенного коридора.

— Что ты предпочитаешь? — спросила девушка, запирая дверь; она тотчас же стала расстегивать платье. — Ну так как тебе больше нравится? — проговорила красавица даже с некоторым раздражением в голосе.

Уилл окинул взглядом комнату. Он не понимал, почему настроение девушки так внезапно изменилось.

— Лили, я тебя чем-то обидел?

Она рассмеялась.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Невозможно оскорбить продажную женщину, разве ты не знаешь?

Лили поспешно разделась; сейчас ей хотелось побыстрее получить свои деньги и выпроводить гостя.

Уилл сел на край постели и стащил сапоги. Он понял, что искал совсем другую девушку, не такую, как Лили. Но уходить было уже поздно. Поэтому он лишь сказал:

— Мне очень жаль, если я чем-то оскорбил тебя, Лили. Но поверь, я не хотел тебя обидеть.

Уилл принялся раздеваться.

— Почему бы тебе не смыть с лица всю эту краску? — спросил он. — Клянусь, без нее ты гораздо привлекательнее.

— Послушай, уже поздно. Я бы хотела доставить тебе удовольствие, но у меня нет времени смывать краску, а потом снова краситься для следующего гостя. — Лили собралась откинуть покрывало, но Уилл схватил ее руку и повернул лицом к умывальнику.

— Я заплачу тебе за всю ночь, не беспокойся. А теперь иди и умойся.

— Слушаюсь, капитан, — усмехнулась Лили и направилась к умывальнику. Она все еще надеялась, что капитан оправдает ее ожидания. Внезапно глаза девушки наполнились слезами, и она опустила голову, чтобы сидевший на кровати мужчина не заметил их.

— Сколько тебе лет, Лили? — спросил Уилл, забираясь в постель.

— Это не важно, — ответила она.

Лили подошла к постели, и Уилл вдруг понял, что она совсем молоденькая.

— Так сколько тебе лет? — снова спросил он.

Не ответив на вопрос, Лили скользнула под покрывало. Прижавшись к Уиллу, она принялась ласкать его, но он остановил ее.

— Не стоит торопиться, ведь у нас впереди вся ночь. Так сколько же тебе лет? — Уилл вдруг почувствовал, что ему хочется поговорить с белокурой красавицей.

Лили тяжело вздохнула. Она боялась, что капитан будет говорить всю ночь и ей не удастся поспать.

— Мне девятнадцать, — заявила она.

— Не верю! — Уилл взглянул на девушку и увидел слезы, блестевшие в ее глазах. Не понимая, чем так расстроил Лили, он осторожно поцеловал ее в губы, надеясь успокоить и вытянуть из нее правду лаской.

Несколько минут спустя Лили действительно успокоилась и приветливо улыбнулась Уиллу.

— Так сколько? Восемнадцать? — Он снова поцеловал девушку в губы. — Только говори правду, Лили.

Она долго молчала и наконец ответила:

— Мне семнадцать лет. А теперь ты, конечно, захочешь узнать историю всей моей жизни?

— Только если ты захочешь выслушать мою. — Вызывающее поведение девушки заинтриговало Уилла. Он никогда не задумывался над тем, почему женщины выбирают такую жизнь. Наиболее вероятной причиной казалась отчаянная нужда. Решив, что история Лили может оказаться интересной, Уилл спросил: — Ты хочешь поговорить сейчас или

потом?

— Потом, — тихо ответила Лили, надеясь, что капитан скоро утомится и ему уже будет не до разговоров. Уилл прижался губами к ее груди, и она, прикрыв глаза, осторожно провела ладонью по его волосам.

— Лили, — сказал он неожиданно, — я хочу, чтобы и тебе было хорошо.

Она вздрогнула и, открыв глаза, с любопытством взглянула на Уилла.

— Почему?

— Почему? — Этот вопрос показался Уильяму настолько нелепым, что он расхохотался. — Будь я проклят, если знаю почему, но я действительно хочу этого! — Он закинул руки за голову. — Я хотел, чтобы этот вечер был особенным, но, наверное, не получится.

— Особенным? Как это? — Приподнявшись на локте, Лили вглядывалась в лицо Уилла. Он был красив и нежен, он был не такой, как большинство мужчин. — Так чего же ты хочешь? Что я должна сделать, капитан?

— Я старался показать тебе, чего хочу, — хмыкнул Уилл.

Лили с улыбкой наклонилась и поцеловала его в губы. Уилл заключил ее в объятия, и Лили крепко прижалась к нему. Позднее она так и заснула в его объятиях.

Поднявшись на рассвете, Уилл стал одеваться. Лили неожиданно проснулась.

— Я думала, мы поговорим, — пробормотала она.

— К сожалению, я должен вернуться на корабль. Поговорим в другой раз. — Уильям щедро заплатил девушке и вышел из комнаты, хотя ему очень не хотелось уходить.

Спустившись в гостиную, он застал там Фанни Берк и девушку по имени Розмари; они пытались привести в чувство мужчину, явно перепившего.

Увидев Уилла, Фанни радостно воскликнула:

— Помоги-ка нам, милый! Найджел снова напился до чертиков, и мы с Розы не можем довести его до кареты. И даже если бы смогли, Джейкоб слишком слаб, чтобы втащить его туда.

— Это Найджел Бланшар? — спросил Уилл, наклоняясь, чтобы поднять мужчину в дорогом костюме.

— Он самый. Ты знаешь, где он живет? — Фанни, хотя ей уже было за сорок, все еще оставалась жгучей брюнеткой. Она любила яркие наряды и носила на руках множество браслетов, которые звенели при каждом резком движении.

— Да, знаю, он друг Эвана. Пожалуй, я провожу его домой, — сказал Уилл, перебросил Найджела через плечо и понес к карете. Затолкав его на заднее сиденье, он вскарабкался на козлы рядом с Джейкобом и помахал Фанни рукой. Уилл не заметил стоявшую у окна девушку; она смотрела ему вслед, и глаза ее были полны слез.

— Я знаю дорогу, — пробормотал Джейкоб. — Уже не первый раз везу!

— Не сомневаюсь. — Уилл, устроившись поудобнее, стал вспоминать то, что Эван рассказывал ему о Найджеле Бланшаре.

Семья Бланшаров нажила капитал, занимаясь банковским делом, но вряд ли Найджел смог бы появиться утром в конторе. Эван неплохо знал его сестру-близняшку, но Уилл видел Шейлу всего несколько раз. Впрочем, он не сомневался: Шейла едва ли обрадуется, увидев его сейчас.

Вскоре они подъехали к кирпичному особняку Бланшаров. Решив, что не стоит оставлять молодого Бланшара на ступеньках, Уилл выбрался из кареты и направился к двери.

Едва он постучал, как дверь распахнулась. Шейла, выскочившая на порог, была в ярости. Ее карие глаза метали молнии.

— Нечего поднимать на ноги весь дом своим стуком! — закричала она. — Отнесите его наверх — и поживее!

Уилл хотел уже ответить должным образом, однако сдержался. Вернувшись к карете, капитан вытащил оттуда Найджела и, снова взвалив его на плечо, вошел в дом. Последовав за Шейлой, он отнес молодого Бланшара в его комнату. Когда же Шейла попыталась сунуть ему в руку несколько монет, Уилл наконец взорвался:

— Мне не нужны ваши деньги, мисс Бланшар! Я сделал это ради друга.

— Разве вы не из заведения миссис Берк? — удивилась Шейла. — Я знаю, что это ее карета и ее кучер.

— Может, и так, но я случайный попутчик. — Уилл направился к лестнице.

Шейла последовала за капитаном вниз, и он решил, что она просто хочет запереть за ним парадную дверь. Но девушка, коснувшись его руки, сказала:

— Подождите минутку. Я ведь вас знаю, да? По крайней мере назовите свое имя, чтобы я могла сказать брату, кто оказал ему услугу.

— Я оказал эту услугу Фанни Берк, а не вашему брату, так что он мне ничего не должен. А зовут меня Уильям Саммер.

Шейла нахмурилась. Молодой человек был красив, хотя и грубоват. И тут она вспомнила его.

— Ах, я же знаю, кто вы! Вы ведь помощник Эвана, верно?

— Я был им, а теперь я капитан «Феникса». — Уилл попятился к двери, стремясь покинуть дом Бланшаров, но Шейла вновь задержала его.

— А Эван вернулся? — оживилась она.

— Да. «Феникс» причалил вчера вечером. — Уилл вышел из дома и, взобравшись на козлы, сел рядом с Джейкобом.

— Так скажите ему, что я жду его сегодня, и не позднее полудня! — закричала Шейла. — Его так долго не было дома, что я уже начала забывать, как он выглядит.

— Я бы посоветовал вам побыстрее забыть его, мисс Бланшар. Жена Эвана очень красива, и у него больше нет причин приходить сюда.

Шейла стала блее своего пеньюара.

— Его жена! — воскликнула она. — Какая жена?!

— Миссис Синклер, она родом из Венеции. А теперь прошу прощения, но я должен заняться разгрузкой корабля. — Уилл с усмешкой приподнял шляпу и толкнул Джейкоба локтем в бок.

Бьянка лежала поперек кровати, наблюдая, как Эван проводит лезвием бритвы по щеке. Он с такой беспечностью обращался с этим острейшим инструментом, что в любой момент мог пораниться, полагала Бьянка, хотя ни разу не видела, чтобы он порезался. Ей никогда не надоедаю наблюдать за мужем, даже если он занимался чем-то обыденным. Сейчас Эван собирался отправиться на «Феникс», а потом на верфи.

— Не следует ли мне справиться о здоровье твоей матушки и спросить, не примет ли она меня? Или ты все же хочешь сам представить меня ей?

— Пожалуйста, Бьянка, подожди. Вряд ли она встает так рано, а вечером я сам еще раз поговорю с ней. Вчера она расстроилась, увидев меня, и я хочу убедиться, что сегодня этого не произойдет.

— Почему она расстроилась, увидев тебя, Эван? — Бьянка села и расправила юбки. Она уже оделась и ждала, когда Эван проводит ее к завтраку.

— Она просто не ожидала увидеть меня, вот и все, — солгал Эван, не придумав ничего более правдоподобного. — Я уверен, что она не может не думать о Чарльзе, когда смотрит на меня, и это, естественно, заставляет ее грустить. — Он, конечно, понимал, что «грустить» — не самое подходящее слово для описания истеричной реакции матери. — Надеюсь, ты не будешь скучать в мое отсутствие. Можешь пойти погулять. Если будешь придерживаться тропинок, то не заблудишься. Или осмотри дом — вдруг тебе что-нибудь приглянется для твоей комнаты. Подумай о цветовой гамме, тогда тебе будет о чем поговорить с матушкой, когда ты увидишь ее. Матти позаботится о стирке и сделает все, что ты попросишь.

Не зная, следует ли ей говорить о слугах, Бьянка несколько секунд колебалась, прежде чем решилась высказать то, что тревожило ее:

— У меня никогда не было рабов, и хотя Матти кажется очень милой, боюсь, что я не знаю, как с ней обращаться.

— А Матти вовсе не рабыня. Здесь многие влиятельные люди выступают против рабства. Томас Джефферсон, Джордж Вашингтон и Александр Гамильтон — вот лишь некоторые из них. Как и они, я считаю, что рабство ужасно и совершенно несовместимо с идеалами, провозглашенными в Декларации независимости, ради которой я столько лет воевал. У нас есть чернокожие слуги, это верно, и их предки были рабами, но я освободил их всех много лет назад.

С восхищением глядя на мужа, Бьянка воскликнула:

— Ты можешь так просто сделать это? Просто сказать людям, что они свободны?

Эван расплылся в улыбке.

— Конечно! Ведь рабы — тоже собственность. Я унаследовал двенадцать, когда умер мой отец, и все они были домашними слугами. Мы не выращиваем табак или хлопок, как некоторые из моих соседей. Вот у них десятки рабов для обработки земли. Когда я освободил своих, трое отправились на поиски счастья, а прочие остались и теперь получают жалованье. Виола — наша домоправительница, она мать Матти. А ее отец Натан занимается конюшней и садом. Вскоре ты узнаешь и остальных слуг. Обращайся с ними вежливо, так, как ты обращалась бы со своими слугами у себя дома.

— О да, конечно. — Бьянка взглянула на мужа, вновь поражаясь сложности его натуры. — Я могу послать за портнихой, о которой ты говорил?

— Да, если хочешь. — Эван был рад, что у Бьянки столько идей; он хотел чем-нибудь занять ее — тогда ей некогда было бы задумываться о том, как относится к ней его мать. — Покажи ей ткани, которые мы купили в Испании, или выбери то, что она предложит.

— А может, одеться в черное? Мне бы не хотелось показаться неучливой — я имею в виду Чарльза, — так что если ты считаешь нужным, я закажу несколько черных платьев.

У Эвана не было ни малейшего желания видеть Бьянку в трауре по Чарльзу, и он невольно нахмурился.

— Нет, я хочу видеть тебя в ярких шелках и бархате. Поскольку у тебя так мало нарядов, выбирай все, что потребуется, — белье, бальные платья и прочее. И не забудь про амазонку.

Позавтракав, Эван поцеловал жену и уехал в город.

Бьянка пошла наверх за накидкой — ей хотелось осмотреть окрестности, — но, проходя мимо комнаты Марион, она услышала голоса за дверью. Приятный голос Льюиса она сразу же узнала; другой же голос был пронзительным и резким — так не могла говорить женщина, которую называли больной. Не желая подслушивать, Бьянка прошла в комнату Эвана и взяла накидку. Снова направившись к лестнице, она услышала такие горькие рыдания, что едва удержалась от желания постучать в дверь комнаты Марион и предложить свою помощь. Но, вспомнив, что обещала Эвану не тревожить его матушку, Бьянка решила подождать еще день-два, прежде чем пытаться повидаться с Марион.

Весь груз «Феникса» предназначался Льюису Грей, поэтому у Уилла не возникло трудностей с разгрузкой, разве что занятие это было довольно скучное. Капитан неторопливо расхаживал по палубе, и одно его присутствие заставляло матросов быть внимательными при разгрузке. Впрочем, Уилл почти не обращал внимания на своих людей — он думал о девушке, с которой провел ночь. Она была совсем не похожа на других девушек, которых Уилл встречал в заведении Фанни. Он хотел всего лишь развлечься, но Лили дала ему гораздо больше. Она была такой переменчивой! Сначала — очень приветливой, затем — холодной и замкнутой, а потом стала такой нежной и ласковой — Уилла словно коснулось крыло ангела. Именно так он мог бы передать свои ощущения. Уильям пошел к Фанни, чтобы забыться, потому что женщина, о которой он мечтал, была для него недоступна. Но там, у Фанни, он нашел нечто столь редкое, что сейчас даже подумал: а может, это всего лишь сон? Если он снова пойдет к Фанни, обрадуется ли ему Лили? Да и узнает ли она его? Или лучше вообще не ходить туда? Ведь он может разочароваться в Лили... «Она просто капризный ребенок», — снова и снова твердил себе Уилл. Но чем больше он думал о ней, тем больше убеждался: его влечет к этой девушке.

К вечеру Уилл уже и сам не понимал, чего хочет. Поужинав на корабле, он сошел на берег и долго бродил вдоль доков, надеясь принять окончательное решение. В итоге пришел к выводу, что у него два пути. Он может вернуться к Фанни, чтобы поговорить с Лили, — ведь он обещал ей, что они поговорят. Но можно пойти в другое место и найти там какую-нибудь другую женщину...

— Проклятие! — воскликнул Уилл, поддев носком сапога ком засохшей грязи.

Он вернулся на «Феникс» и растянулся на койке. Прошло довольно много времени, прежде чем Уилл наконец понял: если он не пойдет к Фанни, то Лили просто проведет ночь с другим. Может быть, даже с кем-то из его знакомых. При этой мысли он поднялся, переоделся и привел себя в порядок. После чего покинул корабль.

Еще издали Уилл увидел толпу, собравшуюся у заведения Фанни, и невольно ускорил

шаг. Заметив матроса с «Феникса», он подошел к нему.

— Что тут случилось, Рик?

— Ничего особенного. Какой-то парень из Хэмптона напился и избил одну из девушек. Он устроил тут настоящий погром, когда его попытались выдворить. Там такой беспорядок, что Фанни решила на сегодня закрыть заведение. Пожалуй, пойду к Мейбл. Пойдешь со мной? — Потом, вспомнив, что Уилл теперь капитан, а не помощник, Рик пробормотал: — То есть... не хотите ли пойти со мной, сэр?

— Нет, спасибо. А что за девушку избили? — с беспокойством спросил Уилл.

— Я не знаю ее имени, но она симпатичная молоденькая блондинка. По крайней мере была симпатичной до того, как этот мерзавец избил ее.

В следующее мгновение Уилл уже пробирался сквозь толпу, проклиная себя за то, что гордость не позволила ему прийти к Фанни пораньше. Входная дверь была почти сорвана с петель. Две служанки наводили порядок в разгромленной гостиной. Красные розы из разбитой вазы были разбросаны по ковру, словно на могиле. Уилл, шагая прямо по цветам, устремился к служанкам с вопросом:

— Которая из девушек пострадала?

Одна из женщин подняла голову и с безучастным видом проговорила:

— Заведение закрыто, сэр, вам придется уйти.

— Черт побери! Я не уйду, пока не узнаю, кто пострадал. Это Лили?

— Да. Но вам все равно придется уйти, как и остальным.

Сердце сжалось в груди Уилла. Не обращая внимания на требования покинуть заведение, он бросился наверх. В коридоре толпились полуодетые девушки, сетовавшие на то, что ничего не заработают этим вечером. Уилл, не замечая их насмешек, поспешил в конец коридора. Он распахнул дверь, но Фанни, сидевшая на постели, тут же поднялась и заявила:

— Лили сегодня не до гостей, Уилл Саммер, так что убирайся отсюда.

Уильям отстранил хозяйку и уставился на девушку, лежавшую в постели. Она была жестоко избита, и все лицо ее распухло, так что капитан с трудом узнал Лили.

— Где он, где этот человек? — прорычал Уилл.

Фанни уперлась ладонями в грудь Уилла, тщетно пытаясь вытолкнуть его за дверь.

— С ним случилась неприятность по дороге домой, так что тебе не стоит беспокоиться по этому поводу.

Уилл хорошо представлял, что случилось с этим мерзавцем. Скорее всего он уже лежал на дне реки Джеймс.

— А как вообще этот маньяк попал сюда? Фанни беспомощно развела руками, и ее браслеты громко зазвенели.

— Иногда я допускаю ошибки, как и все мы. Но у меня нет времени на разговоры. Мне нужно позаботиться о Лили.

— Вы послали за доктором? — Уилл не отрывал взгляда от девушки, лежавшей на кровати.

Лили закрыла лицо руками, когда узнала капитана, но он все же успел рассмотреть ее и понял, что ей нужен доктор.

— Местные лекари не горят желанием обслуживать больных в моем заведении, — усмехнулась Фанни. — Но я сама могу о ней позаботиться. Я и не таких выхаживала.

Уилл шагнул к кровати.

— И я не таких выхаживал. Поэтому сам о ней позабочусь.

Фанни схватила его за руку, пытаясь оттащить от кровати.

— Уилл, тебе здесь не место! — закричала она. Уилл не стал спорить, но посмотрел на хозяйку так, что та невольно отшатнулась.

— Ну как знаешь, — пробормотала она. — У постели вода и чистые полотенца. Если понадобится что-нибудь еще, только скажи. — Удивляясь упрямству Уилла, Фанни покачала головой и вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

— Лили... — Уилл потянулся к ней, чтобы коснуться ее волос, но тут же отдернул руку, увидев, что волосы в крови. — Боже милостивый! Лили, что случилось?

Девушка, стыдясь открыть лицо, посмотрела на него сквозь щелочку между пальцами.

— Не все мужчины такие милые, как ты, Уилл. Есть среди них и злобные, но только немногие... вот такие жестокие. — Губы ее распухли, и она с трудом выговаривала слова.

Уилл опустил кончик полотенца в миску с водой; он даже не знал, с чего начать. Решив, что рана на голове самая серьезная, он сел на край постели и приложил к ране влажное полотенце.

— Мне нужно было прийти пораньше, тогда этого бы не произошло.

— Это все время происходит, — прошептала Лили. — Сегодня, завтра, на следующей неделе, все время. Тебе не нужно здесь оставаться.

— Нет, нужно, — возразил Уилл. И тут он вдруг подумал о том, что побоями, вероятно, дело не ограничилось. — Этот мерзавец изнасиловал тебя? — прохрипел он.

— Нельзя изнасиловать продажную женщину, — с горечью проговорила Лили. — Никто не поверит этому.

— А я поверю. Так да или нет?

Удивленная настойчивостью Уилла, Лили опустила наконец руки, чтобы получше рассмотреть его. Она поразилась, заметив в глазах капитана блестящие слезы. Этот человек плакал из-за того, что случилось с ней. Это было невыносимо.

— Ты иди домой. Я сама справлюсь. — Она попыталась приподняться на локте, но боль была такой сильной, что ей пришлось снова откинуться на подушку. — Прошу, уйди...

— Лили, ответь мне. Изнасиловал тебя этот мерзавец или нет?

— Ты задаешь слишком много вопросов.

— О Господи! — воскликнул Уилл. — Фанни сказала, что позаботилась о наказании для этого негодяя. Если нет, то я сам его найду.

— Я не принадлежу тебе, — съязвила Лили. — Так что не вмешивайся в это дело.

Уилл понимал, что Лили отчасти права, но все же его очень беспокоила судьба этой девушки.

— Лили, я бы хотел отвезти тебя в мою гостиницу. Я помогу тебе умыться, а потом мы отправимся туда.

— Но если я уйду отсюда, Фанни отдаст эту комнату другой, — сказала девушка. — И тогда мне некуда будет идти.

— Тебе не надо об этом беспокоиться. Я заплачу за твою комнату в гостинице и за все, что тебе понадобится. — Уилл сам удивлялся своим словам, однако он знал, что не сможет оставить Лили у Фанни после того, что с ней случилось. Ведь подобное могло повториться, могло повторяться снова и снова.

— Послушай, Лили, я сниму для тебя комнату, а через несколько дней мы решим, что делать дальше.

— Ты хочешь, чтобы я стала твоей любовницей, да? Хочешь, чтобы я спала только с тобой? — изумилась Лили.

— Я просто не хочу, чтобы тебя снова так избили, Лили. Я сделаю все, чтобы это не повторилось.

Хотя Лили и видела, что Уилл говорит искренне, ей все же трудно было поверить в его благородство.

— Почему? — спросила она, с любопытством глядя на капитана.

Уилл покачал головой:

— Ты задаешь слишком много вопросов, Лили. У тебя есть что надеть?

— Тебе придется самому посмотреть. — Внезапно почувствовав ужасную слабость, Лили закрыла глаза. Все тело ее ныло и болело после жестокого избиения, и она сомневалась, что найдет силы переодеться.

Когда Уилл наконец нашел чистую одежду, он увидел, что Лили крепко спит. Ему удалось остановить кровотечение из раны на голове и, похоже, жизнь девушки была вне опасности, тем не менее он все же не решался разбудить ее. Но не оставлять же ее у Фанни. Решив, что следует сначала поговорить с хозяйкой, Уилл вышел из комнаты. Фанни сидела в своем кабинете и потягивала бренди. Она предложила Уиллу выпить, но он отказался и проговорил:

— Лили выглядит так ужасно, что некоторое время вам от нее не будет пользы. Я бы хотел забрать ее в «Морскую жемчужину», где я смогу присмотреть за ней, поскольку вы слишком заняты, чтобы заниматься этим.

Фанни долго и пристально смотрела на молодого человека. Наконец сказала:

— Уилл, ведь на самом деле тебе это не нужно. Нет, конечно, сегодня тебе, может, и кажется, что ты этого хочешь, но я тебя уверяю: завтра утром ты уже будешь думать иначе. Лили ведь самая обыкновенная. Она, конечно, милая крошка, но лишь разобьет твое сердце. Я знаю, что ты будешь хорошо о ней заботиться, потому что ты добрый человек, но она отплатит за твою доброту большими неприятностями. Советую тебе: иди домой. Лили сможет работать через несколько недель, и у тебя будет возможность видеть ее так часто, как пожелаешь.

Взбешенный словами Фанни, Уилл выпалил:

— Вы, конечно, можете считать, что Лили не стоит моего внимания, но это не значит, что я должен с вами согласиться. Я собираюсь забрать ее отсюда. Если вы хотите, чтобы я заплатил вам в возмещение убытков, то я готов.

— Понятно, — кивнула Фанни. — Это будет чисто деловое соглашение, так? — Она немного помолчала и заявила: — Я довольно много потратила на одежду, духи и прочие вещи для Лили. У нее не было ничего, когда она пришла ко мне. И еще: она пробыла у меня всего две недели, а уже стала пользоваться успехом у гостей. Полагаю, тысяча долларов покроет мои расходы. Как скоро ты можешь заплатить мне эту сумму?

— Тысячу долларов? — изумился Уилл.

— Похоже, ты не подумал, во что тебе обойдется Лили, — усмехнулась Фанни. — Содержать любовницу — дорогое удовольствие, Уилл. И эта тысяча долларов — только начало. Так что лучше последуй моему совету: плати за услуги Лили всякий раз, когда сможешь прийти сюда.

— Нет! — решительно заявил Уилл, поднимаясь со стула. — Я найду деньги и заплачу вам завтра. А сегодня я намерен остаться с Лили.

Фанни пожала плечами:

— Твое дело...

Покинув кабинет Фанни, Уилл задумался. Он понимал, что ему придется отправиться к Эвану и просить его выдать задаток в счет жалованья, — но тогда у него почти ничего не останется на оплату своих расходов, не говоря уже о расходах на Лили.

Когда Уилл вошел в комнату, девушка все еще крепко спала. Он не хотел, чтобы утром Лили проснулась в разорванном платье, поэтому осторожно раздел ее. Снимая чулки, он увидел, что ножки у Лили маленькие и изящные, словно у принцессы. И руки у нее были очень красивые, с длинными розовыми ногтями. Уилл разделся и лег рядом с Лили, но не посмел обнять девушку, боясь причинить ей боль. Он заснул с мыслью о том, что Эван не откажет ему и даст денег.

Проснувшись па рассвете, Уилл понял: сначала следует удостовериться, что он действительно может раздобыть деньги для освобождения Лили. Одевшись, капитан поспешил к «Фениксу», чтобы успеть принять душ и переодеться для встречи с Эваном. Поскольку Эван накануне поднимался на борт по дороге в контору, то Уилл был уверен, что сегодня он тоже заглянет, и не ошибся.

— Мы почти все разгрузили, к полудню закончим, — с гордостью доложил капитан. Затем отвел Эвана в сторону и сказал: — Я бы хотел поговорить с тобой в моей каюте.

Эван вопросительно взглянул на друга и кивнул:

— Конечно, пойдем вниз. — Когда они устроились в тесной каюте Уилла, Эван предложил: — Хочешь, перебирайся в мою каюту. У меня нет намерения в ближайшем будущем отправляться в плавание.

— Спасибо, я так и сделаю, — кивнул Уилл. Затем из вежливости поинтересовался: — Как твоя матушка? Ей уже лучше?

— Нет, к сожалению, — пробормотал Эван. — Едва взглянув на меня, она тут же снова принялась рыдать, вспоминая Чарльза. Я так пока и не смог представить матери Бьянку — боюсь, что она устроит сцену. Она не понимает, как я мог думать о женитьбе, не отомстив за смерть брата.

— Но ведь это не так! Ты женился на Бьянке только для того, чтобы она привела к тебе убийцу.

— Ну я же не могу это сейчас сказать матушке, так ведь? — возразил Эван.

— Да, конечно, — согласился Уилл. — А как поживает Бьянка?

— Прекрасно. Она начала перестановку в нескольких комнатах, чтобы подобрать мебель для своего будуара. И проследила за тем, чтобы пропололи цветочные клумбы, расчистили дорожки для верховой езды, вымыли кареты и почистили лошадей. А сегодня она снова встречается со своей портнихой, чтобы выбрать ткани для платьев. За один день моя жена успела сделать столько дел, сколько матушка не сделала и за год.

— Бьянка станет прекрасной матерью, — сказал Уилл.

— Да, безусловно, но до этого еще далеко. Так какое у тебя дело ко мне?

— Мне нужен задаток в счет жалованья. У меня появились непредвиденные расходы.

— Сколько ты просишь? — с готовностью спросил Эван.

— Тысячу долларов.

— Боже мой, да это почти годовое жалованье! — Эван не знал, что и думать. — Уилл, если у тебя карточный долг или что-нибудь в этом роде, я просто заплачу за тебя, а ты будешь мне возвращать понемногу каждый месяц. И не нужно будет называть это задатком.

Кому ты должен? Мы сейчас можем пойти в банк, и я возьму деньги, чтобы ты смог заплатить.

Уилл встал и засунул руки в карманы.

— У меня нет долгов. Просто в заведении Фанни Берк есть девушка, которой там не место. Вчера ее сильно избили, и я решил позаботиться о Лили. А Фанни требует денег.

Эван в изумлении уставился на друга.

— Ты серьезно? Ты хочешь купить одну из девушек Фанни?

— Нет, я не покупаю ее! — Уилл невольно повысил голос. — Фанни требует, чтобы я возместил ее расходы и убытки. И я прошу не взаймы, а задаток.

— Но дело в том, Уилл, что рано или поздно деньги у тебя закончатся. И тебе опять придется просить задаток, потом — еще один. Ты никогда не сможешь расплатиться. Если ты так привязался к этой Лили, пробыв на берегу всего два дня, то она, должно быть, действительно особенная. Я с радостью дам тебе взаймы, а ты вернешь долг, когда сможешь.

— А ты не мог бы сейчас пойти в банк? — спросил Уилл. — Спасибо тебе, Эван. Мне следовало с этого и начать. Ты сможешь дать мне деньги сейчас?

— Конечно. — Эван встал и хлопнул Уилла по спине. — И я тебе еще кое-что должен. Позволь мне заплатить тебе, раз уж речь зашла о деньгах.

— Еще раз спасибо. Только прошу, не говори о Лили своей жене. Она не поймет меня, а мне не хотелось бы ее расстраивать.

Эван нахмурился:

— Я уверен, что Бьянка знает о существовании таких женщин, Уилл. И если ты хочешь позаботиться о благополучии одной из них, то почему это должно расстраивать ее? Ведь она моя жена, а не твоя.

— Ты не так понял меня, — поспешно проговорил Уилл. — Я имел в виду только то, что Бьянка — утонченная дама, разговоры о Лили не для ее ушей.

— Я ничего ей не скажу, Уилл, успокойся.

— Спасибо тебе, Эван!

— Ты уже дважды поблагодарил меня, так что давай отправимся за твоими деньгами.

* * *

Эван встретил у Найджела Бланшара самый радушный прием, а вот Уилла молодой банкир не узнал, хотя тот совсем недавно доставил его домой.

— Сестра сказала, что ты привез молодую жену. Мы, естественно, с нетерпением ждем возможности познакомиться с ней и приглашаем вас на обед на следующей неделе, если вам это удобно.

Эвану некогда было болтать с Найджелом, и он сказал:

— Мы ведь только что вернулись. Дайте нам недельку-другую, чтобы отдохнуть и устроиться, хорошо?

Найджел знал, что этот ответ не понравится Шейле, но ему нечего было возразить. Он сам обслужил Эвана, и тот, тщательно пересчитав полученную сумму, отдал деньги Уиллу.

— Я бы хотел положить часть этих денег на свой счет, — заявил Уилл. Эван был чрезвычайно щедр, выдавая жалованье, и Уилл надеялся, что будет зарабатывать достаточно, чтобы Лили ни в чем не нуждалась.

— Разумеется, мы всегда рады новым вкладчикам, — просиял Найджел.

Эван тотчас же ушел. Уилл подписал все необходимые бумаги и тоже поспешно покинул банк. Только тут Найджел вспомнил, что совершенно ничего не узнал о молодой миссис Синклер, а ведь он понимал, что Шейла очень рассердится, если ему нечего будет сообщить ей о женщине из Венеции.

Когда Уилл вошел в комнату, Лили даже не оторвалась от чашки с бульоном, который она пыталась выпить так, чтобы он не лился по подбородку, — задача не из легких, так как ее распухшие губы все еще болели. Наконец она утерла рот салфеткой и, нахмурившись, сказала:

— Я решила, что ты уже передумал.

При свете дня багровые синяки на бледном лице Лили выглядели еще ужаснее. Левый глаз совсем заплыл — такой синяк Уилл видел впервые, — а правый покраснел от слез. Служанки уже привели в порядок комнату и помогли Лили вымыться и переодеться в красивую ночную рубашку, но она все равно казалась такой печальной, что Уилл не на шутку встревожился.

— Я вовсе не передумал, — ответил он с улыбкой. — Просто мне нужно было закончить разгрузку судна и сделать еще кое-что, прежде чем прийти за тобой. Было бы неприятно, если б я отвез тебя в гостиницу, а там выяснилось, что свободных комнат нет.

— Но они есть? — с надеждой в голосе спросила Лили.

— Да, и я снял одну из самых лучших для тебя.

— Только для меня? — насторожилась девушка. — А ты где будешь?

— В соседней комнате. Чтобы находиться рядом, если я тебе понадобится.

Лили решила, что две комнаты — это глупое расточительство.

— А одной комнаты нам не хватит? — спросила она. Сложив руки на груди, Уилл попытался объяснить девушке то, что уже решил для себя:

— Послушай, Лили, я просто хочу выволить тебя отсюда. Если между нами что-то возникнет, так тому и быть. Если нет, ты все равно ничего не потеряешь, выбравшись отсюда.

У Лили такой уверенности не было.

— А что я должна делать, чтобы между нами что-то возникло? — любопытствовала она.

Уиллу непременно хотелось, чтобы Лили поняла: он не ставит ей никаких условий.

— Не нужно делать ничего особенного. Просто будь собой, этого вполне достаточно.

— А сколько тебе лет? — неожиданно спросила девушка. — Мне нужно было спросить тебя об этом вчера.

— Двадцать восемь, а что?

Лили пожала плечами, потому что спросила просто из любопытства.

— А у тебя есть жена и дети?

— Конечно, нет! — с возмущением воскликнул Уилл. — Я не пришел бы сюда, если б у меня была семья.

Лили весело рассмеялась:

— У нас тут множество женатых мужчин. Спроси Фанни, если не веришь мне.

Помрачнев, Уилл заявил:

— Я бы предпочел не обсуждать эту тему, если не возражаешь. Ты уже поела? Тогда я отвезу тебя в «Морскую жемчужину».

Лили так и не решила, чего же она хочет. Уилл был очень мил, но что она станет делать, если вскоре наскучит ему? Ведь Фанни скорее всего уже не примет ее... Взглянув на Уилла,

она наконец приняла решение:

— Ничего не получится, если ты будешь делать вид, что я не такая, какая есть на самом деле. Я слишком долго была самостоятельной, чтобы позволить тебе заботиться обо мне. Я, пожалуй, останусь здесь.

— Все уже решено, Лили. Ты едешь со мной. — Уилл не стал терять время на споры. Он подошел к шкафу и начал собирать одежду девушки. — Хозяйка гостиницы — Рэйчел Келли. Я уже сказал ей, что ты переедешь туда сегодня утром. Тебе даже не нужно одеваться. Просто набрось накидку, и я отнесу тебя вниз по черной лестнице, чтобы никто нас не увидел.

— Тебе что, стыдно появляться со мной? — с обидой в голосе спросила Лили.

— Ничего я не стыжусь. Просто я думаю о тебе, Лили. Не хочу, чтобы ты испытывала неловкость из-за того, как сейчас выглядишь. Я не знаю твою фамилию. Скажи мне, и я заполню за тебя регистрационную карточку.

— Я умею читать и писать, — с гордостью заявила Лили.

— Я в этом и не сомневаюсь. Но будет проще, если я сделаю это за тебя, поскольку ты выглядишь не лучшим образом. Скажи свое полное имя.

— Лили Истон.

— Чудесное имя.

— Тебе правда нравится? — спросила Лили. — Я сама его выбрала.

Уилл покачал головой:

— Ты что, просто выдумала его? Скажи настоящее имя.

— Зачем тебе? Я не наследница крупного состояния, так что ты не сможешь отвезти меня домой и получить кругленькую сумму, — усмехнулась Лили.

Уилл подошел к окну и махнул рукой Джейкобу, который ждал в переулке с каретой.

— Пошли. — Он набросил на плечи Лили накидку и подхватил девушку на руки.

— Подожди! Мои вещи! — закричала Лили.

— Я сейчас вернусь за твоими вещами. Клянусь, что заберу все до последней шпильки.

Усадив Лили в карету, Уилл бросился наверх через две ступеньки за вещами, не оставив в комнате ничего, кроме чашки с недопитым бульоном.

Эван не мог забыть обвинение, читавшееся во взгляде матери. Она ненавидела человека, убившего Чарльза, и, поглощенная этой ненавистью, обратила ее на своего старшего сына — ведь он не сумел отомстить за смерть брата. Каждый раз, когда Эван входил в ее комнату, она холодно смотрела на него, отказываясь принимать подарки, и пресекала все попытки завязать беседу. Было совершенно очевидно, что мать не простит его до тех пор, пока он не сообщит ей о смерти убийцы Чарльза.

В очередной раз выходя из комнаты матери, Эван тяжело вздохнул. Марион уже не была той дорогой матушкой, которую он так любил, она превратилась в злобную незнакомку. Он уже неделю как вернулся, а мать не проявила ни малейшего интереса ни к нему, ни к его молодой жене. Казалось, она жила только горем, в ее сердце не осталось места для любви. Временами Эван даже опасался, что мать способна разрушить то счастье, которое он обрел с Бьянкой. Бьянка же очаровала всех в доме, даже Льюиса, который теперь считал ее своей дочерью. Она стремилась наполнить дом красотой, и у нее это прекрасно получалось. Куда бы Эван ни взглянул, везде чувствовалась рука жены. Дом сиял чистотой, нигде не осталось ни пылинки, шторы были выстираны и отутюжены, ковры выбиты, столовое серебро

начищено до блеска, а комната Бьянки превратилась в прелестный будуар, которым она ужасно гордилась. Направляясь сейчас к жене, Эван гадал: что бы придумать на сей раз, чтобы оправдать поведение матери? Он ужасно устал от лжи, но знал, что и правду рассказать невозможно.

Увидев мужа, Бьянка тут же поняла, что разговор с матерью прошел не лучше, чем все предыдущие. Но все же спросила:

— Как твоя матушка чувствует себя сегодня? Опустившись на край постели, Эван со вздохом стащил сапоги.

— Боюсь, что не лучше. — Даже и такой ответ можно было бы счесть ложью — ведь состояние матери ухудшилось, во всяком случае, Эвану так показалось.

Бьянка придвинулась к мужу, обняла его и прижалась щекой к его плечу.

— Иногда ничего нельзя изменить, Эван, и нужно смириться с этим.

— К несчастью, я не смог убедить в этом матушку, — признался Эван. — Она просто не может смириться со смертью Чарльза.

— Но прошел всего год, — напомнила Бьянка. — Может...

— Нет, время для нее ничего не изменит. — Эван немного помолчал и вдруг с улыбкой проговорил: — Какая чудесная получилась комната. А ведь ты почти ничего сюда не купила...

Бьянка, хотя и озадаченная внезапной сменой темы, все же понимала: недомогание матери очень огорчает мужа и ему не хочется об этом говорить.

— Я рада, что тебе здесь нравится. А не заняться ли нам, Эван, и твоей комнатой? — прошептала она, покусывая мочку его уха.

— Я, может, там больше и не появлюсь, если ты будешь здесь, — ответил Эван с озорной улыбкой.

Он привлек жену к себе, ибо сейчас только она одна могла его утешить. Бьянка прижалась к мужу всем телом, а потом, чуть отстранившись, принялась расстегивать пуговицы на его рубаше.

Уилл принес Лили замечательный ужин. А потом, пока она ела, развлекал ее разговорами. В конце концов девушка решила, что, возможно, поступила разумно, согласившись уйти с ним. Да и комната в гостинице оказалась намного лучше той, что была у нее в заведении Фанни. Когда же Уилл поцеловал ее в щеку, пожелав спокойной ночи, она подумала, что он вернется, чтобы провести с ней ночь. Но Уилл не пришел, и Лили огорчилась, решив, что капитан не пришел лишь потому, что она сейчас ужасно выглядит. Однако утром, посмотрев в зеркало, Лили увидела, что выглядит уже получше, хотя синяки еще не сошли. Она попросила служанку приготовить ванну и как раз мыла голову, когда Уилл вошел в комнату. Смутившись, он повернулся, чтобы уйти, но она, засмеявшись, окликнула его:

— Уилл, нечего стесняться! Мы уже спали вместе, так что у нас не осталось друг от друга секретов.

Уилл медленно обернулся, пораженный этими словами.

— Мы почти не знаем друг друга, Лили. Я бы сказал, что у нас у обоих еще столько секретов, что времени не хватит рассказать обо всех. Лили пожалала плечами.

— Не хочешь помочь мне смыть мыло? — спросила она со смехом. — Как жаль, что эта лохань слишком мала для двоих. Если бы ты построил для меня дом, у нас была бы огромная

лохань, да?

Уилл еще больше смутился.

— Ты хочешь, чтобы я построил тебе дом? — пробормотал он. — Я слишком редко бываю на берегу, Лили, чтобы иметь собственный дом, а тебе будет хорошо и в гостинице.

Лили капризно надула губки.

— И чем я должна заниматься в этой комнате весь день, когда ты отправишься в плавание? Если бы у меня был хорошенький домик, я бы могла ухаживать за садом, выращивать цветочки, научилась бы вкусно готовить для тебя. А что мне делать здесь? Только держать постель теплой, дожидаясь твоего возвращения?

Уилл раньше даже не задумывался о том, что Лили может скучать без него. Выливая ей на голову ведро теплой воды, он вдруг вспомнил о ране и принялся отчитывать девушку:

— Не следовало тебе мыть сейчас голову, Лили. Эта рана на голове была глубокой и еще не успела зажить.

— Ты слишком уж обо мне беспокоишься, ты знаешь об этом? — Лили встала во весь рост, и Уилл потупился, смущенный ее наготой. — Ты ведь раньше не жил с женщиной, правда? — догадалась она.

— Нет, но я скоро к этому привыкну. — Уилл попытался улыбнуться.

— Хотелось бы... — Лили осеклась, увидев, что капитан стремительно покидает комнату.

Как и предсказывала Фанни, через неделю ссадины и синяки Лили уже почти не были заметны под тонким слоем пудры, и девушке бесконечно наскучила та праздная жизнь, которую ей устроил Уилл. Она пыталась скрыть свою скуку, но у нее это плохо получалось. Уилл приносил ей книги, но Лили почти к ним не притрагивалась, хотя и делала вид, что ей нравится читать. Уилл купил ей также канву для вышивания, но такая кропотливая работа казалась Лили слишком утомительной, поэтому вышивание продвигалось очень медленно. Капитан же по-прежнему был с ней вежлив и сдержан, он вел себя так, будто они не провели когда-то вместе ночь. Так чего же он от нее хотел?

Уилл понятия не имел о том, чем занимаются другие женщины в свободное время, и, возвращаясь по вечерам в «Морскую жемчужину», видел, что Лили проводит время без толку. Но чем ее занять? Этого он не знал. Возможно, собственный дом был бы наилучшим решением, но Уилл понимал, что не может позволить себе подобную роскошь. И он по-прежнему спал один, решив, что не следует торопить события. Однако такое решение его не устраивало. Не нравилось оно и Лили. Как-то вечером, когда Уилл, по обыкновению, пожелал ей спокойной ночи и, оставшись у себя, погасил лампу, она подождала несколько минут, потом разделась и открыла дверь, разделявшую их комнаты.

— Что случилось, Лили? — спросил Уилл.

Лили подошла к нему и села да край постели. Перебирая пальцами густые волосы Уилла, она проговорила:

— Ты красивый...

Откинув покрывало, Лили провела ладонью по его груди и плечам, по животу. Ее ласки стали совсем смелыми, когда она почувствовала, как он возбужден.

— Лили! — похрипел Уилл, с силой сжимая ее запястье.

Но она, мелодично засмеявшись, склонилась над ним и прижалась губами к его пульсирующей плоти. Он застонал и, выпустив ее руку, запустил пальцы в белокурые локоны Лили. Уилл уже не в силах был сдерживаться. «Если ласки в постели — единственное, чего

можно ожидать от Лили, то мне и этого достаточно», — подумал он, забываясь в объятиях своей юной любовницы.

Когда Уилл снова привлек ее к себе, Лили удивилась его ненасытности, но он хотел совсем другого — он прошептал:

— Жаль, что я не знаю твоего настоящего имени. В такие минуты мне хотелось бы называть тебя твоим истинным именем. Но и Лили — чудесное имя. Потому что ты действительно похожа на прекрасную лилию.

— На лилию? — удивилась девушка. — Чем же?

— Ну... ты светленькая, миловидная и грациозная. Ты прелестна, как цветок, — улыбнулся Уилл. — И от тебя пахнет так же, как от лилии.

— Понятно... — пробормотала Лили. Слезы навернулись ей на глаза и закапали на грудь Уилла.

— Лили... — Уилл посмотрел ей в лицо, но в комнате было так темно, что он ничего не увидел. Однако, почувствовав, что девушка плачет, он поцелуями осушил ее слезы.

Эвану хотелось порадовать жену подарком, и он купил ей смирную кобылу, серую в яблоках. Бьянка назвала лошадку Лунным Лучом. Как только от портнихи доставили амазонку, Эван начал учить Бьянку верховой езде. Неопытная наездница поначалу очень нервничала, поэтому Эван тщательно следил, чтобы лошадь ее не сбросила. В первые дни они медленно катались по дорожкам неподалеку от дома, но вскоре Бьянка уже довольно уверенно сидела в седле, так что могла совершать и дальние прогулки. Во время одной из таких прогулок они встретились с Шейлой и Найджелом.

Близнецы Бланшары вовсе не случайно оказались в тот день на берегу реки. Шейла рассчитывала встретить Эвана с Бьянкой — до нее дошли слухи о том, что молодые супруги любят кататься у реки. Поначалу Найджелу очень не хотелось ехать, но любопытство взяло верх — ему тоже не терпелось увидеть молодую жену Эвана. Однако, столкнувшись с Эваном и Бьянкой, только что выехавшими на прогулку, брат и сестра изобразили удивление. Эван тотчас представил жене своих друзей. Шейла же с любопытством рассматривала Бьянку. Не обнаружив ни во внешности, ни в наряде Бьянки никаких изъянов, она пришла в ярость.

— Я так рада познакомиться с вами, миссис Синклер. Как замечательно, что вы довольно сносно говорите по-английски, вас даже можно понять. — Шейла повернулась к Эвану: — Полагаю, твои мать и отчим должны устроить прием, чтобы представить всем твою молодую жену.

— Еще будет время для приемов, — сказал Эван. Недовольная столь сдержанным ответом, Шейла продолжала:

— Я не видела твою матушку в церкви с прошлой весны. Если она нездорова, я с радостью возьму на себя все хлопоты и сама займусь устройством приема. Если же твоя матушка по какой-то причине не хочет принимать гостей, то мы с удовольствием устроим этот прием у себя, правда, Найджел?

— Конечно, — с улыбкой кивнул молодой человек. — Недели вам хватит для того, чтобы разослать приглашения?

Эван, нахмурившись, сказал:

— Мы ведь с вами в родстве не состоим. Так что нет никаких оснований для того, чтобы вы устраивали прием от нашего имени. Я представлю Бьянку своим друзьям, когда сочту нужным. И вам больше не стоит беспокоиться по этому поводу.

Шейла засмеялась:

— Ах, Эван, неужели ты не понимаешь? Ты должен поскорее представить свою жену, иначе все будут думать, что ты стыдишься того, что она иностранка. Ты ведь не хочешь, чтобы твои друзья так подумали, не правда ли?

— Никто из моих друзей так не подумает, — ответил Эван. — И ты в том числе, — добавил он с угрозой в голосе. — А теперь, если не возражаете, мы продолжим прогулку.

Эван повернул коня к тропе, но Шейла вклинилась между ним и Бьянкой, Найджел же с готовностью присоединился к жене Эвана.

— Мы немного проводим вас, — улыбнулась Шейла. — Жаль, что меня не приглашали посмотреть венецианское стекло, которое ты привез.

Эван взглянул на Бьянку и по выражению ее лица понял, что и ей не очень-то приятна

прогулка с Бланшарами. Он перевел взгляд на Шейлу.

— Льюис еще не закончил составление каталога и не произвел оценку, но я уверен, что он тебе первой предоставит возможность выбрать, если тебе что-нибудь понравится.

— Полно, Эван, ты ведь знаешь, что мне нравится, — кокетливо улыбнулась Шейла.

— Понятия не имею, что тебе нравится, — резко проговорил Эван. — Изложи свою просьбу Льюису, и он назначит тебе время для выбора покупки.

Увидев, что сестра что-то шепчет Эвану, Найджел легонько похлопал Бьянку по руке.

— Вы должны простить Шейлу, — сказал он, понизив голос. — Она рассчитывала выйти замуж за Эвана и, боюсь, очень огорчилась, что потеряла его.

— Неужели? — Бьянку почему-то эта новость совсем не удивила, но и сочувствия к Шейле она не испытывала. — Какая жалость, — добавила она таким тоном, словно говорила о погоде.

— Да, действительно... — рассмеялся Найджел, подумав о том, что жена Эвана не только красива, но и умна.

— Вы давний друг моего мужа?

— Можно сказать, мы все выросли вместе, хотя мы с сестрой все-таки больше были друзьями Чарльза. Эван старше нас, и мы ему только мешали. Но за брата он чувствовал ответственность, поэтому его не избегал.

Бьянка в задумчивости кивнула.

— Расскажите мне о Чарльзе, — сказала она с милой улыбкой. — Эван, естественно, неохотно говорит о брате, а мне бы хотелось побольше узнать о нем.

Найджел задумался.

— Видите ли... Чарльз был необыкновенно привлекательным молодым человеком. Голубоглазый блондин, как и его отец, высок, прекрасно сложен. Все молодые дамы были от него без ума, и он в полной мере пользовался этим. Чарльз всегда был весел, все его любили. И вот... Какая ужасная смерть! Не представляю, как такое могло случиться? Нам всем очень его не хватает, и думаю, всегда будет не хватать.

— Если Чарльз был так хорош собой, то почему же Шейла предпочла Эвана? — спросила Бьянка.

Найджел засмеялся:

— Но ведь и вы считаете своего мужа красавцем.

— Да, конечно, — кивнула Бьянка. — Но я спрашиваю о вашей сестре.

— Очевидно, дело вкуса. Эван... он серьезнее Чарльза. Думаю, именно поэтому он больше понравился сестре. Откровенно говоря, я знаю Эвана не так хорошо, как знал его брата.

Бьянка пока видела только порт и дом Эвана, и ей захотелось узнать о городе побольше.

— Скажите, а банковское дело здесь прибыльно?

— У нас здесь любое дело прибыльно, миссис Синклер. Например, Норфолк... Этот город был оплотом англичан, и его разрушили во время Войны за независимость. Сейчас город все еще восстанавливают, а строительство требует крупных кредитов, которые я с удовольствием предоставляю. Конечно, есть элементы риска, но прибыль оправдывает риск.

Найджел оживился, заговорив о банке, и Бьянка подумала о том, что в этом отношении он очень похож на молодых мужчин Венеции — для них коммерция всегда оставалась на первом месте. Впрочем, Найджел был приятным собеседником, и Бьянка простила ему этот недостаток.

Эван уже был сыт по горло обществом Шейлы, поэтому при первой возможности повернул коня на тропинку, ведущую к дому.

— Прошу прощения, но сегодня мы собирались совершить короткую прогулку, — заявил он. — Нам уже пора возвращаться.

Шейла, разозлившись, намеренно развернула своего жеребца так, что столкнула с тропы кобылку Бьянки. Лошадь поскользнулась на каменистом склоне, и Бьянка непременно упала бы, если б Найджел не схватил кобылу за уздечку и не вытянул ее обратно на тропинку. Бьянка вцепилась в поводья и, поблагодарив Найджела за своевременную помощь, попыталась улыбнуться. Однако Эван не сдержался и громко выругался.

— Ты же знаешь, что Шейла часто поступает необдуманно, — пробормотал Найджел. — Я уверен, что она сама не знала, что делает.

— Она все прекрасно знала, и ты знаешь об этом! — закричал Эван в ярости.

Бьянка попыталась успокоить мужа:

— Но я же совершенно не пострадала, Эван, так что не стоит устраивать такой шум. Найджел, позвольте еще раз поблагодарить вас за помощь. Надеюсь вскоре вас снова увидеть.

Очарованный Бьянкой, Найджел попрощался с ней и бросился догонять сестру.

— Я задушу ее, если она еще раз попытается обидеть тебя! — заявил Эван. — Это вовсе не случайность. Шейла надеялась, что ты упадешь и разобьешься. Кстати, о чем ты так оживленно беседовала с Найджелом?

Бьянка решила не говорить о том, что расспрашивала Найджела о Чарльзе, поскольку это могло расстроить Эвана.

— Он рассказывал о коммерции, и мне казалось, что я разговаривала с Паоло Саммарезе.

Услышав имя Паоло, Эван помрачнел, и Бьянка, заметив это, тут же спросила:

— Эван, что случилось?

— Ничего, — ответил он, пожав плечами. — Прости, мне следовало спросить: может, хочешь еще покататься?

Бьянка очень старалась стать хорошей наездницей и не собиралась отступать только из-за того, что Шейла испугала ее.

— Эван, день такой замечательный, давай еще покатаемся, — улыбнулась она.

— Как пожелаешь.

Они ехали вдоль берега, и Эван почти все время молчал — он снова думал о Венеции и о Паоло Саммарезе.

Найджел счел поведение сестры возмутительным и, вернувшись домой, заявил ей об этом:

— Синклер любит свою молодую жену — это же совершенно очевидно. С твоей стороны было бы гораздо умнее подружиться с Бьянкой.

Лицо Шейлы исказила гримаса.

— Я никогда не буду дружить с этой женщиной, никогда! Эван был мой, все знали, что он мой! Как он мог жениться на другой?

Найджел налил себе двойную порцию виски и, устроившись на диване, проговорил:

— Похоже, все знали, что Эван «твой», кроме него самого. Ты только подумай о том, какие у тебя возможности. Притворившись подругой Бьянки, ты сможешь часто видеться с

Эваном. Если их отношения вдруг дадут трещину, ты тут же воспользуешься этим, понимаешь?

Шейла, нахмурившись, посмотрела на брата.

— Дружить с ней? Да ведь мне станет плохо, едва я увижу их вместе.

— Мне понравилась твоя идея устроить прием, — заметил Найджел. — Это будет хорошее начало.

— Но ты же слышал, что Эван отверг мое предложение. Он не передумает, ты же знаешь.

— Это верно, но и ты не менее упряма, сестрица. Если мы устроим прием просто в честь начала сезона, ему придется прийти вместе с женой. Предлагаю устроить прием через неделю. Завтра разошлись приглашения.

Шейла с улыбкой кивнула:

— Прекрасно, Найджел. Замечательная идея. Могу я рассчитывать, что ты будешь трезвым в этот день, или же я слишком много прошу?

Найджел встал и снова наполнил свой бокал.

— Я буду трезв, можешь не волноваться. Прием будет слишком интересным, и мне не хотелось бы пропустить его.

Эвана не было дома, когда доставили приглашение от Бланшаров. Бьянка знала, что это — именно приглашение, хотя и не вскрывала конверт. Кроме того, она знала, что муж не захочет ехать к Бланшарам, — Бьянка была уверена, что он найдет предлог для отказа. Все еще держа в руке конверт, она направилась в кухню, чтобы обсудить с Виолой меню на обед. Льюиса не было дома, и Бьянка знала: Матти понесет ленч в комнату Марион. Решив, что пора наконец поговорить с матерью мужа, она сказала:

— Виола, я отнесу миссис Грей поднос с ленчем. Нам нужно увидеться.

Удивленная домохозяйка не успела и рта раскрыть, как Бьянка уже взяла поднос и понесла его в спальню Марион.

— Добрый день, — сказала она, открывая дверь. — Меня зовут Бьянка. Как вы сегодня себя чувствуете?

Марион нахмурилась.

— Унеси это, я не голодна, — проворчала она.

— Как пожелаете, — сказала Бьянка. — Могу я принести вам что-нибудь другое?

— Мне нужен только мой сын, — прошептала Марион.

— Эвана нет дома, но я скажу ему, что вы спрашивали о нем, как только он вернется.

— Нет! — закричала Марион. — Я хочу видеть Чарльза!

— Но Чарльз умер, — сказала Бьянка. — Я буду рада побыть с вами, пока не вернутся ваш муж и Эван.

Марион пристально посмотрела на жену сына.

— Ты слишком молода для Эвана, — заявила она неожиданно.

Улыбнувшись, Бьянка возразила:

— Он так не считает, и я — тоже.

— А я так считаю! — закричала Марион. — А теперь убирайся из моей комнаты и больше не приходи! — Она схватила вазу с ночного столика и швырнула ею в невестку, державшую поднос. Серебряный поднос с грохотом упал, когда острый край вазы полоснул Бьянку по руке. Рукав платья тут же пропитался кровью, и кровь закапала с пальцев Бьянки.

Она повернулась к двери, чтобы броситься вон из комнаты, и увидела Эвана.

— Ради всего святого, что здесь происходит? — закричал он, подбегая к жене. Окинув взглядом спальню матери, он все понял и, схватив Бьянку за руку, потащил за собой. Вбежав в комнату жены, Эван приказал: — Садись! — И быстро снял с нее пропитанное кровью платье. — Как это произошло?

Бьянка смотрела, как муж пытается остановить кровь. Ее лицо было пепельным. Она с дрожью в голосе проговорила:

— Я подумала, что если отнесу твоей матушке ленч, то сумею с ней познакомиться. Я не думала, что она, ну... что она так расстроится при виде меня.

Эван вполголоса выругался.

— Я полагал, ты поняла, что моя мать слишком больна, чтобы ее беспокоить. Что ты ей сказала? Почему она так расстроилась?

Чувствуя себя виноватой, Бьянка опустила глаза.

— Что ты ей сказала? — допытывался Эван.

— Ничего, — солгала Бьянка. — Я лишь предложила побыть с ней до прихода Льюиса. Она велела мне уходить, но я не успела.

Заметив, что кровь уже не сочится из раны Бьянки, Эван пошел к умывальнику, чтобы вымыть руки.

— Придется пойти к Виоле и попросить у нее полотна для перевязки, — сказал он. — Сиди спокойно, я не хочу, чтобы у тебя снова началось кровотечение.

Бьянка кивнула, и глаза ее наполнились слезами.

— Я только хотела помочь, Эван. Это ведь и мой дом! По крайней мере я так считала...

Эван наклонился и поцеловал жену в губы.

— Сиди спокойно. Я сейчас вернусь, и мы все обсудим.

Когда Эван вернулся с полотном, он держал в руке еще и приглашение Бланшаров.

— Ты сказала моей матери об этом вечере? — спросил он.

— Да нет. Я даже не вскрывала конверт. Наверное, он упал, когда я уронила поднос, — пояснила Бьянка.

Эван бросил приглашение на постель и стал рвать полотно на тонкие полоски.

— Итак, из-за тебя у моей матери истерика. Но пусть ею занимается Виола. Рана у тебя не очень глубокая, и края ее чистые, так что все будет в порядке, нет смысла посылать за доктором.

Бьянка даже не пикнула, пока муж занимался ее рукой.

— Прости меня, Эван, — прошептала она наконец. — Я думала, что смогу чем-то помочь. Я решила, что мы с твоей матушкой могли бы стать подругами.

Эван стянул концы повязки в тугий узел и нагнулся, чтобы снять с Бьянки туфельки.

— Я хочу, чтобы ты поспала, и подольше. Эту неприятную историю лучше забыть. Только обещай мне, что больше не станешь пытаться поговорить с моей матерью, если меня не будет рядом. Она замечательная женщина, лучшая из матерей, но с тех пор, как погиб Чарльз, она сама не своя, и я не хочу снова подвергать тебя риску.

Бьянка встала, и Эван помог ей раздеться. Потом, взяв конверт Бланшаров, она отдала его мужу.

— Я не говорила ей о приглашении, действительно не говорила.

Эван быстро прочел написанную от руки записку и сунул ее в карман.

— Вечер состоится только в конце следующей недели, так что ты уже вполне

поправишься и сможешь поехать туда. Но я хочу, чтобы произошедшее сегодня осталось в тайне. Ты никому не должна говорить об этом.

— Конечно, я никому ничего не скажу. А мы действительно поедem к Бланшарам? — спросила Бьянка, и ее зеленые глаза радостно вспыхнули.

— Да, поедem. Прости, что я был так невнимателен и не представил тебя своим друзьям. Они все любят тебя, но не так, как я. — Эван наклонился и поцеловал жену в губы.

Льюис Грей, узнав о том, что произошло в его отсутствие, пришел в ярость:

— Виола дала Марион столько настойки опия, что она неделю проспит! Как ты мог это позволить?

— Неужели мне нужно напоминать тебе, что Бьянка пострадала еще больше? Впредь она не будет приближаться к Марион, но ведь у нее ничего дурного и в мыслях не было.

— Ты думаешь, я не знаю этого? — проворчал Льюис. — Бьянка очень добра, но ее присутствие в доме создает напряженную ситуацию, так что рано или поздно это должно было произойти. И я даже не осмеливаюсь надеяться, что это последнее неприятное происшествие.

Эван выпрямился и расправил плечи. Он уже однажды пригрозил уйти из дома и был готов сейчас выполнить эту угрозу, если Льюис не уступит.

— Бьянка моя жена, и это мой дом. Если ей здесь не место, то и мне тоже! — в ярости закричал он.

Льюис всплеснул руками:

— Ты видишь, что она сделала? Мы все на пределе. Я никогда не думал, что ты можешь повысить на меня голос, не говоря уже об угрозе уехать. И все это из-за нее...

— Еще минута, и я действительно покину этот дом! — заорал Эван. — Горе матушки стало наваждением, которое передалось и нам. Да простит меня Господь, но ей лучше было бы умереть, раз она настолько переполнена ненавистью, что смогла обидеть такое нежное создание, как Бьянка. Ведь моя жена не сделала ей ничего дурного.

— Ничего? Черт побери, Эван, да ведь твоего брата убили из-за нее!

Эван в ярости покинул гостиную. Затем вышел из дома и направился к реке. Он шел в глубокой задумчивости и едва успел отскочить в сторону, когда Шейла верхом на лошади вылетела из-за поворота.

— Надо же, Эван, какой сюрприз! — воскликнула она. — Надеюсь, ты направлялся к нам, чтобы сообщить, что вы приняли наше приглашение.

— Мы, конечно, приедем, — кивнул Эван. — Я мог бы догадаться, что ты найдешь какой-нибудь предлог для приема.

— Ошибаешься! — улыбнулась Шейла. — Мы с Найджелом уже не первую неделю готовимся к этому вечеру. Я так рада, что ты и твоя молодая жена посетите нас. Она прелестна, Эван, правда, и я знаю, что все будут от нее в таком же восторге, как и мы с братом.

Эван сомневался в том, что Шейла говорит искренне, но ему не хотелось затевать новый спор.

— Моя жена прекрасная женщина, и я уверен, что все найдут ее просто очаровательной. Я передам ей, что ты жаждешь снова встретиться с ней. А теперь прошу прощения, но я должен вернуться домой.

— Подожди! — окликнула его Шейла, тряхнув темными локонами. — Почему бы тебе не сесть позади меня? Мы могли бы так доехать до твоего дома. Ты помнишь, как раньше сажал меня у себя за спиной?

Эван нахмурился.

— Нет, спасибо, — ответил он. — Я вышел просто пройтись. Всего доброго.

Шейла смотрела вслед Эвану, пока он нескрылся из виду. Потом поскакала домой и сообщила брату, что видела Синклера, гулявшего у реки в одиночестве.

— Ты веришь, что он просто вышел на прогулку? Полагаю, на Эвана это не очень-то похоже.

— Не похоже, — согласился Найджел. — Он, наверное, хотел что-то обдумать в одиночестве или же просто побыть подальше от жены. Видишь, я же говорил, что нужно выждать время. Возможно, у тебя появится шанс заполучить Эвана. — Вспомнив вопрос Бьянки, он добавил: — Я никогда не спрашивал тебя, но почему ты всегда предпочитала Эвана? Ведь Чарльз тебе больше подходил, такой беззаботный и веселый...

— Это, конечно, верно, — кивнула Шейла. — Но разве причина моего выбора не очевидна? Ведь все деньги у Эвана. О, Льюис Грей, конечно, имеет кое-какие средства, но наследство Чарльза никогда бы не сравнилось с богатством Эвана.

— Вот уж не думал, что ты такая практичная, сестрица. Ты уверена, что не хочешь поработать в нашем банке?

— Не говори глупости! — фыркнула Шейла. — Ты прекрасно справляешься за нас обоих. И я хочу, чтобы ты с друзьями как следует развлекал Бьянку на нашем вечере, а я в это время смогу поговорить с Эваном наедине. Ты сделаешь это?

— С огромным удовольствием, — заверил сестру Найджел.

— Эван, а Уилл Саммер будет там сегодня? — Бьянка, надев великолепное платье из бледно-голубого шелка, приблизилась к зеркалу.

— Сомневаюсь, — ответил Эван.

— Но ведь он теперь капитан. Разве это не повышает его положение в обществе?

— Разумеется. Но Шейла и Найджел никогда не заинтересуются человеком с положением, но без денег. Ведь вокруг столько богатых наследников.

— А твое богатство нажито давно? — спросила Бьянка, коснувшись пальчиками груди мужа. Эван был в голубом бархатном сюртуке, искусно расшитом серебряной нитью, его красный жилет тоже был расшит серебром.

— Мой дед приплыл сюда из Англии в качестве слуги, поэтому нашему состоянию не так уж много лет, — ответил Эван со смешком. — Нам, Синклерам, требовалось лишь одно — возможности, которые предоставляла эта страна. И мы использовали их в полной мере.

— Да, конечно, — кивнула Бьянка. Вспомнив о родительском доме, она добавила: — А в Венеции очень трудно стать богатым, если ты не родился в зажиточной семье.

— Думаю, многие сегодня заинтересуются твоими рассказами о Венеции. Особенно о том, как вы передвигаетесь по городу на лодках.

— Правда? Я с радостью буду рассказывать о гондолах, — улыбнулась Бьянка.

Шейла тоже была в голубом. Но, увидев Бьянку, она пожалела о своем выборе — бледно-голубой цвет был более к лицу блондинке, Шейле же следовало надеть что-нибудь поярче.

— Улыбайся, — шепнул сестре Найджел. — Эван не отойдет от жены, если почувствует хотя бы малейшую враждебность по отношению к ней. Ты ведь умеешь быть радушной хозяйкой, вот и будь ею. — Он с улыбкой пошел приветствовать вновь прибывших.

Гости с любопытством поглядывали на Бьянку, но она была так мила и дружелюбна, что вскоре все забыли о том, что она иностранка, и это очень порадовало Эвана. Порадовало его

и то, что жена понравилась не только мужчинам, но и женщинам, приглашенным на этот прием. Вот только если бы матушка...

— Эван, что это ты так нахмурился? — Шейла взяла его под руку и прижалась к нему. — Ведь ты раньше обожал такие вечера...

Эван рассмеялся.

— Тебе бы понравились праздники в Венеции, Шейла. Там устраивают пышные костюмированные балы, которые продолжаются до рассвета. Может быть, весной мы с Бьянкой устроим такой же бал.

Эван рассказал о венецианских карнавалах, и Шейла, чрезвычайно заинтересовавшись, предложила устроить маскарад, не дожидаясь весны.

— Зачем ждать так долго, Эван? Было бы замечательно устроить такой сказочный маскарад в ближайшие праздники. У тебя еще есть время, чтобы все обдумать.

Эван покачал головой:

— Этим должна заняться Бьянка, а не я. — Эван знал, что жена с радостью будет развлекать его друзей, но он понимал, что из-за болезни матери едва ли удастся устроить праздник в ближайшее время. Однако он не стал делиться своими опасениями с хозяйкой вечера и с улыбкой добавил: — Прием удался, Шейла. Спасибо, что пригласила нас...

Найджел весь вечер не сводил с Бьянки глаз. Заметив, что она посмотрела на мужа и Шейлу и тут же нахмурилась, он подошел к ней и предложил ей пунша. Бьянка, выпив, поморщилась, а Найджел рассмеялся:

— Неужели вам не нравится? Это один из моих любимых рецептов, и другим гостям пунш, похоже, нравится.

— Он немного крепковат, вы не находите? — спросила Бьянка. Она решительно отставила бокал в сторону.

— У меня в кабинете есть бренди. Может, вы его предпочитаете?

— Нет, спасибо, — ответила Бьянка, не спуская глаз с брюнетки, стоявшей рядом с Эваном.

— Вы не сводите глаз с вашего мужа. Если желаете, я с удовольствием провожу вас к нему, — улыбнулся Найджел.

Бьянка смутилась и поспешно проговорила:

— Мы уже не молодожены, мистер Бланшар. Если мужу хочется поговорить с вашей сестрой, я не возражаю.

— Вот и прекрасно! — рассмеялся Найджел. — А теперь, если хотите потанцевать, я с радостью буду вашим партнером.

Эван все еще беседовал с Шейлой, и Бьянка протянула руку Найджелу.

— У вас прекрасный дом, — заметила она. — Здесь очень удобно принимать гостей.

— Благодарю вас. А разве дом Эвана не подходит для этих целей?

— Я... то есть его матушка не совсем здорова, так что мы пока не можем принимать гостей, — призналась Бьянка, уверенная в том, что болезнь Марион не является секретом.

— Какая жалость, — посочувствовал Найджел. — Жаль, что у вас нет собственного дома. О, я знаю, что дом принадлежит Эвану, а не Льюису Грею, но Эван, наверное, уже и не вспоминает об этом. Возможно, ваш муж не знает, что в его отсутствие умерла Сара Маршалл, пожилая бездетная вдова. Она оставила всю недвижимость своему храму, но меня попросили продать дом, потому что приходу нужны деньги, а не дом. Не хотите ли, чтобы я поговорил на эту тему с Эваном?

— Не думаю, что моему мужу понравилось бы, если бы подобное предложение исходило от меня, мистер Бланшар.

— Прошу, зовите меня Найджелом. Я с радостью поговорю с Эваном об этом, если вы не возражаете. Возможно, его заинтересует возможность вложить средства.

— Вам самому решать, о чем говорить с моим мужем. Я не знаю, заинтересован ли он в том, чтобы вкладывать средства в недвижимость, но прошу вас не упоминать мое имя, если вы все же будете говорить с Эваном об этом.

В следующее мгновение она увидела Эвана. Он подошел к ним и проговорил:

— Я понимаю, что пройдут часы, прежде чем ты останешься без кавалера, моя дорогая. Но я и сам хочу потанцевать с тобой. — Сдержанно кивнув Найджелу, Эван увлек Бьянку за собой.

Когда музыка стихла, он взял жену за руку и увел в дальний угол залы.

— Я думала, ты действительно хочешь танцевать, — вполголоса проговорила Бьянка.

Эван посмотрел в зеленые глаза жены и прошептал:

— Мне кажется, ты уже со всеми познакомилась. Я готов ехать домой, если ты не против.

— Мне кажется, мы не должны уезжать первыми, Эван, — в растерянности пробормотала Бьянка. — Это вызвало бы пересуды.

— Что ж, тогда давай еще потанцуем, — предложил Эван. Тут начался быстрый танец, в котором женщины менялись партнерами, и Бьянка, переходя от одного кавалера к другому, все время оглядывалась на мужа, но тот лишь улыбался и подмигивал ей. Шейла подошла к брату и зашипела ему в ухо:

— Ты только посмотри на них! Ты когда-нибудь видел более счастливую пару? Меня тошнит от них!

— Потерпи. Они скоро вцепятся друг другу в глотку, я уверен в этом. — Найджел решил, что если ему не удастся поссорить супругов из-за имени Сары Маршалл, то он придумает что-нибудь другое. — Терпение, Шейла, тебе необходимо набраться терпения.

Шейла хотела возразить, но тут к ним присоединились друзья Найджеля, и ей пришлось оставить свои мысли при себе.

Когда молодые супруги вернулись домой, Бьянка не знала, что и думать о поведении мужа. Он танцевал со всеми женщинами, шутил с мужчинами и к концу вечера был в чрезвычайно приподнятом настроении. Они уезжали одними из последних — к тому времени музыканты заявили, что они больше не в силах играть. Вечер удался на славу, и Бьянка искренне поблагодарила Шейлу и Найджеля, когда прощалась с ними. Правда, она не знала, чего теперь ожидать от мужа — настолько необъяснимым казалось его поведение.

Эван же проследовал за женой в ее будуар и стал раздеваться, бросая на пол одежду.

— Эван, этот костюм слишком красив, чтобы так бросать его, — улыбнулась Бьянка.

Но он тотчас же привлек ее к себе и, поцеловав, принялся расшнуровывать корсет.

— Эван! — засмеялась Бьянка. — Остановись и глубоко вздохни, а не то порвешь мое белье.

— Я куплю тебе новое, — прохрипел он, но все же стал раздевать жену осторожнее.

Вскоре Бьянка, запустив пальцы в каштановые кудри Эвана, прижалась к нему всем телом, и супруги, слившись воедино, вознеслись к вершинам блаженства. Когда же они снова вернулись к реальности, Бьянка крепко обняла мужа и прошептала ему на ухо:

— Каждый раз, когда я думаю, что наша любовь уже не может быть более полной, ты

поднимаешь нас еще выше.

Эван поцеловал жену — и вдруг замер на мгновение, услышав пронзительный крик, разнесшийся по всему дому. Бьянка в ужасе прикрыла грудь простыней, а Эван вскочил и стал лихорадочно одеваться.

— Это твоя матушка? — спросила Бьянка с дрожью в голосе.

— Боюсь, что да. Надеюсь, ничего страшного. Но возможно, Льюису нужна помощь поэтому я должен быть там. А ты спи.

Эван выбежал из комнаты, и Бьянка тотчас же поняла, что не сможет заснуть. Она подождала несколько минут, затем встала и вышла в коридор. На цыпочках подкралась к двери Марион и слышала женские рыдания. Потом услышала голоса Льюиса и Эвана, но слов не разобрала. Решив, что они просто пытаются успокоить Марион, Бьянка устыдилась того, что пытается подслушивать, и вернулась в постель. Прошел почти час, прежде чем Эван вернулся. Он обрадовался, увидев, что Бьянка не спит, и крепко обнял ее.

— Знаешь... давай уедем на несколько дней в Ричмонд, — предложил он неожиданно. — Что скажешь? Поедем прямо завтра?

— А ты можешь уехать так скоро? Я знаю, что у тебя много дел на верфи и...

— На верфи и без меня обойдутся. А если нет, то мне все равно. Я просто хочу уехать. Пожалуйста, скажи, что согласна, скажи, что поедешь со мной.

Обвив руками шею мужа, Бьянка поцеловала его, и он понял, что она согласна.

Уильям Саммер ознакомился со списком дел, который вручил ему Эван. Уиллу надлежало ежедневно справляться у Льюиса о том, не нужна ли ему какая-либо помощь. Кроме того, следовало посетить старшего мастера на верфи, а также навестить семьи, о которых заботился Эван. О матери Тима Уилл уже знал. Мальчик учился в школе, и Эван хотел получить отчет о его успехах.

После ухода Эвана Лили осторожно заглянула в комнату.

— Ты один? — спросила она.

— Да,ходи. Тебе не нужно было прятаться, Лили. Я бы с радостью представил тебя Эвану Синклеру. Он мой старый друг, и я состою у него на службе.

Лили подошла к окну, надеясь увидеть Эвана, когда он выйдет из гостиницы.

— Это тот высокий, хорошо одетый джентльмен? — спросила она.

Уилл подошел к ней и, увидев друга, кивнул:

— Да, это Эван. — Заметив восхищение во взгляде Лили, он почувствовал укол ревности, потому что Синклер был не только красив, но и богат. Уилл тут же напомнил себе, что Эван, кроме всего прочего, еще и счастлив в браке. Устыдившись своей ревности, он добавил: — Эван женился на молодой женщине, с которой познакомился в Венеции. Теперь он хочет показать жене Виргинию, поэтому попросил меня кое-что сделать в его отсутствие.

— Тебе тоже придется покинуть Ньюпорт-Ньюс? — насторожилась Лили.

— Нет-нет, все его поручения нужно выполнить здесь. Но если мне даже придется уехать из города, то я не оставлю тебя в гостинице без средств. Я позабочусь, чтобы у тебя было достаточно денег.

Однако не из-за денег беспокоилась Лили. Она с каждым днем все больше привязывалась к Уиллу и знала, что будет очень скучать, если он покинет ее хотя бы на день.

— А что это за женщина, на которой женился твой друг? Ты ведь говорил, что вы совсем недолго были в Венеции. Как же он успел влюбиться?

Уилл рассмеялся:

— Но ведь полюбить можно с первого взгляда, Лили. К тому же Бьянка очень красива, и она настоящая леди.

— Да, конечно, — с рассеянным видом кивнула Лили.

Уилл знал, что Лили не склонна беседовать на серьезные темы, но все же удивился, что ей так быстро наскучило говорить о любви.

— Эван попросил меня выполнить кое-какие поручения. Возьми накидку и пойдем со мной. День просто замечательный для прогулки.

Они часто гуляли по вечерам, но днем Лили стеснялась появляться с Уиллом на улице.

— Почему бы тебе не пойти одному? Я только буду мешать тебе, — сказала она.

— Ты так занята, что не можешь пойти со мной? — нахмурился Уилл.

— Я вовсе не занята, просто подумала, что ты хочешь побыть один.

— Ничего подобного. Бери накидку и пошли. — Когда они вышли из гостиницы, Уилл взял Лили под руку. — Сегодня нам не нужно заходить на верфь и к Льюису Грею, но мы можем навестить вдов, о которых заботится Эван. Нужно убедиться, что у них все в порядке.

— Навестить вдов? — удивилась Лили. — Неужели твой друг интересуется такими женщинами?

— Возможно, тебе это кажется странным, но нет ничего необычного в том, что состоятельный человек заботится о вдовах. Я ведь рассказывал тебе, что мы воевали вместе с Эваном. Он заботится о вдовах и тех, кто сражался на борту «Феникса».

Тронутая добротой Эвана, Лили прослезилась и тут же отвернулась, делая вид, что рассматривает витрины магазинов. Она старалась игнорировать любопытные взгляды, которые бросали на нее прохожие, но все же заметила нескольких мужчин, которых знала, когда работала в заведении Фанни. Смущенная этими воспоминаниями, Лили уже жалела, что Уилл не позволил ей остаться в гостинице.

Сначала они посетили шумный дом, где было много детей. Их мать, добродушная женщина, пригласила Уилла и Лили выпить чаю и непринужденно болтала с ними. Мать Тимоти оказалась гораздо сдержаннее, но мальчик учился успешно, и она была рада сообщить эту новость. К тому времени, когда они посетили все дома, указанные в списке Эвана, оба устали. Но день был слишком хорош, чтобы возвращаться в гостиницу, и Уилл, взяв Лили за руку, увлек ее к реке. Они нашли тихое местечко подальше от города и уселись на траву.

— Уверен, что некоторые женщины расстроились, увидев нас вместо Эвана, но, к счастью, у них все в порядке, — улыбнулся Уилл.

— И мистер Синклер не оставит их, если у них что-нибудь случится? — спросила Лили.

— Конечно, нет. Эван зарабатывает деньги тяжелым трудом, но он не скуп. Когда я преуспею, надеюсь, не забуду его пример.

— Я думаю, что ты уже преуспел, Уилл. Ты капитан прекрасного корабля, разве ты не гордишься этим?

— Да, горжусь, — признался Уилл. — Я всегда хотел только одного — уйти в море, но никогда не думал, что смогу стать капитаном. К счастью, Эван многому меня научил.

— Да, похоже, что он настоящий друг. А как долго его не будет?

— Несколько недель, — ответил Уилл.

— А тебе не придется уехать, когда он вернется? — допытывалась Лили.

— Мы, возможно, отправимся в Карибское море, но это недолгое плавание. В Европу же сейчас уже слишком поздно плыть. А что?

— Я просто так спросила. — Лили, с облегчением вздохнув, обхватила руками колени.

— Послушай, Лили, я давно хочу тебя спросить...

— О чем?

— Я хочу знать, как ты попала в заведение Фанни Берк. Я не стану осуждать тебя, просто хочу знать, почему ты там оказалась?

— Зачем тебе это? — насторожилась Лили. — Я ведь больше там не работаю.

Уилл взглянул на плывущие по небу облака.

— Ты красивая девушка, Лили, и характер у тебя хороший, хотя ты и скрываешь это. Вот я и не понимаю: почему ты предпочла такую жизнь?

Лили невесело рассмеялась:

— Дело в том, Уилл, что я не выбирала эту жизнь. Просто у меня не было выхода.

— Выход всегда есть, — возразил Уилл.

Лили в задумчивости покачала головой. Она с минуту молчала, наконец заговорила:

— Я выросла в Северной Каролине, в небольшом городке на побережье. Городок этот очень похож на Ньюпорт-Ньюс. Мой отец владел таверной, шумным заведением, куда заходили и горожане. Я должна была прислуживать за столиками, но в то же время отец

давал каждому понять, что я его дочь и он не допустит неуважения ко мне. Отец был очень строг и ревнив, хотя моя мать никогда не давала ему повода для ревности. Он постоянно бранил ее и не спускал с меня глаз, словно знал, что я опозорю его при первой же возможности. — Лили смахнула слезу и продолжала: — Там был молодой человек, который мне очень нравился, сын фермера. Его звали Дэвид, и он был не такой, как все остальные. Дэвид приносил цветы, иногда писал мне милые стишки. Он хотел жениться на мне, но отец сказал, что Дэвид недостаточно хорош для меня, что у него нет честолюбия. — Лили надолго умолкла. Наконец снова заговорила: — Отец застал нас однажды. Он ужасно избил Дэвида, а потом принялся за меня. Это он сломал мне зуб.

Уилл, не сдержавшись, разразился ругательствами. Он привлек девушку к себе и крепко обнял ее.

— Все будет хорошо, Лили, не плачь. Я теперь все понимаю.

Высвободившись из его объятий, она возразила:

— Нет, ты не понимаешь! — Всхлипнув, Лили продолжала: — Когда отец наконец устал избивать нас, он швырнул меня в телегу и отвез в бордель на окраине города. Он сказал хозяйке, что только там мне и место, и она была так добра, что взяла меня, чтобы спасти от отца. Когда я поправилась настолько, чтобы работать, хозяйка нарядила меня маленькой девочкой — так за меня больше платили. — Лили снова замолчала, потом с вызовом бросила: — Ну что, ты по-прежнему считаешь, что у меня был выбор?

Уилл вновь обнял Лили и, осушив поцелуями ее слезы, спросил:

— И ты больше не видела свою мать и Дэвида? Они не приехали за тобой?

— Мать была слишком напугана, чтобы пытаться спасти меня. Она решила, что отец сделает с ней то же самое, если она ослушается его. А Дэвид однажды навестил меня, но он заплатил, как и все остальные. Он даже не говорил со мной и, конечно, не сказал, что любит меня. Так что мой отец, наверное, был прав, когда ругал его. Вот тогда я и решила, что мне пора уехать. Я побывала во многих заведениях, и мужчины везде были одинаковые.

— Лили, я больше не хочу ничего слышать! — Уилл стал покрывать поцелуями влажные щеки девушки, и она, прижавшись к нему, на время забыла обо всех своих бедах.

Красота осеннего дня наполнила сердце Эвана надеждой. Целуя пальчики Бьянки, он проговорил:

— Мы проведем ночь в гостинице в Уильямсберге. Или несколько ночей, если захочешь. У меня там есть знакомые, которые будут рады принять нас, пусть даже мы и не сообщили им заранее о нашем приезде.

Бьянка сначала думала, что отъезд никак на ней не скажется, но сейчас чувствовала, что находится в таком же приподнятом настроении, как и Эван.

— Я бы предпочла побыть с тобой наедине, — ответила она с улыбкой. — Твои друзья не обидятся, если мы не навестим их?

— У нас ведь так и не было настоящего медового месяца, правда? — хохотнул Эван.

— Не могу согласиться с тобой. Мне кажется, что у нас был бесконечный медовый месяц. По крайней мере ты всегда создавал у меня ощущение, что я любима. Надеюсь, что и ты никогда не усомнишься в моей любви к тебе.

Эван почувствовал угрызения совести, ведь поначалу он лишь делал вид, что любит Бьянку, — сам же думал только о мести. Но когда обман превратился в реальность? Когда ее очарование и красота покорили его сердце? Поцеловав жену, он проговорил:

— Я люблю тебя, Бьянка, люблю всем сердцем!

Она порывисто обняла мужа и мысленно посетовала, что они в карете, а не в постели. Наконец, отстранившись, спросила:

— Эта дорога оживленная? Или можно считать, что мы здесь одни?

— Я ездил по ней много раз, но ни разу не видел ни одной живой души. А ты надеялась встретить кого-нибудь, чтобы скоротать время? — улыбнулся Эван.

— Я нуждаюсь только в вашем обществе, сэр. — Бьянка стала расстегивать крючки на лифе платья. — В нем немного жарковато. Ты не против, если я его чуть расстегну?

— Конечно, не против, — ответил Эван со смешком. — Если честно, то и мне жарковато. — Он снял сюртук и, не спуская глаз с Бьянки, начал расстегивать рубашку.

Когда они добрались до окраины Уильямсберга, уже стемнело, но Эван хорошо знал город и направил кучера к своей любимой таверне, где хозяин радушно встретил их, накормил замечательным ужином и угостил ароматным вином. Разомлев от угощения, супруги рано отправились спать, но заснули очень не скоро.

Проснувшись раньше Эвана, Бьянка приподнялась на локте и стала рассматривать его, зачарованная, как и всегда, красотой мужа. Сейчас Эван казался еще красивее, чем при их первой встрече, потому что теперь он стал ей очень дорог... Когда он наконец приоткрыл золотисто-карие глаза, Бьянка нежно поцеловала его в щеку.

— Доброе утро, милый. Чем бы ты хотел заняться сегодня?

Эван заключил жену в объятия и со смехом ответил:

— Тем же, чем мы занимались вчера. Это был чудесный день.

— Эван, а нельзя ли просто продолжить поездку? Мы могли бы добраться до Мэриленда, а потом ехать еще дальше.

Эван чуть нахмурился, взглянув на свою прелестную жену.

— А чем именно ты хочешь заняться? Просто ехать или же развлекать меня в карете?

— А нельзя делать и то и другое? — кокетливо улыбнулась Бьянка.

— Вообще-то я не против кареты. Но если ты действительно хочешь посмотреть страну, то лучше плыть вдоль побережья и заходить в порты. Так будет гораздо удобнее.

— Да, конечно, — кивнула Бьянка. — Но это может занять несколько месяцев. Разве ты можешь позволить себе такое продолжительное путешествие?

— Если ты этого захочешь, то смогу, — ответил Эван.

Бьянка в задумчивости покачала головой:

— Нет, не оставляй свои дела. А теперь скажи, в Уильямсберге продают духи? — спросила она неожиданно.

— Конечно. Насколько я помню, их доставляют из Франции.

— О Эван, когда же у тебя была необходимость покупать духи? Это был подарок для дамы?

— Да, — кивнул Эван с лукавой улыбкой. — Но я совершенно забыл, для какой именно дамы.

— Надеюсь, что и не вспомнишь, — нахмурилась Бьянка.

Эван взял жену за руку.

— Дорогая, до сих пор я был не очень хорошим мужем. Сначала виной было долгое плавание, потом — заботы, с которыми я столкнулся дома, в первую очередь, конечно, болезнь матушки. А ведь для счастья мне нужно только одно — твоя любовь. И я обещаю,

что больше никогда не буду пренебрегать тобой.

— Эван, да когда же это ты пренебрегал мной? — удивилась Бьянка. Она свернулась в клубочек рядом с мужем. — Мой отец всегда был занят то коммерцией, то политикой. И все же по вечерам был очень внимателен к маме. И ты, Эван, такой же внимательный. Но я не прошу, чтобы ты проводил со мной все свое время. Я никогда не просила об этом и хочу лишь одного — хочу, чтобы те часы, которые мы проводим вместе, были самыми счастливыми.

Эван судорожно сглотнул. Бьянка упомянула о своем отце — и Эван тотчас же вспомнил о том, что убийца Чарльза все еще жив. Но он понимал, что должен забыть о трагедии, непременно должен забыть — или же ненависть захлестнет его так же, как и мать.

— Я люблю тебя, Бьянка, — проговорил он хриплым шепотом. — Боже, как я люблю тебя!

Бьянка с готовностью ответила на поцелуй мужа. Она слишком его любила и не задумывалась о том, чем вызвана эта внезапная вспышка страсти.

Был уже почти полдень, когда молодые супруги вышли из гостиницы и зашагали по главной улице города. Поскольку в Уильямсберге находился один из магазинов Льюиса Грея, Эван сначала повел Бьянку именно туда. Когда они вошли, им навстречу бросилась элегантно одетая дама.

— Мистер Синклер, какой приятный сюрприз! Вы уже больше года не были в Уильямсберге.

Бьянку не удивляло, что ее мужа узнали в магазине, принадлежавшем Льюису, но она была поражена тем, что его встретили с таким нескрываемым восторгом.

— Да, вы правы, миссис Магир, — кивнул Эван. — Но, судя по всему, дела здесь по-прежнему идут неплохо. Я хотел показать жене город, и мы, конечно, не могли пройти мимо вашего магазина.

— Ваша жена? — Рэйчел Магир взглянула на Бьянку, на которую сначала почти не обратила внимания. — Как поживаете, миссис Синклер? — пробормотала она, пытаясь улыбнуться.

— Благодарю вас, прекрасно, миссис Магир, — ответила Бьянка. — Мой муж сказал, что у вас есть французские духи. Нельзя ли взглянуть?

— Да, разумеется. — Рэйчел указала на витрину и вопросительно посмотрела на Эвана. Она не предполагала, что он когда-нибудь женится. И еще больше ее удивило то, что Эван женился на таком очаровательном создании, как эта молоденькая блондинка.

Эван сразу же почувствовал напряженность, возникшую между женщинами, и попытался скрыть улыбку. Рэйчел была вдовой, причем очень привлекательной, но он поддерживал с ней лишь деловые отношения — как с управляющей магазина Льюиса. Бьянка же, выбрав духи, провела в магазине еще полчаса, разглядывая товары. Все здесь было очень красивое и дорогое, однако покупателей было довольно много, так что торговля явно процветала.

Когда они вышли на улицу, Бьянка, взяв Эвана под руку, поинтересовалась:

— Неужели все магазины Льюиса пользуются таким же успехом?

— Да, потому что он предлагает только качественный товар. Вообще-то мне следует отвести тебя на его склад. Там нет нарядных витрин и любезных продавцов, но зато есть все, чем он торгует. Прости, что не сделал этого раньше, Бьянка.

— Но мне ничего не нужно, Эван. — Заметив, что муж погрузился, Бьянка поспешно

добавила: — Ведь ты уже купил мне новый гардероб. Мне не хватало только духов, но теперь и они имеются. — На губах Эвана заиграла улыбка, и Бьянка решилась сказать: — Миссис Магир очень расстроилась, узнав, что я твоя жена. Не представляю, отчего бы это?

Эван взглянул на жену и расхохотался:

— Я тоже не представляю! Может, это естественный интерес вдовы к богатому мужчине? Ты ведь простишь ей подобную слабость, правда?

— А это все, что я должна ей простить? — лукаво улыбнулась Бьянка.

— Да, все, — кивнул Эван.

Когда они дошли до ювелирного магазина, он внезапно остановился.

— Дорогая, я же не купил тебе кольцо! Давай посмотрим, что здесь смогут нам предложить.

Бьянка, не удержавшись, поцеловала мужа в щеку.

— Какой ты милый, Эван! Только пусть это будет простое кольцо.

Эван покачал головой:

— Давай не будем спорить, любовь моя. Ты будешь носить то, что я куплю.

Они зашли в ювелирный магазин, и Эван, представившись хозяину, попросил показать кольцо с изумрудами — эти камни соответствовали цвету глаз Бьянки. Хозяин, тотчас же сообразив, что перед ним богатый покупатель, открыл сейф, где хранилась самая дорогая коллекция.

Бьянка с восхищением разглядывала сверкающие драгоценные камни. Особенно ей понравилось кольцо, в центре которого сверкал крупный изумруд, окруженный мелкими бриллиантами.

— Можно мне примерить вот это кольцо? — Едва надев его на палец, Бьянка сразу поняла, что оно словно создано для нее. — Эван, что ты думаешь о нем? — спросила она, взглянув на мужа.

— Думаю, оно было сделано для твоей руки. Это самое красивое кольцо из всех, что я видел. — Подождав минуту, чтобы убедиться, что жена не передумала, он сказал: — Мы покупаем его.

Когда они вышли из магазина, Эван обнял Бьянку за талию и проговорил:

— Даже не знаю, как мог я забыть о кольце. В следующий раз, когда я допущу подобную ошибку, скажи мне.

— Я и сама забыла о кольце. Так что не нужно извиняться. — Вытянув руку, Бьянка полюбовалась сверкающими камнями, отражавшими яркие солнечные лучи. — Чудесное кольцо! Спасибо тебе.

И тут Эвана кто-то окликнул, и он, повернувшись, увидел коренастого плотного мужчину, бежавшего к нему и размахивавшего руками.

— Это Том Николсон, и от него не ускользнешь. Взглянув на мужа, Бьянка поняла, что ему приятна эта встреча.

— Я только что говорил с Рэйчел Магир и, узнав, что ты в городе, решил повидать тебя. — Отдышавшись, Том продолжал: — Мы сегодня устраиваем ужин, и я настаиваю, чтобы ты и твоя дама посетили нас. Будут танцы, а также прекрасное вино. Всех гостей ты знаешь.

— Бьянка, позволь представить тебе моего давнего друга Томаса Николсона. Том, Бьянка не просто моя дама, она моя жена.

— Твоя жена? — растерялся Том. — А почему меня не было на вашей свадьбе?

— Мы обвенчались на корабле, мистер Николсон, — пояснила Бьянка. Взглянув на мужа, она спросила: — У нас есть время, чтобы посетить твоих друзей?

Эван с улыбкой кивнул:

— Мы найдем время, чтобы их навестить.

Карета покачивалась па дорожных ухабах, и Бьянка снова зевнула. Да, она, конечно, утомилась, но все равно была на седьмом небе от счастья. Они провели две восхитительные недели в доме Николсонов. Патриция, жена Тома, оказалась замечательной хозяйкой. Она настояла, чтобы они переехали к ним из гостиницы, и неустанно развлекала их. Сейчас, возвращаясь домой, Бьянка надеялась, что настрой этих двух недель сохранится и в дальнейшем.

— Мне даже и спрашивать не надо, понравилось ли тебе в Уильямсберге, — сказал Эван, обнимая жену. — Ответ написан на твоём личике.

— Боюсь, что не смогу вспомнить всех имен, но лица узнаю, если еще придется встретиться. А Николсоны были очаровательны! Надеюсь, что мы вскоре сможем отплатить им таким же гостеприимством.

Эван кивнул:

— Да, это было бы замечательно. Моя матушка славилась своими приемами, но, к сожалению, сейчас она не может никого принимать.

Бьянка ненадолго задумалась, потом проговорила:

— Я все понимаю, Эван, но у нас должна быть и своя жизнь. Конечно, нам трудно принимать гостей из-за болезни твоей матушки, но ведь можно что-нибудь придумать...

— Я уверен, что все нам сочувствуют и никто не осудит нас за то, что мы некоторое время не будем принимать гостей, — сказал Эван.

Бьянка не стала спорить, но решила, что обязательно исправит положение дел, пусть даже муж и не склонен был осуществлять необходимые перемены.

— Эван... — тихо окликнула она.

— Да, любовь моя?

— Я думаю, мы должны закончить это путешествие так же, как и начали его, правда? — Она коснулась пальчиками его ладони. — День сегодня такой теплый, а дорога — пустынная. — Покрывая лицо Эвана поцелуями, Бьянка стала расстегивать пуговицы на его рубашке.

Если здоровье Марион Грей и не улучшилось за время их отсутствия, то по крайней мере ей не стало хуже, и Эван был рад уже и этому. Он стыдился того, что на время забыл о матери, но сейчас, когда они вернулись, ему все же пришлось заставить себя войти в ее комнату — ведь он знал, что не сможет долго у нее оставаться.

— Сядь, Эван. Я хочу поговорить с тобой, — сказала Марион, увидев сына. Она сразу же обрушилась на Эвана с обвинениями: — Почему ты лгал мне все это время? Почему не рассказал правду об этой женщине, когда привез ее сюда?

Эван беспомощно развел руками.

— Если ты говоришь о Бьянке, то я рассказал все, что тебе следует знать. Она очень хочет быть не только твоей невесткой, но и подругой.

Не говоря ни слова, Марион выхватила из-под подушки дневник Чарльза и ткнула в черную кожаную обложку указательным пальцем.

— Тебе его дал Льюис? — прохрипел Эван. Марион холодно взглянула на сына.

— Мой муж такой же лжец, как и ты. Он думал, что надежно спрятал дневник, но я

нашла его. Эта потаскуха, которую ты называешь своей женой, убила Чарльза! Как ты посмел привезти ее сюда и заявить, что убийца ускользнул? Как ты посмел?! Похоже, эта венецианская девка отняла у меня не одного сына, а обоих!

Эван медленно поднялся и отставил стул к стене. Он тянул время, чтобы найти достойный ответ. Наконец, повернувшись к матери, он проговорил:

— Бьянка не знает даже имени Чарльза. Не буду отрицать: брат влюбился в нее, но она об этом не подозревала. Бьянку нельзя винить в его смерти.

— Я хочу, чтобы ее не было в этом доме, Эван. Пусть убирается сегодня же! — прошипела Марион, буквально захлебываясь ненавистью.

— Ты, наверное, забыла, что мой отец оставил этот дом мне? Вы с Льюисом живете тут в качестве моих гостей, а мы с Бьянкой здесь хозяева. Так что положи дневник туда, где взяла. Если же ты еще раз посмеешь оскорбить мою жену, я ударю тебя. Меня не остановит то, что ты — моя мать.

Высказав эту угрозу, Эван повернулся и покинул комнату. Затем спустился по лестнице и вышел из дома. В глубокой задумчивости он дошел до реки и направился к городу. Но тут же вспомнил о недавней встрече с Шейлой Бланшар и, повернувшись, зашагал в противоположную сторону. Наконец успокоившись, он вернулся домой.

Бьянка не стала расспрашивать мужа о том, где он был. Едва лишь Эван присоединился к ней в постели, она обняла его и согрела теплом своего тела. И он, как всегда, забылся в ее жарких объятиях.

Молодые супруги прожили дома лишь неделю, а Бьянке уже стало казаться, что они и не уезжали. В доме по-прежнему царила гнетущая атмосфера, потому что Эван с Льюисом очень беспокоились за Марион. Правда, Эван редко заходил к матери, зато Льюис постоянно находился рядом с ней. Когда же он стал обедать и ужинать наверху, с женой, Бьянка решила, что пора поговорить с мужем.

— Эван, я знаю, что мы не сможем устроить пышный бал, но я бы хотела пригласить нескольких наших друзей на ужин. Мы должны отплатить Бланшарам за их гостеприимство и...

Эван оттолкнул тарелку с недоеденным ужином.

— Нет, не сейчас, — заявил он. — Потерпи еще немного, любовь моя, и вскоре мы сможем устраивать пышные приемы. Я уверен в этом.

— Ты предлагаешь дожидаться, когда мать умрет? — неожиданно вспыхнула Бьянка.

— О Господи... — пробормотал Эван, пораженный тем, что жена с такой легкостью прочитала его мысли. Тем не менее он возразил: — Нет, я вовсе не это имел в виду. — Бросив на стол салфетку, Эван встал и поспешно покинул столовую.

Бьянка тоже поднялась и направилась к себе. Она принялась готовиться ко сну и даже подумывала о том, чтобы запереть дверь на ключ. Однако, решив, что это лишь приведет Эвана в ярость, она все же не стала запирается — тем более что ей в голову пришла прекрасная мысль. Найджел Бланшар упомянул о доме, который продает... Он наверняка с удовольствием покажет ей дом, и, если дом действительно окажется хорош, она приложит все силы, чтобы упросить Эвана купить его. Довольная таким решением, Бьянка улеглась в постель с книгой. Вскоре она услышала, что Эван вернулся. Лишь на мгновение остановившись у ее двери, он прошел в свою комнату. Бьянка тут же поднялась и направилась к мужу.

— Если ты думаешь, что я сержусь на тебя за то, что ты был так груб, то ты ошибаешься. Я уже решила простить тебя, — сказала она с очаровательной улыбкой. — Я не очень терпелива, но если надо набраться терпения, чтобы порадовать тебя, то я приложу все силы...

— Нет, дорогая, это я слишком нетерпелив, — проговорил Эван.

Бьянке не терпелось расспросить мужа о доме покойной Сары Маршалл, но она все же решила, что сначала сама осмотрит дом. Прижавшись к Эвану, она прошептала:

— Дорогой, мы не должны допускать, чтобы что-то стояло между нами. Ведь ничто не сможет разлучить нас, правда?

— Любимая, я никому не позволю разлучить нас. — Подхватив жену на руки, Эван опустил ее на постель и принялся срывать с себя одежду.

Бьянка, глядя на мужа, с трудом удерживалась от смеха.

— Милый, я не засну и не покину эту постель, так что тебе не следует так торопиться.

В следующее мгновение Эван стащил с себя рубашку и, отбросив ее в сторону, присоединился к своей очаровательной жене. Обнажив грудь Бьянки, он принялся покрывать ее поцелуями и легонько покусывать прелестные нежно-розовые соски. На мгновение приподняв голову, он прошептал:

— Ты бесподобна на вкус, вся такая сладкая... Эван снова стал ласкать жену, но тут Бьянка неожиданно спросила:

— Милый, а я тоже могу целовать тебя везде? — И она слегка прикоснулась кончиками пальцев к его возбужденной плоти.

Эван уставился на Бьянку в изумлении. Наконец пробормотал:

— Да, если ты сама этого хочешь.

— Хочу, — ответила она с лукавой улыбкой. И, тотчас же толкнув мужа на подушки, начала целовать его живот и бедра. Наконец губы ее коснулись пульсирующей плоти Эвана, и Бьянка почувствовала, что в нем бушует пламя страсти, рвущееся наружу. На мгновение отстранившись, она уселась верхом на мужа и тут же ощутила, как в ее лоно проникает его тугая плоть.

Утром Эван уехал на верфь, и Бьянка сразу же написала записку Найджелу Бланшару чтобы узнать, продается ли еще имение Сары Маршалл. Она пригласила его приехать к ней, чтобы они могли обсудить этот вопрос, причем просила сохранить разговор в тайне. На следующий день Найджел приехал, и Виола проводила его в гостиную, где уже ждала Бьянка. Она тут же заговорила о деле:

— Благодарю вас, что сумели так быстро откликнуться на мою просьбу. Если дом, о котором вы говорили, не продан, я хотела бы взглянуть на него.

— После нашей с вами беседы, миссис Синклер, я его никому не предлагал. Как раз сегодня я свободен, так что вы могли бы прямо сейчас взглянуть на дом.

Бьянка была уверена, что ей нечего опасаться, поэтому утвердительно кивнула:

— Подождите минутку. Я сейчас переоденусь, а Натан пока оседлает мою кобылу. Я не задержу вас.

— Не беспокойтесь, миссис Синклер, я сегодня не занят, — улыбнулся Найджел, подходя к окну.

Вскоре у порога появилась Бьянка в прелестной зеленой амазонке.

— Мистер Бланшар! — окликнула она его. — Я готова.

Найджел поспешно отошел от окна.

— Как я уже говорил вам, миссис Синклер, имение весьма обширное, и оно тоже расположено у реки Джеймс. Возможно, вы с Эваном проезжали мимо него во время ваших прогулок.

— Муж никогда не упоминал о нем, — ответила Бьянка.

Они вышли из дома, и Найджел помог Бьянке сесть в седло. Натан с недоумением смотрел им вслед: он не понимал, почему жена мистера Синклера отправилась на прогулку с банкиром.

Добравшись до имения Маршаллов, они свернули на широкую аллею, обрамленную величественными дубами. В конце аллеи, на невысоком холме, стоял трехэтажный кирпичный особняк, увенчанный мансардной крышей с окошками. Портал здания поддерживался греческими колоннами, под балконом второго этажа находился величественный парадный вход. Проводив Бьянку к двери, Найджел ненадолго задержался, чтобы она могла полюбоваться окрестностями.

— Вид на реку замечательный, не правда ли?

Бьянка попыталась скрыть свой восторг, но безуспешно. Едва взглянув на дом, она поняла, что он прекрасен.

— Да, конечно. Я привыкла к морю, но воды реки Джеймс тоже великолепны.

В просторной прихожей находилась ведущая наверх широкая лестница, и Найджел тут же заговорил о ее достоинствах:

— Эта лестница из местной древесины, из ореха и сосны — настоящее произведение искусства. Да и все в доме устроено наилучшим образом. Давайте осмотрим первый этаж, а потом поднимемся наверх.

Они осматривали комнату за комнатой, и Бьянка лишь кивала в ответ на замечания Найджеля. Наконец, опасаясь, что он взвинтит цену, сказала:

— Дом, конечно, прекрасный, мистер Бланшар, но он потребует значительного ремонта.

— Это верно, но усилия не будут напрасными. А теперь давайте поднимемся на третий этаж, чтобы оттуда осмотреть все имение. Во времена Аарона Маршалла тут была очень доходная табачная плантация, но Сара, оставшись одна, не смогла найти честного управляющего и в последние годы жизни вынуждена была отказаться от плантации. Это была серьезная ошибка, и доходы Сары резко снизились. Отсюда вам не видны хозяйственные пристройки. Конечно, все они нуждаются в значительном ремонте, что я честно признаю, но доход от вашего первого урожая табака покроет расходы и еще принесет немалую прибыль. Помещение для рабов придется перестроить, но...

— Прошу прощения, мистер Бланшар, но мой муж никогда не станет использовать труд рабов. Об этом не может быть и речи.

— Неужели мне нужно снова просить вас, чтобы вы называли меня Найджелом? — улыбнулся молодой человек. — Я прекрасно знаю, что Эван, руководствуясь моральными соображениями, выступает против рабства, но он просто не сможет содержать этот дом без доходов от продажи табака. Я уверен: когда он взглянет на дело с экономической точки зрения, то поймет, что нужно сделать.

— Вы полагаете, что Эван поступит своими убеждениями ради материальной выгоды? — спросила Бьянка, уверенная в том, что ее муж — слишком порядочный человек, чтобы использовать труд рабов.

Найджел тотчас понял, что совершил ошибку. Он взял Бьянку за руку и с улыбкой проговорил:

— Я просто рассчитываю, что Эван купит этот дом, чтобы порадовать вас. Если он действительно вас любит, то так и поступит. А как Эван будет вести хозяйство — его дело, моя дорогая.

Возмущенная бесцеремонностью Найджела, Бьянка повернулась к двери. Судя по всему, у нее был только один выход — оставить мечты об этом доме, потому что она не собиралась ставить мужа в неловкое положение.

— Я бы хотела вернуться домой, — сказала она. — Нет смысла здесь оставаться, поскольку меня это больше не интересует.

Бьянка вышла из комнаты и направилась к лестнице. Найджел нагнал ее на площадке и, улыбаясь, снова взял за руку.

— Бьянка, вы не должны вести себя, как капризный ребенок. Вы можете заставить Эвана сделать все, что пожелаете. Ведь совершенно ясно, что вы хотите купить этот дом.

— Вовсе нет! И немедленно отпустите меня, я хочу уехать!

Желая спуститься, Бьянка попыталась оттолкнуть Найджела, но, не удержавшись на ногах, покатила по ступеням. Потеряв сознание от удара, она осталась лежать у подножия лестницы.

Найджел в ужасе бросился вниз. Присев подле Бьянки, он дрожащими руками нащупал ее пульс. Убедившись, что она жива, Найджел с облегчением вздохнул, но тотчас понял, что оказался в чрезвычайно неприятной ситуации. Ведь Эван, несомненно, обвинит его в этом ужасном происшествии. И он действительно был виновен, хотя и не сталкивал Бьянку с лестницы. Взглянув на жену Синклера, Найджел увидел, что под ее левым глазом уже расплылся огромный синяк. Кроме того, у нее была разбита губа и не исключались более серьезные повреждения.

— Боже милостивый, как же я доставлю ее домой?! — в отчаянии воскликнул Найджел. И тут же вспомнил, что у Сары Маршалл имелась карета. Выскочив из дома, Найджел бросился к конюшне.

— Негодяй! — закричал Эван, схватив Найджела Бланшара за лацканы бархатного сюртука.

Найджел, хотя и перепугался до смерти, все же понял, что ему еще повезло — ведь разгневанный Синклер мог бы задушить его голыми руками. Найджел доставил Бьянку домой в карете Сары Маршалл. При этом оказалось, что кобыла Бьянки не привыкла к тому, чтобы ее запрягали в карету, и Найджелу пришлось вести ее под уздцы.

— Это был несчастный случай, Эван! — повторял он снова и снова.

— Моя жена не могла сама упасть с лестницы! Придется дожидаться, когда она расскажет мне правду. — Эван прижал несчастного банкира к стене и с угрозой в голосе проговорил: — Если она серьезно пострадала, ты мне за это ответишь!

Найджел, судорожно сглотнув, полез в карман за запиской Бьянки. Он благодарил Бога за то, что сохранил это послание.

— Ты не понимаешь, Эван. Бьянка послала за мной. Мы поехали в дом Маршаллов только потому, что она попросила меня отвезти ее туда. Можешь сам прочитать.

Эван пробежал глазами записку и убедился, что Найджел говорил правду.

— А как она узнала об имении Маршаллов? — спросил он.

— Ну... я, кажется, упомянул о нем, когда вы были у нас в гостях. Да, уверен, что это было именно тогда, — пробормотал Найджел.

— Зачем тебе понадобилось говорить с моей женой об имении Маршаллов? — насторожился Эван.

— Я полагал, ей захочется иметь собственный дом, и, конечно, советовал обсудить этот вопрос с тобой. Именно об этом мы и говорили, когда она упала. Но я не уговаривал ее купить дом без твоего согласия.

Эван пристально взглянул на банкира.

— Ты лжешь, — сказал он, — но я все равно узнаю, что произошло, когда поговорю с Бьянкой. А сейчас убирайся, пока я не расправился с тобой прямо здесь.

Найджел, не сказав ни слова, выбежал из дома и увидел, что его лошадь уже выпрягли из кареты и оседлали. Вскочив в седло, он во весь опор поскакал домой.

Эван же, все еще сжимая в руке записку Бьянки, уселся на ступеньки лестницы. Он почти не сомневался в том, что у Найджела не хватило бы смелости совершить насилие над Бьянкой, — иначе он не выпустил бы этого негодяя из дома. Нет, Найджел был не из тех, кто берет женщину силой, скорее всего он просто пытался посорить его с женой.

Вскоре приехал доктор Стаффорд. Тщательно осмотрев Бьянку, он не обнаружил никаких переломов и сказал, что ей нужно лишь полежать несколько дней, — синяки же и ссадины опасности не представляли. Перед уходом доктор решил задать тревоживший его вопрос:

— Вы замужем уже несколько месяцев, миссис Синклер. Скажите, вы не беременны? Из-за подобного падения может случиться выкидыш.

Глаза Бьянки наполнились слезами, и она покачала головой:

— Нет, не беременна, я уверена в этом. Эван подошел к жене и взял ее за руку.

— Раз выкидыш не грозит, могут ли быть какие-то иные осложнения? Я хочу быть уверенным в том, что Бьянке будет обеспечен наилучший уход.

Джон Стаффорд ненадолго задумался, потом сказал:

— Синяки пройдут со временем, но повторяю: я бы хотел, чтобы вы провели несколько дней в постели, моя дорогая. У вас, конечно же, случилось легкое сотрясение мозга, и вам следует отлежаться. Я оставлю опийной настойки, если вам будет трудно заснуть, а завтра снова навещу вас. Если же вдруг начнутся боли, немедленно посылайте за мной. Моя жена всегда знает, где я нахожусь, и она тотчас же разыщет меня.

Бьянка в смущении посмотрела на мужчин.

— Я очень сожалею, что вызвала такую панику, — пробормотала она. — Через день-два я поправлюсь, так что не надо из-за меня беспокоиться.

Джон Стаффорд вручил Эвану опийную настойку и проговорил:

— Хотел бы я, чтобы все мои пациенты были так же уверены в скором выздоровлении, миссис Синклер. А теперь, если позволите, я перед отъездом загляну к Марион.

— Еще раз спасибо за то, что так быстро приехали, Джон. — Эван проводил доктора до двери и тут же вернулся к жене.

Обрадовавшись неожиданному визиту доктора, Марион приподнялась в постели.

— Я так тревожусь из-за моей невестки, Джон. Она поправится? — Марион, уже узнавшая, что произошло с Бьянкой, очень надеялась на то, что та не доживет до утра.

— Конечно, поправится. Она молода и здорова, так что через неделю уже будет на ногах. Кстати, повторяю: вам необходимо покинуть постель и опять стать хозяйкой дома, нужно начинать жить.

Марион нахмурилась:

— Но у меня едва хватает сил сидеть. Я не смогу заниматься хозяйством, как прежде, Джон.

У доктора был трудный и утомительный день, он был голоден, и ему хотелось побыстрее откланяться.

— Ну тогда вставайте хотя бы на один час каждое утро. И помогайте Виоле составлять меню. А также проследите за чисткой серебра... и вообще, делайте что хотите, но обязательно займитесь хозяйством. Пригласите друзей на чай, как бывало раньше. Я уверен, что встреча с ними не утомит вас, вы только почувствуете себя лучше. — С этими словами доктор попрощался и поспешно покинул спальню Марион.

Бьянка провела очень беспокойную ночь. Когда ушел доктор, она задремала, но вскоре проснулась. После этого несколько раз засыпала, однако ненадолго, поэтому утром чувствовала себя так, словно вовсе не спала. Эван же, все время находившийся рядом с женой, всю ночь не смыкал глаз, и он сразу же услышал стук в дверь. Открыв, увидел у порога мать и уставился на неё в изумлении.

— Да, но... — Эван не верил собственным глазам. Щеки Марион порозовели, глаза блестели, более того, она улыбалась той прежней улыбкой, которую он так любил и которую не видел со дня возвращения домой. — Ты уверена, что можно вставать?

— Абсолютно. Джон уже несколько месяцев твердит мне о необходимости покинуть постель и заняться домашними делами. Мне давно пора последовать его совету. Сейчас, когда Бьянка не может вставать, тебе потребуется помощь, и я тебе помогу.

Эван обернулся и увидел, что Бьянка снова проснулась и наблюдает за ними.

— Я не хочу показаться неблагодарным, мама, но...

— О, я знаю, как ужасно вела себя! Не надо напоминать мне об этом. Сейчас я пойду и скажу Виоле, чтобы она подала вам завтрак. — Марион, пряча торжествующую улыбку, поспешно покинула комнату сына. Теперь она знала, что делать. Сначала она поможет Бьянке набраться сил, а уж потом позаботится о том, чтобы эта распутница отправилась в свою Венецию.

— Неужели это была твоя мать? — спросила Бьянка, когда Эван вернулся к ней.

— Да, она, кажется, считает, что мы нуждаемся в ее помощи. Я ничего не понимаю, но все же не буду спорить с ней, поскольку впервые после возвращения вижу ее в добром здравии.

Бьянка вспомнила о своей неудачной попытке поговорить с Марион.

— Только не оставляй меня с ней наедине, — тихо прошептала она.

Эван сел на край постели и взял жену за руки.

— Я не оставляю тебя даже на минуту. Тебе сегодня получше? Ты можешь ответить на мои вопросы? Я не был в доме Маршаллов много лет, но помню, что лестница там не очень крутая.

— И все же я упала, — пробормотала Бьянка. — А что ты сделал с Найджелом? — спросила она, в испуге глядя на мужа.

— Пока ничего. Но если ты упала из-за него, он за это ответит! — заявил Эван.

Опасаясь, что Найджел потребует арестовать Эвана, если тот осуществит свою угрозу, Бьянка ответила:

— Мы спорили, и оба были невнимательны, когда спускались. Разве он не сказал тебе об этом?

— Да, он говорил что-то в этом роде. Я только сожалею, что не знал о том, что тебя интересует дом Маршаллов. Если бы я поехал туда с тобой, ничего бы не случилось.

Бьянка со слезами на глазах проговорила:

— Я просто хотела, чтобы у нас появился свой дом, где мы могли бы быть счастливы, Эван, вот и все.

Эван склонился над женой, осушая поцелуями ее слезы.

— Мы еще будем счастливы, любовь моя, я обещаю тебе. Сейчас главное, чтобы ты поправилась. А потом решим, где нам лучше жить. И не надо так плакать. Скоро все у нас будет хорошо, гораздо лучше, чем прежде. Я в этом абсолютно уверен.

— Я просто ужасно устала, — прошептала Бьянка.

— Поспи, дорогая, а я буду рядом. — Эван вышел в свою комнату, переоделся, а затем провел весь день у постели жены.

Вечером заехал Джон Стаффорд. Осмотрев Бьянку, доктор нашел ее состояние удовлетворительным, однако добавил:

— Чтобы побыстрее поправиться, вам необходимо хорошо питаться. И я настаиваю: вы должны оставаться в постели по меньшей мере неделю.

Эван заверил доктора, что проследит за питанием жены, и, проводив его до двери, вернулся к постели.

— Так что же ты думаешь о доме Маршаллов? — спросил он. — Насколько я помню, это был прекрасный особняк.

— Мне не следовало ездить туда, Эван. — Бьянка снова прослезилась. — Может, нам просто забыть об этом?

Эван в задумчивости проговорил:

— Но меня действительно интересует твое мнение... Нельзя ли привести этот дом в порядок?

— Если он тебе понравится... — пробормотала Бьянка.

— Понятно, — кивнул Эван. — Пожалуй, завтра я попрошу Найджела показать мне его, чтобы составить собственное мнение.

— Ты не сделаешь этого! — воскликнула Бьянка. — Эван, я не хочу, чтобы ты наказывал Найджела. Я так же виновата, как и он.

Эван рассмеялся:

— Ты думаешь, я отвезу его в дом Маршаллов и столкну с лестницы? Найджел, разумеется, заслужил это, но я не собираюсь наказывать его таким образом. — Направившись к двери, он добавил: — А теперь я принесу тебе ужин.

Шейла увидела Эвана, скакавшего к их дому, и бросилась будить брата.

— Проснись, Найджел! — Она схватила его за плечо. — Черт побери, Найджел проснись! Здесь Эван, и я знаю, что он приехал не ко мне. Я задержу его, сколько смогу, но ты сам должен спуститься и поговорить с ним.

— О Боже! — простонал Найджел и накрыл голову подушкой.

Шейла, отшвырнув подушку, закричала:

— Вставай, пьяница, вставай! Он уже стучит в дверь!

Найджел со стоном приподнялся, и Шейла тотчас же выбежала из комнаты и спустилась вниз.

— Ах, Эван, как я рада тебя видеть! Найджел рассказал мне о несчастном случае с твоей женой. Как она себя чувствует сегодня? — Шейла чуть распахнула халат, чтобы была видна ее пышная грудь, едва прикрытая кружевами нижней рубашки.

Не обращая на прелести Шейлы ни малейшего внимания, Эван заявил:

— Скажи своему брату, этому ничтожеству, что я хочу видеть его. — Заложив руки за спину, он с угрозой в голосе добавил: — Даю ему пять минут, чтобы одеться.

— Я уже сказала Найджелу, что ты здесь, потому что увидела тебя в окно, — улыбнулась Шейла. — Но как твоя жена, она не очень пострадала?

— Бьянка скоро поправится. Так где же Найджел? Эван направился к лестнице, но Шейла схватила его за руку.

— Не хочешь пока позавтракать? — спросила она.

— Я уже завтракал, — ответил Эван, ему хотелось побыстрее покончить с делом.

В следующее мгновение на лестнице появился Найджел.

— Как миссис Синклер? — спросил он, сбегая по ступеням.

— Быстро поправляется, спасибо. — Увидев банкира, Эван невольно ему посочувствовал. Глаза Найджела были воспалены, а руки сильно дрожали. — Я бы хотел осмотреть имение Маршаллов. Если это действительно замечательный особняк, как ты говорил Бьянке, то с моей стороны было бы глупо не взглянуть на него.

Найджел с удивлением уставился на гостя.

— О... разумеется, это прекрасное имение, — кивнул он. — Ты хочешь поехать сейчас?

— Вот именно, — улыбнулся Эван.

— Я с удовольствием, — просиял Найджел и с облегчением вздохнул.

Шейла хмурилась, глядя вслед мужчинам. Замысел Найджела явно не удался!

— Ах, ну почему эта мерзавка не свернула себе шею? — воскликнула она.

Шейла бросилась в свою комнату. Захлопнув за собой дверь, она разразилась слезами.

Бланшар не отходил от Эвана, пока они осматривали первый этаж дома. При этом он с увлечением рассказывал о достоинствах имения. Когда же они подошли к лестнице, Найджел вдруг почувствовал, что не может вымолвить ни слова. Эван медленно поднялся по ступеням, потом обернулся и спросил:

— Это здесь Бьянка упала?

— Да, — прошептал Найджел.

Эван осмотрел комнаты, полюбовался видом из окон и вернулся к лестнице.

— Расскажи мне, как она упала, Найджел, — сказал он. — Я хочу знать, как все произошло.

Найджел вытащил платок и вытер испарину со лба. Он не знал, что рассказала Бьянка мужу. Она ведь могла обвинить его в чем угодно — а Эван никогда не усомнился бы в ее словах. Глубоко вздохнув, Найджел заговорил:

— Мы находились в одной из комнат. Я показывал ей хозяйственные постройки, которые можно увидеть из окна, — ты ведь видел их?

— Да-да, продолжай.

— Бьянка сказала, что потребуется серьезный ремонт. Я это признал, но заметил, что табачная плантация приносит хороший доход.

— Это, безусловно, верно, — согласился Эван. — Однако Бьянка сказала, что вы спорили. О чем?

— Ну, пожалуй, это даже нельзя назвать спором, — пробормотал Найджел. — Твоя жена, судя по всему, не представляла, что имение — это не только дом. Когда я заговорил о плантации, она расстроилась и попросила увезти ее. Мы подошли к лестнице, вот сюда, и я посоветовал ей переговорить с тобой.

— Где именно она стояла, когда упала?

— Пожалуй, на первой ступеньке, — пролепетал Найджел.

— А где был ты? — спросил Эван.

— А я стоял вот здесь, все еще на площадке.

Эван взял Найджела за руку.

— Встань на первую ступеньку, чтобы я мог представить ситуацию. — Найджел шагнул на ступеньку — и тут же вцепился в перила. — Если вы беседовали, значит, она обернулась, чтобы посмотреть на тебя, верно?

Найджел кивнул, и глаза его расширились от страха. Он был уверен, что Эван сейчас столкнет его с лестницы.

— Она повернулась, чтобы ответить тебе, и упала. Так все произошло?

— Да, именно так, — ответил банкир с дрожью в голосе. — Это был несчастный случай, Эван, несчастный случай... — Найджел смотрел в глаза Эвана, словно загипнотизированный их золотистым блеском.

— Ну... тогда я должен сказать Бьянке, чтобы она в будущем проявляла осторожность, — проговорил Эван. — Сумма, названная тобой, слишком велика, но я уверен: мы без труда договоримся, если ты снизишь цену.

— Значит, ты хочешь купить имение? — изумился Найджел; он по-прежнему крепко держался за перила.

— Ну да. Это прекрасный дом с хорошими землями. — Эван насмешливо взглянул на

дрожавшего от страха Бланшара. — Тебе нехорошо, Найджел? Ты сегодня очень скверно выглядишь. — Эван начал спускаться по лестнице и оглянулся, лишь дойдя до следующей площадки. — Ну что же, поехали. Возможно, нам под дороге удастся договориться о цене.

Найджел кивнул и пробормотал:

— Какую цену ты назовешь, Эван, на ту я и соглашусь. Церковь будет рада любой сумме.

— Хорошо, тогда я буду считать имение своим, — отозвался Эван.

— Конечно, оно твое, — улыбнулся Найджел; он был ужасно рад, что уцелел, и даже решил пожертвовать церкви свои комиссионные. Банкир знал, что Шейла не одобрит его щедрость, но сейчас ему не было дела до того, что она подумает. — Я должен найти мужа моей несносной сестрице. Нет ли у тебя кого-нибудь на примете?

Оба захохотали, и Эван покачал головой:

— Пока нет, но я непременно подумаю над этим.

Услышав мужские голоса, доносившиеся из комнаты жены, Эван зашагал быстрее. Открыв дверь, он увидел Уилла Саммера и отчима, беседовавших с Бьянкой.

— Уилл, как замечательно, что ты навестил нас. Что, уже весь город узнал о случившемся?

Уильям вскочил со стула и протянул другу руку.

— Об этом ничего не могу сказать. А сам я услышал о происшествии, когда был на верфи сегодня утром.

— Эван, принеси, пожалуйста, еще один стул, — улыбнулась Бьянка. — У нас словно званный вечер.

— Не нужно, Эван, я, пожалуй, отправлюсь в город, — сказал Льюис. Он подошел к постели и легонько сжал руку Бьянки. — Не думаю, что доктор Стаффорд одобрил бы сейчас званный вечер, но я рад, что ты уже улыбаешься.

— Спасибо, что побыли со мной. Так утомительно лежать целый день в постели...

Присев на стул, Эван с улыбкой спросил:

— Уилл тебя хорошо развлекал? Или ты скучала без меня?

— А твой лучший друг не обидится, если я скажу, что скучала в его обществе? — ответила Бьянка со смехом. — Мы так весело провели время, что я почти не заметила твоего отсутствия.

— Значит, тебе уже лучше? — с надеждой в голосе спросил Эван.

Бьянка прикрыла рот ладонью, чтобы скрыть зевок.

— Да, мне гораздо лучше, — солгала она. Голова у нее по-прежнему болела, да и спина тоже. Хотя она была рада повидать Уилла, визит утомил ее, и она надеялась, что он не затянется.

— Думаю, моей жене пора поспать, Уилл, — сказал Эван. — Давай зайдем ко мне на несколько минут. Мне нужно с тобой договорить.

Эван встал, поцеловал Бьянку и вместе с другом отправился в соседнюю комнату. Но дверь оставил чуть приоткрытой — на случай, если Бьянка позовет его.

— Мы не побеспокоим ее? — спросил Уилл, оглянувшись на дверь.

— Не думаю. Она сейчас много спит, но я все равно не хочу оставлять ее одну. Сегодня я возил Найджела в дом Маршаллов, чтобы он показал, как все произошло. Я не совсем удовлетворен его объяснениями, он что-то слишком нервничает. Но раз Бьянка все время твердит, что упала случайно, у меня нет оснований наказывать Найджела. Итак, что же ты хотел мне сообщить?

— Понимаешь, мне бы не хотелось сейчас оставлять Лили одну. Конечно, если ты собираешься отправить «Феникс» в плавание, я с радостью соглашусь. Но я надеялся, что для меня найдется работа на верфи, чтобы я мог остаться в городе по крайней мере до весны.

Эван кивнул и, понизив голос, сказал:

— Я покупаю имение Маршаллов, Уилл. Хочу, чтобы у Бьянки был свой дом. Она стойко выдержала непростую ситуацию в этом доме, но я думаю, нам всем будет лучше, если мы с ней переедем. Потребуется серьезный ремонт, а для этого — старший мастер, чтобы руководить работами. Ты бы взялся за это дело?

Уилл ответил, даже не задумываясь:

— Конечно! Вот уж не думал, что ты когда-нибудь превратишься в землевладельца и фермера.

Эван решительно покачал головой:

— Нет, я не собираюсь ничего выращивать. Оставлю часть земли вокруг дома для парка, а остальные земли продам. И я не стану владельцем табачной плантации. У меня просто будет прекрасный дом и, надеюсь, хорошие соседи.

— Эван... — Уилл был так возбужден, что не знал, с чего начать, — Эван, понимаешь, Лили очень хочется иметь небольшой домик, но вряд ли у меня когда-нибудь появятся деньги, чтобы купить его. Ты не мог бы продать мне несколько акров земли? Я ведь тоже не фермер, но мне бы хотелось, чтобы у Лили было собственное жилье, когда я уйду в море.

— Дай мне несколько дней — оформить купчую. Потом мы осмотрим все имение, и ты сможешь выбрать себе землю. Я уверен, что твоя работа у меня покроет и стоимость земли, и строительство дома.

— Но я не могу согласиться на это, Эван. Ты всегда был так щедр, и мне никогда не удастся отплатить тебе за все, что ты сделал для меня.

Понимая, что невольно смутил друга, Эван сказал:

— Послушай, Уилл, у тебя впереди вся жизнь, чтобы расплатиться за оказанные тебе услуги. К тому же я уверен, что мне еще не раз понадобится твоя помощь. И для меня это просто выгодная сделка. Ты сделаешь мне одолжение, взяв один из участков, — тогда я не буду окружен одними фермерами.

Уилл улыбнулся:

— Неужели ты думаешь, что я поверю тебе?

— Но я говорю правду. Раз ты так увлечен Лили, спроси у нее, что она думает по этому поводу. Уверен, что моя идея ей понравится. Кстати... Ты что, собираешься на ней жениться?

Уилл долго молчал. Наконец ответил:

— Она временами так беспомощна... Просто не представляю, как она раньше обходилась без меня. Но я не уверен, что женитьба — лучшее решение для нас обоих. Она ведь может испытывать ко мне лишь чувство благодарности, а я не этого хочу от жены.

— А чего же ты хочешь? — улыбнулся Эван.

— Думаю, что со временем пойму, — ответил Уилл с усмешкой. — А пока я бы хотел построить дом для Лили.

— Вот и прекрасно! — кивнул Эван. Провожая друга, он сказал, что даст знать, когда они смогут отправиться в имение Маршаллов.

Возвращаясь в дом, Эван поднял голову и увидел в окне свою мать — она находилась в комнате Бьянки. Бросившись наверх, он ворвался к жене, и Марион тотчас же начала отчитывать его:

— Как же ты услышишь, что жена зовет тебя, если будешь беседовать со своими друзьями у конюшни? Право же, Эван, ты должен был сказать мне, что уходишь. Я бы с удовольствием посидела с Бьянкой. — Мило улыбнувшись, Марион ушла, а спящая Бьянка так и не узнала, что у нее побывала посетительница, незаметно прихватившая с собой бутылочку с опийной настойкой.

Марион вскоре придумала, как использовать украденную настойку. Последовав совету Джона Стаффорда, она стала часто заходить на кухню, где могла без труда добавлять настойку в заварной крем, который готовили для Бьянки. Марион знала: в результате

выздоровление Бьянки затянется, так что можно будет выиграть время, необходимое для того, чтобы усыпить бдительность сына и нанести удар посильнее.

Доктор, ежедневно заезжавший к Синклерам, удивлялся своим пациенткам: выздоровление Марион Грей казалось чудом, а вот Бьянка, напротив, приходила в себя слишком уж медленно. Она очень много спала, и у нее по-прежнему не было аппетита — ей хватало одной-двух ложек, чтобы насытиться.

Эван очень тревожился за жену. После очередного визита доктора он вывел его за дверь и спросил:

— Вы можете сказать, почему Бьянка так медленно поправляется? Я заставляю ее есть, если вы думаете, что причина только в питании. Но может быть, у нее что-то более серьезное?

Доктор беспомощно развел руками:

— Возможно, вам следует показать ее еще кому-нибудь, если до конца недели не наступит улучшение.

Эван сердито нахмурился:

— Джон, у нас здесь нет лучшего доктора, чем вы. И я доверяю вам...

Стаффорд вновь развел руками:

— О... поймите меня правильно. Просто я пока не понимаю, что с ней...

Эван еще долго стоял на площадке лестницы — он был так расстроен, что не хотел возвращаться к Бьянке, пока не возьмет себя в руки. Марион, заметив сына, подошла к нему.

— Эван, что-то случилось? — спросила она.

— Бьянке сегодня несколько не лучше, мама. Сначала она вроде бы пошла на поправку, но в последние несколько дней стала слабеть.

— Возможно, она переутомилась, Эван, когда приезжал твой друг Уилл. Они так смеялись, а ведь Бьянка еще недостаточно окрепла для визитов. Ведь именно после этого визита ей стало хуже, я не ошибаюсь? Пожалуй, и ты ее утомляешь своим постоянным присутствием. Она, безусловно, не хочет, чтобы ты так беспокоился из-за нее, поэтому нервничает. Я уверена: если ты завтра уедешь на несколько часов с утра, Бьянка сможет как следует отдохнуть и ты увидишь улучшение, как только вернешься домой.

— Но я не хочу оставлять ее, мама, — возразил Эван.

— А почему бы тебе не спросить у нее? — предложила Марион. — Я уверена, что Бьянка сама знает, что для нее лучше.

— Я уже знаю, что она ответит, если я задам ей такой вопрос. Она скажет, что прекрасно побудет и одна.

— Так отчего же ты не веришь ей?

— Я поговорю с ней об этом утром, мама. У меня накопились дела, и я наконец смогу заняться ими, если Бьянка действительно хочет отдохнуть в одиночестве.

— Да, пусть она сама решит, как ей лучше. Марион поцеловала сына в щеку и удалилась в свою комнату, где едва сдержалась, чтобы не закричать от радости. Если Эван и в самом деле оставит жену утром одну, она как следует поговорит с девочкой. Она также перестанет подливать опийную настойку в заварной крем, чтобы Бьянка побыстрее поправилась. Если повезет, эта венецианка уберется из их дома еще до конца недели. Марион была в восторге от собственной изобретательности; теперь-то она наконец почувствовала, что выздоравливает.

— Ответь мне честно, Бьянка... Тебе не хочется оставаться одной или ты желаешь отдохнуть в одиночестве? — спросил Эван с улыбкой.

Вопрос мужа испугал Бьянку. Она решила, что стала обузой, что из-за нее Эван забросил все свои дела.

— Мне хорошо с тобой, Эван, ты ведь знаешь. Но если ты уедешь, я просто подремлю и не успею даже соскучиться.

Эван наклонился и поцеловал жену в губы.

— Я попрошу Виолу почаще заглядывать к тебе. Или, если хочешь, с тобой посидит Матти.

— Нет, я побуду одна, — ответила Бьянка. Зевнув, она поудобнее устроилась на подушках. — Обещай, что разбудишь меня, когда вернешься, хорошо?

— Да, обещаю. Я скоро вернусь.

— Не торопись, у меня все будет прекрасно. Еще раз поцеловав жену, Эван заставил себя уйти.

Затем зашел на кухню и велел Виоле почаще наведываться в комнату Бьянки. В кухне в это время находилась и Марион, пробовавшая сладкий крем. Эван задержался, чтобы поцеловать мать.

— Не волнуйся, Эван, — сказала она. — Мы тут обо всем позаботимся. Оставайся в городе столько, сколько захочешь.

Эван не собирался ехать в город, однако не сказал об этом матери. Он только Уиллу сообщил о своей покупке и сейчас еще раз хотел осмотреть имение, прежде чем отвезти туда друга.

— Будем надеяться, что Бьянке станет лучше, мама. — С этими словами Эван покинул дом.

Марион позволила Виоле один раз провести Бьянку, а потом сама отправилась наверх. Молодая женщина спала. Прежде чем разбудить ее, Марион взяла дневник Чарльза и аккуратно сложенный платок с вышитой на нем буквой «А», который обнаружила между страницами. Поставив стул у постели, она села и взяла Бьянку за руку.

— Моя дорогая, просыпайся. У нас есть несколько минут, чтобы поговорить наедине, и я должна сказать тебе нечто очень важное.

Бьянка вздрогнула и тут же проснулась.

— Доброе утро, — сказала она с робкой улыбкой.

— У нас не очень много времени, так что ты должна слушать меня внимательно, — проговорила Марион. — Я была слишком больна, чтобы встретить тебя подобающим образом, когда Эван привез тебя. Теперь же я надеюсь, что мы станем подругами. Но прежде ты должна узнать правду, почему ты здесь.

Пристальный взгляд Марион и ее загадочные слова смутили Бьянку.

— Я здесь потому, что я жена Эвана и он любит меня. Какая еще может быть правда?

— Именно это я и хочу тебе объяснить! — воскликнула Марион. — Эван сказал мне, что ты не знала Чарльза. Странно... ведь он так любил тебя. Вот, позволь мне прочитать тебе несколько страниц из его дневника. Это последние записи, сделанные им перед смертью. — Марион все время вглядывалась в лицо Бьянки, чтобы убедиться, что та слушает внимательно. — Чарльз замечательно описал тебя, разве не так? Твои волосы похожи на тончайшие золотые нити, а глаза сияют, словно изумруды. Ты показалась бы богиней любому молодому человеку с такой поэтической душой, как у моего Чарльза. Да, вы были бы

замечательной парой, но, увы, у тебя, оказывается, было столько поклонников, что ты даже не помнишь его имени.

— Миссис Грей, ваш сын был прекрасным молодым человеком, но я совершенно уверена в том, что мы никогда не встречались.

— Знала ты Чарльза или нет — это уже не имеет значения, моя дорогая. Важно то, что он жизнью заплатил за любовь к тебе. Когда Эван весной отправился в Венецию, чтобы найти тебя, мне даже в голову не приходило, что он привезет тебя сюда. Боюсь, что я очень плохо относилась к тебе, однако теперь ты, конечно, понимаешь, почему мне так не хотелось принимать тебя в нашу семью. Но раз Эван простил тебя, то я решила поступить так же и надеюсь, что мы станем подругами.

— Вы хотите сказать, что Эван считал меня причастной к убийству Чарльза?! — воскликнула Бьянка.

Марион понизила голос до шепота:

— Это было не просто подозрение. Эван прочитал дневник Чарльза и понял, что его смерть — на твоей совести. Он отправился в Венецию только для того, чтобы отомстить. А как лучше всего отомстить? Жениться на женщине, из-за которой убили брата. Хотя Чарльз не завоевал твоего сердца, зато это удалось Эвану, правда ведь?

Бьянка едва не задохнулась от гнева.

— Нет, я вам не верю! Ни один мужчина не может быть таким жестоким и хладнокровным!

— О, мой сын вовсе не хладнокровен, — возразила Марион. — Напротив, он очень горяч! — Вытащив платок из кармана, она развернула его, чтобы показать Бьянке. — Найти тебя было нетрудно, моя дорогая. Ведь твоя девичья фамилия Антонелли, не правда ли?

Бьянка со слезами в глазах смотрела на платок.

— Нет-нет, здесь, должно быть, какая-то ужасная ошибка, — прошептала она.

— Единственная ошибка состоит в том, что Эван не рассказал тебе о подлинных причинах своего поступка. Я умоляла его сказать тебе правду, но он отказался. Мне кажется, что мужчине не подобает скрывать от жены подобные тайны, не правда ли? Впрочем, ты и сама бы вскоре обо всем узнала, я не сомневаюсь в этом.

Слезы катились по щекам Бьянки. Откинувшись на подушки, она вспоминала встречи с Эваном в Венеции. Он казался ей тогда таким искренним... Неужели его чувства были притворством? Эта мысль причиняла невыносимую боль.

— Миссис Грей, прошу вас, уйдите, — прошептала Бьянка. — Я бы хотела остаться одна.

— Моя дорогая, ты не должна себя так изводить, иначе тебе станет еще хуже. Эван простил тебя, мы все простили. Я бы не сказала тебе сегодня правду, если бы знала, что ты так тяжело воспримешь ее. — Марион медленно поднялась, скрывая насмешливую улыбку. Наклонившись, она вложила платок в дрожащие руки Бьянки. — Вот, возьми, он может тебе понадобиться, а я и так хорошо помню моего дорогого Чарльза.

Марион ушла, а Бьянка вновь вспомнила встречи с Эваном в Венеции; теперь он казался ей совершенно другим человеком. При первой встрече он был не очень-то любезен — очевидно, не сумел скрыть свои истинные чувства и невольно выдал себя. Но она была слишком увлечена этим человеком и поверила его лживым словам при следующих встречах. Сейчас-то ей стали понятны резкие перепады в его настроении во время плавания. Он просто нуждался в женщине, но, должно быть, чувствовал себя так, словно обнимал

отвратительную змею. Однако страсть его постепенно превратилась в нежность, и Эван полюбил ее, хотя и считал виновной в смерти брата. Со временем же он простил ее — чтобы она стала достойной его любви.

Бьянка в задумчивости вертела платок и смотрела на искусно вышитую букву «А». Ткань все еще хранила аромат духов какой-то женщины, прекрасной женщины с золотистыми волосами и яркими зелеными глазами. Но Бьянка впервые видела этот платок, у нее никогда таких не было. И теперь она гадала: как поступит Эван, когда поймет, что, пытаясь отомстить за смерть брата, женился на другой женщине?

Когда Эван вернулся, Бьянка, измученная слезами, так крепко спала, что он не решился будить ее и отправился в свою комнату. Сейчас ему казалось, что мать была права, когда утверждала, что Бьянке для скорейшего выздоровления нужен полный покой. Но все же ему хотелось находиться с ней рядом, пусть даже в соседней комнате.

Бьянка проснулась лишь под вечер. Эван тотчас же попытался поговорить с ней, но она отвечала на его вопросы с явной неохотой и, казалось, о чем-то размышляла. В конце концов, не выдержав, он спросил:

— Что с тобой, дорогая? Тебя ведь уже не мучают головные боли?

— Уже нет, — ответила Бьянка.

— Этот синяк под глазом едва заметен, а остальные и вовсе сошли, — продолжал Эван, не понимая, почему жена чувствует себя гораздо хуже, чем выглядит.

— Я знаю, что выздоравливаю слишком медленно! — воскликнула Бьянка, потрянув золотистыми локонами. — Мне очень жаль, Эван... Я думала, что поправлюсь гораздо раньше.

Удивленный внезапной вспышкой жены, Эван решил, что лучше оставить Бьянку одну и зайти попозже, когда ее настроение улучшится. Заставив себя улыбнуться, он сказал:

— Я, пожалуй, сегодня поужинаю внизу, если ты не против. Ты побудешь одна?

— Да, конечно, — кивнула Бьянка; она смотрела вслед мужу, не зная, правильно ли поступила, не рассказав о разговоре с Марион. Когда же Эван снова вошел в ее комнату, Бьянка притворилась спящей, ей не хотелось говорить с ним сейчас — ведь она еще ничего не решила... Однако она чувствовала, что ей нужно поговорить с человеком, которому можно довериться, который поймет ее и поможет во всем разобраться. Вот только с кем же ей поговорить? С Марион? С Льюисом? И тут Бьянка вспомнила об Уильяме, предлагавшем ей дружбу. Да, конечно! Уилл прекрасно знает Эвана, он должен сказать ей правду. Бьянка решила, что отправится в город, как только сможет встать с постели. С этой мыслью она и заснула.

Вскоре ей действительно стало гораздо лучше — было очевидно, что она выздоравливает. Но Бьянка держала это в секрете и, хотя уже не проводила все время в постели, по-прежнему оставалась в своей комнате. И вот однажды утром Эван сообщил, что проведет весь день на верфи; Льюис же отправился на склад. Как только Марион ушла отдохнуть после ленча, Бьянка спустилась вниз и, вызвав Натана, велела ему отвезти ее в город. Натан удивился, однако не осмелился ослушаться и отвез Бьянку к гостинице «Морская жемчужина».

— Я недолго, Натан. Подожди меня здесь, пожалуйста, — сказала она и вошла в скромную гостиницу. Хотя Бьянка уже значительно окрепла, от волнения у нее кружилась голова, и ей пришлось вцепиться в стойку, чтобы не упасть. — Мне нужен Уильям Саммер. Где его найти?

Рэйчел Келли в изумлении уставилась на посетительницу — она впервые видела в своем заведении такую красивую и прекрасно одетую даму.

— Капитан в двенадцатом номере, только я не знаю, у себя ли он.

Бьянка нервно закусил губу.

— Я поднимусь и посмотрю. Он сказал мне, что если я не застану его, то могу оставить

для него записку.

— Да, я храню его почту, — сказала Рэйчел с улыбкой; ей очень хотелось прочитать записку этой красавицы.

Бьянка поднялась по лестнице и осторожно постучала в дверь. Затем снова постучала — уже более настойчиво. Несколько секунд спустя дверь открыла миниатюрная блондинка.

— О, простите, мне сказали, что мистер Саммер живет в двенадцатом номере, — пробормотала Бьянка, решив, что ошиблась.

— Да, это его комната, — ответила Лили, пораженная красотой незнакомки. Отступив в сторону, она добавила: — Не хотите ли войти и подождать? Он, наверное, скоро придет.

Изумленная тем, что Уилл живет в одной комнате с молодой женщиной, Бьянка проговорила:

— О, у меня нет времени. Но если у вас есть бумага и чернила, я бы оставила ему записку.

— Бумага и чернила на письменном столе, — сказала Лили. — А я живу в соседнем номере. Я знала, что мистера Саммера нет, вот и решила открыть. — Девушка вернулась в свою комнату и закрыла за собой дверь.

Бьянка же, усевшись за стол, ненадолго задумалась. Затем написала Уиллу короткую записку с просьбой приехать поскорее. Она напомнила капитану о том, что он предлагал ей свою помощь, и попросила держать ее визит в тайне. Подписавшись только именем, Бьянка оставила записку на столе и вышла из комнаты. Быстро спустившись по лестнице, она кивнула Рэйчел и покинула гостиницу. А по дороге домой она заставила Натана поклясться, что тот никому не скажет, что возил ее в гостиницу.

Лили слышала, как закрылась дверь за гостьей Уилла, и, не в силах сдержать любопытство, вошла в его комнату. Она прочла записку и тотчас вспомнила, что Уилл говорил только об одной женщине по имени Бьянка — о миссис Синклер. Было очевидно, что прекрасная Бьянка Синклер попала в беду и теперь надеется, что Уилл поможет ей. Озадаченная столь странной просьбой Бьянки, Лили со вздохом отошла к окну. Она нисколько не сомневалась, что такой человек, как Эван Синклер, никому не позволит вмешиваться в его дела. Лили повернулась, услышав, как Уилл вошел в комнату.

— У тебя была посетительница, — сказала она вместо приветствия. — И оставила записку.

— Записку? — нахмурился Уилл. Но, увидев подпись, тотчас спросил: — Когда она приходила?

— Минут десять назад. Может, пятнадцать.

— Проклятие! Если бы я пришел чуть пораньше!

— Значит, ты поедешь к ней, ничего не сказав ее мужу?

— Конечно. Если ей нужно поговорить со мной, я поеду завтра же.

— Уилл, а тебе не придется расстаться с работой, если Синклер узнает, что ты встречаешься с его женой?

— Я не «встречаюсь» с Бьянкой! — возразил Уилл. — Она просто хочет поговорить со мной, вот и все.

— Уилл... а она тебе нравится? — проговорила Лили жалобным голосом.

Уилл невольно вздрогнул. Отложив записку, он подошел к Лили и, поцеловав ее в шею, прошептал:

— Бьянка — женщина Эвана, а ты — моя. Лили закрыла глаза; ей очень хотелось, чтобы

слова Уилла оказались правдой. Но ее сомнения вернулись, когда на следующее утро он ушел, не сказав, куда именно. Откинувшись на подушки, Лили сердито спросила себя: «Может, мне следует самой рассказать Эвану, что задумала его прелестная жена?»

— После того неприятного происшествия я почти все время лежала у себя. Вы не против пройти со мной до реки, мистер Саммер? — Зная, что капитан не станет возражать, Бьянка взяла его под руку и повела к парадной двери.

— С удовольствием. — Лишь когда они отошли от дома, Уилл осмелился прошептать: — Мне очень жаль, что мы разминулись вчера. Но сегодня я поспешил прийти.

— Благодарю вас, капитан, — улыбнулась Бьянка.

Когда они дошли до скамейки, с которой открывался прекрасный вид на реку, Бьянка, усевшись, тотчас же заговорила о главном:

— Мать Эвана рассказала мне кое-что. Я хочу знать, правда это или нет.

Уилл пожал плечами:

— Я сомневаюсь, что смогу подтвердить то, что она вам наговорила.

Бьянка пристально посмотрела на собеседника.

— Эван думал, что я имею какое-то отношение к смерти его брата. Поэтому он на мне и женился? Просто скажите — «да» или «нет»?

— На этот вопрос не так-то легко ответить, Бьянка, — пробормотал Уилл.

Бьянка отвернулась. Ее глаза наполнились слезами. Она поняла, почему Уилл не мог ответить.

— Эван женился на мне по ошибке, Уилл. Марион показала мне дневник Чарльза, но женщина, которую он так восторженно описывал, — это не я. И платок тоже не мой.

— Что?.. — Ошеломленный словами Бьянки, Уилл какое-то время молчал. Наконец сказал: — Давайте разберемся... Что именно сказала вам Марион?

— Сказала, что Эван отправился в Венецию только с одной целью — отомстить за смерть брата. И решил, что сделает это, женившись на мне. Он ошибся.

— Вы сказали Эвану о его ошибке?

— Нет, конечно, нет! — фыркнула Бьянка. — Ведь он женился на мне не по любви, а из мести, Уилл! Почему вы не предупредили меня до венчания?

Уилл потупился.

— Вы хотите, чтобы я поговорил с Эваном?

— Нет! — решительно заявила Бьянка. — Он не должен даже заподозрить, что я узнала правду. Я хочу вернуться в Венецию. А если Эван узнает об этом, он не выпустит меня отсюда. Вы можете найти корабль, отплывающий в Средиземноморье? У меня есть драгоценности, которых хватит на оплату места на судне. Еще останется и вам за услуги.

— Ах, Бьянка, неужели вы хотите оставить Эвана?

— Да, хочу оставить, Уилл. Вы говорили, что когда-нибудь мне понадобится ваша помощь, и теперь я понимаю почему. Потому что знали: Эвану не удастся скрыть правду.

— Да, конечно, — кивнул Уилл. — Но я не думал, что вы из-за этого покинете Эвана. Ведь он любит вас. Я знаю, что он обожает вас, Бьянка. Как вы можете сомневаться?.. — Уилл знал, что Эван еще не рассказал жене о покупке имения Маршаллов, поэтому не решился говорить об этом. — У него столько замечательных идей. У вас целая жизнь впереди! Как вы можете думать о том, чтобы оставить его?

Бьянка вскочила на ноги и повернулась к Уиллу.

— Если Эван лгал мне, чтобы отомстить за смерть брата, то мне не нужен такой муж! Вы говорите, что сейчас он любит меня. Но он никак не мог любить меня тогда. И я не знаю, как Эван будет относиться ко мне завтра — ведь он лгал мне в Венеции. Как я смогу жить с человеком, который говорил о любви, а думал лишь о мести? Я не могу доверять такому человеку.

Уилл встал и вывел Бьянку на дорожку. Она вся дрожала, и он, пытаясь ее успокоить, сказал:

— Я знаю, что он поступил неправильно, и я говорил ему об этом с самого начала. Но разве ваш брак не стоит того, чтобы сохранить его? Неужели любовь Эвана для вас значит меньше, чем ваша гордость?

Бьянка резко остановилась.

— Эван поступил со мной слишком жестоко. И если вы не поможете мне вернуться домой, то мне придется обратиться за помощью к Найджелу Бланшару. Я обратилась сначала к вам лишь потому, что вы предлагали мне свою помощь.

— Но на это потребуется время, — пробормотал Уилл. — Ведь не каждый день из порта уходят корабли в Средиземноморье.

— Зато суда часто отплывают в Англию с грузом табака, — напомнила Бьянка. — Если я смогу добраться до Англии, то доберусь и до Венеции.

Уилл кивнул:

— Да, вы правы. Но сейчас, глубокой осенью, на судах мало свободных мест.

— Но вы ведь попытаетесь найти для меня место? Прошу вас, скажите, что попытаетесь! — взмолилась она.

— Бьянка, разве вы не понимаете, что поступаете с Эваном так же жестоко, как и он с вами? Вам следует все спокойно обсудить с ним, и тогда...

— Нет! — перебила Бьянка. — Он никогда не сказал бы мне правду. Единственный выход — покинуть его сейчас, пока он не причинил мне еще большую боль своей ложью.

Увидев слезы в прекрасных глазах Бьянки, Уилл сказал, что постарается помочь ей. Ему оставалось лишь надеяться, что Бьянка передумает возвращаться в Венецию. Проводив ее до дома, он попрощался и с тяжелым сердцем отправился в город.

Марион с улыбкой отошла от окна. Теперь-то она поняла, куда накануне ездила Бьянка. Было очевидно: она обратилась за помощью к Уиллу. Скоро Эван узнает, чем занимается его жена, и будет возмущен ее лицемерием. Дела шли даже слишком хорошо, и это радовало Марион. Сначала ей удалось посеять сомнения в душе Бьянки, а теперь и Эван будет недоволен поведением жены. Вечером, за ужином, Марион с улыбкой обратилась к сыну:

— Как жаль, что я не смогла поговорить с Уиллом Саммером, когда он заезжал сегодня утром. Мне всегда очень нравился этот молодой человек.

— Уилл был здесь? — Эван вопросительно посмотрел на жену в ожидании объяснений. — Я виделся с ним сегодня утром, но он не говорил, что собирается к нам заехать.

Бьянка положила вилку — она так нервничала, что боялась уронить ее.

— Он заезжал всего на несколько минут, просто поздороваться.

Эван надеялся, что его друг не проговорился о покупке дома Маршаллов. Об этом сюрпризе он хотел сам сообщить Бьянке.

— Уилл очень внимательный, но надеюсь, его визит не утомил тебя?

— Я же сказала, что он был здесь всего несколько минут.

Эван сделал глоток вина и пристально посмотрел на жену. Она явно нервничала — но почему? Тут Льюис заговорил о новых товарах для своих магазинов, и Бьянка с облегчением вздохнула. Тем не менее она прекрасно понимала: Эван непременно станет расспрашивать ее о визите Уилла, как только они останутся одни. Каждый раз, глядя в его сторону, Бьянка замечала, что он смотрит на нее с недоумением. Только бы Уилл побыстрее нашел корабль, отплывающий в Англию! Только бы побыстрее покинуть Эвана — ведь, глядя на него, она вспоминала, что он причинил ей ужасную, невыносимую боль.

Бьянка знала, как страстно Эван желает ее. Когда он лег к ней в постель, она, надеясь, что это в последний раз, придвинулась к нему и прошептала:

— Я скучала по тебе.

Эван поцеловал жену — и вдруг отстранился.

— Если тебя что-то тревожит, скажи мне. Не нужно защищать Найджела, если он действительно виноват. Обещаю, что не разорву его на части.

— Найджел ни в чем не виноват. А если я сама не своя, так это не его вина, а только моя. Я просто не привыкла болеть, поэтому и была таким трудным пациентом, но я исправлюсь.

— Бьянка, тебе незачем исправляться. Иди ко мне...

И Эван принялся ласкать и целовать Бьянку, разжигая в ней огонь страсти. Наконец она обняла его, прижалась к нему всем телом, и Эван, растворяясь в ее любви, почувствовал себя счастливейшим человеком на свете.

Уилл почти не притронулся к ужину. Лили то и дело посматривала на него с любопытством, но он не мог довериться ей. Едва они закончили ужинать, Уилл поднялся из-за стола и, извинившись, отправился на прогулку — ему хотелось обдумать сложившуюся ситуацию. Если он поможет Бьянке, Эван сразу поймет, кто именно помог ей. Уилл не мог предать друга — но как отказать в помощи молодой женщине, которой он восхищался? Правда, Бьянка навсегда покинет Америку, а вот от Эвана ему не спрятаться. К тому же, помогая Бьянке, он пожертвует не только дружбой с Эваном, но и карьерой капитана. А дом, который он надеялся построить для Лили, останется лишь мечтой. Но разве можно отказать Бьянке?.. В конце концов Уильям принял решение... Самое верное, как ему казалось.

Когда Уилл вернулся в гостиницу, Лили, услышав его шаги, притворилась спящей. Она прекрасно знала, что тревожит капитана. Бьянка Синклер лишь поманила его пальчиком, и он кинулся к ней, как преданный пес. Уилл влюбился в жену лучшего друга, и это было настолько очевидно, что Лили видела для себя только один выход — уйти от него.

Уиллу потребовалась почти неделя, чтобы найти для Бьянки подходящее судно и договориться с капитаном. Надеясь, что сделал правильный выбор, он отправился к Синклерам — Эван в тот день был на верфи. Бьянка, сбегав по лестнице, дрожащим голосом прошептала:

— Я так ужасно волновалась... Я боялась, вы не сможете помочь мне, Уилл. Надеюсь, у вас хорошие новости?

Уилл взял ее за руку и прошептал на ухо:

— Идите наверх и возьмите с собой столько вещей, сколько можете унести, не вызывая подозрения слуг. Скажите Виоле, что я везу вас в город за покупками и что вы вернетесь домой с Эваном. А теперь поторопитесь. Капитан «Авроры» готов отчалить, как только вы взойдете на борт.

— Вы хотите сказать, что можно отплыть уже сегодня? — Бьянка вцепилась в рукав Уилла.

— Может, вы передумали и не хотите покидать мужа? — Уилл видел страх в глазах Бьянки, он все еще надеялся, что она изменит свое решение.

И тут зеленые глаза венецианки полыхнули гневом.

— Я сделала выбор, когда поняла, каким негодяем оказался мой муж! Ждите. Я скоро вернусь.

Бьянка быстро поднялась по лестнице и прошла в свою комнату. Собирая вещи, она заставляла себя думать только о предательстве Эвана. Со многими вещами ей жаль было расставаться, поэтому узел оказался слишком большим. Чтобы не нести узел по лестнице, она не долго думая открыла окно и бросила его на траву. Потом завернула драгоценности в шарф, перекинула через руку накидку и, спустившись по лестнице, зашла на кухню к Виоле. После чего направилась в гостиную, где ее ждал Уилл. Бьянка поднесла палец к губам и прошептала:

— Я выбросила узел с вещами на газон. Мы можем забрать его по пути к карете. Поторопимся, пока Марион не проснулась и не увидела нас.

— Вы оставили Эвану записку? — спросил Уилл, набрасывая ей на плечи накидку.

— А что я могу сообщить ему? — с горечью проговорила Бьянка. — Что не стану жить с

ним теперь, когда знаю правду? Я покидаю его, и этим все сказано.

Они вышли из дома, и Уилл, подхватив узел с вещами, повел Бьянку к карете, нанятой специально для этой поездки.

Они уселись, и карета тотчас же тронулась с места. Бьянка обернулась. Дом казался таким прекрасным в лучах предзакатного солнца, что Бьянка едва не расплакалась — она подумала о счастливых днях, проведенных в этом доме.

Наконец они добрались до причала. Уильям открыл дверцу кареты, и Бьянка тотчас же засыпала его вопросами:

— Вы когда-нибудь плавали на «Авроре»? Вы хорошо знаете капитана и команду? Там будут другие пассажиры?

Уилл прекрасно понимал, что тревожит Бьянку, и поспешил успокоить ее:

— Я на «Авроре» не плавал, но знаю: это крепкий корабль, балтиморский клипер, как и «Феникс». И он так же надежен, хотя не так красив. «Аврора» направляется в Англию с грузом табака. Кроме вас, на борту не будет пассажиров, но капитан — очень приятный человек, и он позаботится, чтобы вы не скучали.

— Это же не увеселительная прогулка, — невольно улыбнулась Бьянка. — И я хочу только одного — чтобы меня оставили в покое. Надеюсь, капитан это поймет.

— Я уже сказал ему, что вы предпочитаете уединение. Полагаю, что он с уважением отнесется к вашим пожеланиям. — Уилл замялся и добавил: — Я сказал ему, что вы заплатите драгоценностями.

— Да, конечно. Он ведь хочет получить плату сейчас, не так ли? — Ни секунды не колеблясь, Бьянка сняла с пальца кольцо с изумрудом и протянула его Уиллу. — Этого должно хватить.

— Разумеется, — кивнул Уилл, пряча кольцо в карман. — А теперь наденьте капюшон, чтобы скрыть ваши волосы. Иначе вас здесь, у причала, могут узнать.

Уилл проводил Бьянку в ее каюту и положил узел с вещами на койку. И тут она подумала о том, что никогда больше не увидит Уилла, оказавшегося таким преданным другом.

— У меня есть и другие драгоценности. Я хотела бы хоть как-то отблагодарить вас.

— Ни в коем случае! — воскликнул Уилл. — Но если можно... Вы позволите поцеловать вас на прощание?

Бьянка удивилась этой просьбе, но не решилась отказать. Подойдя к Уиллу, она положила руки ему на плечи и потянулась губами к его губам. И тут Уильям снова удивил ее: его объятия оказались такими страстными, а жаркий поцелуй — столь продолжительным, что Бьянка едва пришла в себя, когда он наконец отстранился. Никто, кроме Эвана, так ее не целовал.

— Не выходите из каюты хотя бы сегодня, — сказал Уилл. — Конечно, она невелика, но не стоит появляться на палубе, пока вы не выйдете в море.

Бьянка в растерянности кивнула: она не знала, чего ожидать от Уилла после такого страстного поцелуя.

— Я все понимаю и никуда не выйду. Я не доставлю капитану хлопот. Спасибо вам за помощь. Я знаю, чего вам это стоило.

Уилл пожал плечами:

— Не стоит меня благодарить. А теперь мне пора, иначе придется плыть вместе с вами на этом судне. — Он повернулся к двери. — Я никогда не забуду вас, Бьянка. Надеюсь, вы

будете счастливы.

— И я желаю вам счастья. — Бьянка улыбнулась — и залилась слезами, едва лишь Уилл вышел из каюты.

Захлебываясь слезами, Бьянка свернулась клубочком на узкой койке. Она плакала, пока не заснула, вконец обессилев.

Уилл стоял у причала до тех пор, пока «Аврора» не обогнула южный мыс. Затем паруса наполнились ветром, и корабль заскользил по спокойным водам реки к Чесапикскому заливу. Теперь Уилл уже не сомневался в том, что поступил правильно. На сердце у него полегчало; ему не терпелось вернуться домой, чтобы извиниться перед Лили. Вернув карету в платную конюшню, он решительно направился к гостинице.

Уилл уже поднимался по лестнице, когда его окликнула Рэйчел Келли.

— Мистер Саммер, у меня для вас записка!

Уильям взял записку и, не разворачивая, поднялся к себе. Обычно Лили его встречала, но сейчас в номере царила тишина.

— Лили! — позвал Уилл.

Не дождавшись ответа, он открыл дверь в ее комнату и обнаружил, что девушки там нет. Выругавшись сквозь зубы, Уилл развернул записку и опешил — записка была от Лили. Она сообщала — без всяких объяснений, — что решила покинуть его.

Уильям задумался на несколько секунд — и вдруг разразился потоком брани, осознав, что, сам того не желая, обидел девушку. Только сейчас он понял, что любит Лили. Но почему она не дождалась его, почему не захотела выслушать его объяснения?

Когда Уилл стал расспрашивать Рэйчел, та пожала плечами:

— Она просто отдала мне записку и ушла. Даже не сказала «до свидания».

— А когда она ушла? В какое время? — допытывался Уилл, уверенный в том, что Рэйчел знает гораздо больше, чем говорит.

— Она ушла сразу после вас, а это было несколько часов назад, — с невозмутимым видом проговорила Рэйчел.

— Ее кто-нибудь ждал с каретой?

— Мужчина, вы хотите сказать? — Рэйчел улыбнулась.

— Да кто угодно! — заорал Уилл. — Ее кто-нибудь встречал или нет?

— Не обратила внимания... А где вы с ней познакомились? Может, она туда и отправилась.

Уилл вздрогнул при мысли о том, что Лили могла вернуться в заведение Фанни Берк. Но куда же еще она могла отправиться? Ведь у нее в городе не было других знакомых... Что ж, по крайней мере он знал, с чего начать поиски.

— Спасибо, что передала записку, Рэйчел, — пробормотал Уилл, направляясь к двери.

Шагая по улице, Уильям лихорадочно размышлял о том, что скажет Лили. Что он мог ей предложить — вернуться домой? Конечно, комната в гостинице — это не дом, но он собирался в ближайшее время обзавестись собственным домом. Уилл зашагал быстрее и вскоре взбежал по ступенькам заведения Фанни. Он сразу же направился к кабинету хозяйки. Дверь была приоткрыта, и Уилл без стука вошел в комнату.

— Добрый вечер. Я ищу Лили. Она здесь?

Фанни оторвалась от лежавшей перед ней бухгалтерской книги и с любопытством посмотрела на капитана.

— А что Лили здесь делать, мистер Саммер?

— Вы прекрасно знаете что! То же, что делают все остальные девушки. Я только хочу знать: здесь она или нет? Вам лучше сказать мне правду, потому что я все равно найду Лили, даже если мне придется обыскать весь дом.

— Мне здесь не нужны неприятности, Уилл. Если ты что-то затеваешь, лучше сначала подумай хорошенько.

— Я пришел сюда не для того, чтобы причинить вам беспокойство. Мне только нужно узнать, где сейчас Лили.

Фанни откинулась на спинку кресла.

— Бог свидетель, Уилл, я же предупреждала тебя: от этой девушки можно ждать одних неприятностей. Радуйся, что легко отделался.

И тут Уилл наконец-то понял: Фанни прекрасно знает, где сейчас находится Лили. Он был уверен, что она наверху и готовится принимать гостей. Направившись к двери, он спросил:

— Она в той же комнате? Фанни вскочила с кресла.

— Уилл Саммер, не смей подниматься вверх и беспокоить моих девушек!

— Я вовсе не собираюсь беспокоить их, Фанни. Мне только нужно переговорить с Лили, вот и все.

Но едва Уилл приблизился к лестнице, как Фанни позвала на помощь своих людей. Раздался топот. В следующее мгновение капитан увидел троих плечистых молодцов. Тем не менее Уилл не собирался отступать и отбил первые удары. Однако силы были неравны, и вскоре двое верзил стали колотить его головой о стену. Кровь из носа Уилла брызнула на шелковые обои.

— Осторожнее! — закричала Фанни. — Просто вышвырните его на улицу!

— Оставьте его! — Лили сбежала с лестницы и бросилась к Уильяму. — Оставьте его! — снова закричала она.

Возмущенная происходящим, Фанни подбоченилась и сказала одному из верзил:

— Фрэнк, возьми ведро воды и смой кровь с обоев, пока она не впиталась. А ты, Уилл, отправляйся домой. Лили вернулась по собственной воле. Когда ты давал за нее тысячу долларов, мы не договаривались, что эти деньги я должна буду вернуть. Так что ты просто заплатил за урок. А теперь убирайся и больше здесь не появляйся!

Лили ахнула:

— Ты заплатил за меня Фанни тысячу долларов? Ты просто купил меня, как рабыню?

— Нет-нет, все было совсем не так... — Уилл заморгал — все расплылось у него перед глазами. Внезапно покачнувшись, Уилл ухватился за Лили, чтобы не упасть. — Помоги мне, — прошептал он.

Лили позвала одну из девушек, чтобы та помогла довести Уилла до комнаты.

— Я скоро увезу его отсюда, Фанни. Только дайте мне сначала привести его в порядок.

Фанни в раздражении всплеснула руками:

— У тебя один час, Лили, и ни секундой больше! — Она повернулась к девушкам, стоявшим на лестнице: — А вы что рты пораскрывали? Быстро одеваться!

Уилл пытался сам подняться по лестнице, но вскоре обнаружил, что без помощи трех девушек ему не обойтись. У него кружилась голова, его подташнивало.

Наконец Уилла уложили на постель, и девушки ушли. Лили в растерянности стояла посреди комнаты. Она не знала, с чего начать. Лицо Уилла превратилось в кровавое месиво;

рубашка была залита кровью. Наконец Лили решила, что позволит ему немного отдохнуть, потом поможет умыться и попросит уйти.

— Боюсь, что сделаю тебе больно, но в таком виде нельзя появляться на улице, — сказала Лили.

Уилл несколько раз глубоко вздохнул, и ему стало немного лучше. Но он прекрасно знал, как будет выглядеть утром. Оба глаза заплывут, а лицо так распухнет, что он несколько дней не сможет появляться на улице. Наконец Лили смыла кровь с его лица и отошла от кровати. По шуршанию юбок Уилл определил, что она расхаживает по комнате.

— Я не покупал тебя, Лили, — пробормотал Уилл. — Я заплатил Фанни, чтобы она отпустила тебя. И я никогда не считал, что ты — моя собственность. Мне очень жаль, что ты узнала об этом. Фанни поступила жестоко, сказав о деньгах. Ведь она наверняка знала, что причинит тебе боль.

Лили остановилась и повернулась к Уиллу. Он говорил так искренне, что она сразу поверила ему. Но все же тысяча долларов — огромная сумма, и она жалела, что Уилл не рассказал ей об этом раньше.

— Даже если она не вернет тебе деньги, я верну. Мне понадобится время, чтобы заработать их, но я позабочусь, чтобы ты получил все до последнего цента.

— Нет! — закричал Уилл, но острая боль вновь пронзила голову, и он замолчал.

Лили несколько секунд смотрела на него, не понимая, почему он отказывается.

— Я расплачусь с тобой, Уилл, обязательно. Уилл ужасно злился, но не на нее, а на себя — ведь когда-то он мог победить и троих противников. К сожалению, похоже, эти времена остались в прошлом.

— Я стал слишком стар... — пробормотал он с грустью в голосе.

— Что?.. Ты вовсе не старый, Уилл, не говори глупости. — Лили подошла к постели и села с ним рядом. — Очень жаль, что ты пришел сюда. Ты не заслужил такого обращения. Ты думал, что Фанни вернет тебе деньги?

— Да я вовсе не думал о деньгах! Неужели ты считаешь, что я мог спокойно расстаться с тобой?

Лили закусила губу.

— Не надо обманывать меня, Уилл. Ты влюблен в Бьянку Синклер, а я тебе только мешаю.

Лили поднялась на ноги, но Уилл схватил ее за руку и заставил снова сесть.

— Деньги для меня не имеют значения, для меня главное — ты. Я не рассказал тебе о просьбе Бьянки, потому что не мог этого сделать. Еще несколько дней назад я и сам не знал, как поступлю. Она решила вернуться в Венецию и попросила меня найти подходящее судно. Бьянка просто хотела, чтобы кто-то помог ей добраться домой. Я посадил ее сегодня на «Аврору», и сейчас корабль уже в море. Глаза Лили расширились.

— Но ведь Эван убьет тебя за это! Уилл улыбнулся:

— Когда ты сегодня ушла от меня, тебе ведь было все равно, что случится со мной. Ты хочешь сказать, что это не так?

Лили отвернулась, скрывая слезы.

— Конечно, ты мне не безразличен, — прошептала она.

— Тебе придется говорить погромче, я тебя не слышу, — сказал Уилл, хотя почти не сомневался: Лили сказала именно то, что ему хотелось услышать.

— Если тебе уже лучше, я найду Джейкоба, чтобы он отвез тебя в гостиницу. Из-за меня

у тебя одни неприятности, Уилл. Ты только посмотри на себя! Тебя сегодня могли убить здесь. Так что тебе повезло — ты от меня избавился.

Она опять попыталась встать, но Уилл снова удержал ее.

— Сиди тут, Лили, потому что я не уйду без тебя. Твой отец был глупцом, да и Дэвид не лучше, но я докажу тебе, что ты заслуживаешь любви, пусть даже у меня вся жизнь уйдет на это. Я уверен: никто никогда не любил тебя так, как я. Неужели ты этого не понимаешь?

— Ты любишь меня? — изумилась Лили. — Правда?

— Я должен был сказать тебе об этом уже давно. Лили, я собираюсь построить тебе дом, о котором ты мечтала. К весне я его закончу. Надеюсь, ты захочешь жить в нем вместе со мной.

Потрясенная этим признанием в любви, Лили не знала, что сказать. Правда, Уилл не обещал жениться на ней. А вдруг она ему скоро надоест? Что будет потом? Отбросив эту мысль, Лили кивнула:

— Конечно, я согласна жить с тобой.

— Я очень надеялся, что ты так скажешь. — Уилл расплылся в улыбке и тотчас же застонал от боли, ведь все лицо его было разбито. — А теперь собери свои вещи, и мы уйдем. Тебе придется подождать несколько дней, а потом мы поженимся. Мне бы не хотелось венчаться в таком виде.

— Ты хочешь жениться на мне! — в восторге воскликнула Лили. — Ты правда этого хочешь?

Уилл не мог припомнить, когда видел Лили такой счастливой, и сейчас пожалел, что так долго тянул с предложением.

— Конечно, хочу. Я ведь люблю тебя. И напрасно я не сказал тебе об этом раньше. Если бы сказал, ты бы не ревновала меня к Бьянке и...

Лили неожиданно вскочила на ноги.

— О Господи! Я совсем забыла об Эване. Что нам делать, Уилл? Когда он узнает, что Бьянки нет, он убьет тебя. Что же делать?

Уилл медленно приподнялся и с облегчением вздохнул, почувствовав, что сможет добраться до гостиницы.

— Сначала давай выберемся отсюда. Я отвечу на все твои вопросы, когда мы вернемся домой.

— А может, нам лучше остаться здесь? — спросила Лили. — Он, наверное, не догадается сюда прийти.

— Лили, я забыл спросить... Ты любишь меня?

— Что?.. Ну конечно, я люблю тебя. Но, Уилл, где же нам спрятаться от Эвана?

Уилл с трудом встал с постели.

— Собери свои вещи, и я расскажу тебе обо всем по дороге в гостиницу. — Парализованная страхом, Лили молча смотрела на Уилла. Он обнял ее за талию и привлек к себе. — Раз я буду твоим мужем, Лили, ты должна доверять мне.

— Я доверяю тебе, но боюсь, что тебя снова избыют, — проговорила Лили со слезами на глазах.

— Успокойся, никакой драки не будет.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Я расскажу тебе обо всем по дороге, обещаю. Мне только жаль, что я не мог сделать это раньше. Это очень интересная история. Правда, неизвестно, чем она

закончится.

Лили поспешно собрала вещи — уже второй раз за день, — надела накидку и сказала: — Давай воспользуемся дальней лестницей, тогда нас никто не увидит.

Им повезло: они покинули заведение незамеченными и отправились домой. По дороге Уилл заговорил:

— Итак, начало этой истории очень грустное. Я могу рассказать ее тебе только до середины, но надеюсь на счастливое завершение. Выслушав меня, ты поймешь, почему мне не следует бояться Эвана.

Лили обернулась и с облегчением вздохнула — их никто не преследовал.

— Как бы эта история ни начиналась, я все равно хочу услышать ее.

— Эта история началась в прошлом году, когда Чарльз, младший брат Эвана, отправился в Венецию...

Лили то и дело перебивала Уилла и задавала множество вопросов, поэтому он закончил свой рассказ лишь после ужина. Уже лежа с Уиллом в постели, Лили неожиданно сказала:

— Знаешь, я так боялась любить тебя... Каждый раз, когда мы ложились в постель, я думала, что это в последний раз.

— Ах, Лили, я никогда с тобой не расстанусь, никогда тебя не покину. Завтра я отвезу тебя посмотреть участок, который Эван выделил для нашего дома. Это прекрасное место, и если ты скажешь мне, какой дом тебе хочется, то я постараюсь построить именно такой. Когда я перенесу тебя через порог твоего собственного дома, ты, возможно, согласишься, что моя любовь будет вечной.

— Мне нужен вовсе не дом, Уилл, мне нужен ты, — прошептала Лили.

— Я и так твой, — улыбнулся Уилл. — Но дом нам все равно нужен.

— Дом... Как приятно звучит! — мечтательно проговорила Лили.

— А как тебе слово «муж»? — хохотнул Уилл.

— Это тоже очень приятное слово. Даже более приятное.

Когда Бьянка проснулась, уже давно рассвело. И она вдруг поняла, что скучает по прекрасной реке Джеймс, каждое утро радовавшей ее, когда она подходила к окну. Впрочем, Бьянка была уверена: если она постарается, то забудет свою жизнь в Виргинии. Забудет, потому что у нее просто нет выбора. Она закрыла глаза. Нет, никогда ей не забыть Эвана, как бы она ни старалась.

— Если бы Эван любил меня так же сильно, как я его! — прошептала она. — Если бы только...

Громкий стук в дверь прервал ее размышления. Вздвогнув от неожиданности, Бьянка крикнула:

— Да. Кто там?

— Ваш завтрак, мэм, — послышался голос.

— Оставьте его у двери, пожалуйста, я не одета, — ответила Бьянка.

— Хорошо, мэм. Я оставлю поднос у двери. Начинает штормить, и капитан хочет, чтобы вы не выходили из каюты. Если он сможет присоединиться к вам за обедом, то пошлет за вами, — объяснил матрос.

— Спасибо, я поняла.

Бьянка подождала немного, потом осторожно выглянула за дверь и взяла поднос с чайником, булочками и джемом. Закрыв дверь, она с облегчением вздохнула — никто ее не увидел. Бьянка целый день провела в каюте, изнывая от скуки. К вечеру качка усилилась, и стало ясно: капитан не сможет развлекать ее и за ужином. Матрос, оставлявший у двери ее завтрак и ленч, принес поднос с ужином, и на этот раз Бьянка открыла дверь, чтобы поблагодарить его. Открыла — и ахнула, узнав одного из матросов с «Феникса».

— Прошу прощения, я забыла ваше имя... Ведь вы плавали на «Фениксе»?

— Да, это я, мэм. — Дружелюбный матрос внес в каюту поднос и поставил его на узкую полочку, служившую одновременно и письменным, и обеденным столом. — Меня зовут Джон Кларк, но зовите меня просто Джон.

Бьянка вспыхнула от смущения, ведь матрос, конечно же, знал, что она — жена Эвана. Но Бьянка тут же решила, что не станет перед кем-либо оправдываться.

— Здесь есть и другие матросы с «Феникса»? — спросила она.

— Да, мэм, нас тут много, но в этом нет ничего необычного. Для «Авроры» был груз, для «Феникса» — нет, а нам всем нужна работа.

— Да, конечно, — кивнула Бьянка. — Мне не хотелось бы затруднять вас... но нет ли у капитана каких-либо книг? Книги помогли бы мне скоротать время.

— Вам нужны книги? — Джон направился к двери. — Я посмотрю, что есть у капитана.

— Спасибо. Мне следовало захватить свои... — Бьянке было неловко — она ведь обещала никому не доставлять хлопот.

Через несколько минут Джон вернулся с тремя потрепанными книгами. Это были английские романы, на первый взгляд ужасно скучные, но Бьянка все равно очень обрадовалась. Поблагодарив Джона, она принялась за ужин и тотчас раскрыла одну из книг.

Море штормило несколько дней; когда же Бьянке наконец сообщили, что капитан будет счастлив разделить с ней ужин, она с удовольствием приняла приглашение. Бьянка надела одно из своих любимых платьев — из бледно-голубого атласа — и радостно улыбнулась

Джону, когда тот пришел, чтобы проводить ее к капитану. Несколько минут спустя они подошли к капитанской каюте. Матрос постучал и, открыв дверь, отступил в сторону, пропуская вперед Бьянку.

— О Джон, а как его зовут? — тихо прошептала Бьянка, вдруг вспомнившая, что ни разу не слышала имени капитана.

Джон посмотрел на нее с удивлением.

— Вы не могли его так быстро забыть, миссис Синклер.

В следующее мгновение она осталась наедине с капитаном «Авроры».

Взгляды их встретились — и кровь отхлынула от лица Бьянки, она едва не лишилась чувств. Капитан, внимательно наблюдавший за гостьей, тут же бросился к ней и, взяв за руку, подвел к стулу. Усадив, наполнил бокал вином и протянул ей. Бьянка сделала несколько глотков, и капитан заговорил:

— Позволь мне приветствовать тебя на борту «Авроры». Она, к сожалению, не столь комфортна, как «Феникс», но судно уже было загружено и готово к отплытию, вот я и решил довольствоваться тем, что есть. Если бы ты чуть раньше сообщила мне о своем желании отправиться в плавание, я бы подыскал груз и для «Феникса». — Эван сел напротив Бьянки и наполнил вином свой бокал. — За благополучное плавание! — Он залпом осушил бокал.

Бьянка, ошеломленная предательством Уилла, молча смотрела на мужа. Наконец, собравшись с духом, проговорила:

— Только шторм помешал тебе пригласить меня сюда раньше?

Эван лукаво улыбнулся:

— Твоя дверь не запиралась, Бьянка, как и моя. Ты могла бы навестить меня в любой момент.

Щеки Бьянки залились румянцем.

— Так что же сказал тебе Уилл? — спросила она.

— Ты не должна винить Уилла. Он желал тебе лишь добра, когда пришел ко мне. Думаю, он не на шутку влюблен в тебя, но понимает, что ты моя жена — даже если ты об этом забыла.

Бьянка нахмурилась:

— Я не считаю себя твоей женой, Эван. Ведь ты лгал мне с первой нашей встречи, даже в своем доме ты продолжал обманывать меня.

Эван усмехнулся:

— На тебе сегодня очень красивое платье, одно из моих любимых. Кстати, я захватил все твои вещи. Ты найдешь их в сундуке рядом с моей койкой. Если тебе понадобится что-то, приходи и бери. — Эван достал из кармана сюртука кольцо с изумрудом и положил его на стол. — А это я тебе возвращаю. Ты — моя гостья, и тебе нет необходимости оплачивать место на корабле. Бьянка вспыхнула:

— Эван, я не шучу! Мне не нужен муж, который лжет мне. Так что оставь кольцо себе и подари его другой женщине, той, которую ты сумеешь обмануть, как и меня.

В этот момент появился Джон с ужином. Быстро накрыв на стол, он удалился. Эван тотчас же принялся за еду, но Бьянка не могла проглотить ни кусочка. Она молча сидела напротив мужа, бросая на него яростные взгляды.

Эван переживал так же, как и его жена, даже больше, но усилием воли держал себя в руках. Когда Уилл пришел к нему на верфь и рассказал о безумной затее Бьянки, он хотел тут же броситься домой и поговорить с женой, однако друг настоятельно советовал не

торопиться и обдумать сложившуюся ситуацию. В конце концов, они с Бьянкой не будут счастливы до тех пор, пока убийца Чарльза не наказан. Поэтому Эван и решил отправиться в Венецию. Бьянка же по-прежнему оставалась единственным ключом к загадке — смерти Чарльза, — и, следовательно, ее присутствие представлялось весьма желательным.

Покончив с ужином, Эван откинулся на спинку стула и проговорил:

— Я не буду обсуждать поступок моей матери, потому что совершенно ясно: горе сказывается на всех ее поступках. Главное же в том, что ты перестала доверять мне. Мне бы сейчас хотелось, чтобы ты задумалась: чего я добивался, отправляясь в Венецию? Прошу, подумай об этом, прежде чем слишком строго судить меня.

— Я прекрасно понимаю, чего ты хотел! — воскликнула Бьянка. — Ты хотел заманить в ловушку убийцу брата — а я была приманкой.

— Нет, моя дорогая. Я сам являлся приманкой. Я подумал, что если буду ухаживать за тобой так, как Чарльз, то убийца станет преследовать и меня.

— Но, Эван, неужели ты не можешь понять, почему меня так оскорбил твой поступок? Ты обманул меня, чтобы отомстить за брата, и при этом не знал, что я не имею к его смерти никакого отношения.

— Да, не знал, — кивнул Эван. — Но все же я полюбил тебя. Женившись на тебе, я совершил самый разумный поступок в своей жизни. Я люблю тебя, Бьянка. Разве тебе этого мало?

— Да, мало! — воскликнула Бьянка, и глаза ее заблестели от слез. — Этого слишком мало! Почему ты не мог сказать мне правду с самого начала? Я бы с радостью помогла тебе. Мы попытались бы вместе найти убийцу Чарльза, и я уверена, что мы нашли бы его. А ты своей ложью убил мою любовь.

— Бьянка, а был ли у меня выбор? Ты все время давала понять, что следует держаться от тебя подальше. Вот я и решил, что ты знаешь, кто убил моего брата. Я опасался, что ты предупредишь этого человека. Ведь я бы подписал себе смертный приговор, если бы рассказал о своих планах. Твой отец чрезвычайно влиятельный человек и...

— Неужели ты хочешь сказать, что подозревал его в убийстве Чарльза? — изумилась Бьянка.

— Да, или его, или Паоло, — кивнул Эван.

— Но это нелепо! — возмутилась Бьянка.

— Разве? Но ведь кто-то убил Чарльза... Впрочем, давай на этот раз попробуем сделать по-твоему. Когда доберемся до Венеции, начнем все с начала, сделаем вид, что вернулись в прошлогоднюю весну. И мне потребуется твоя помощь. Если я найду женщину, околдовавшую Чарльза, она непременно приведет меня к убийце. Ее носовой платок все еще у тебя?

— У меня. Почему-то я захватила его с собой... Эван улыбнулся:

— Возможно, сама того не сознавая, ты хотела помочь мне. Мне действительно нужна твоя помощь, Бьянка. Может быть, ты догадаешься, кто эта женщина. Но я был абсолютно уверен, что это ты. Твоя красота... Да еще и эта буква «А» на платке...

— Ах, Эван, как ты мог допустить такую нелепую ошибку? Мужчины используют первую букву фамилии для монограммы, но женщины предпочитают первую букву имени, потому что фамилия может измениться, если женщина выйдет замуж. Я, когда уходила с тобой, не успела взять свои носовые платки, но на них вышита буква «Б», а не «А». Тебе нужно искать молодую женщину, Имя которой начинается с «А».

Эван почувствовал себя величайшим глупцом. Однако тотчас же сообразил: если бы не его глупейшая ошибка, он бы никогда не женился на Бьянке.

— Даже если это ошибка, я не огорчаюсь, ведь теперь у меня есть ты. — Эван улыбнулся. — Мне хотелось бы, чтобы ты жила в моей каюте и спала в моей постели, но я не буду настаивать, если ты не согласишься. Я никогда не насиловал женщин и не собираюсь начинать с той, которую люблю.

Бьянка хотела верить ему. Всем сердцем ей хотелось верить в искренность Эвана. Но ведь он и сейчас мог лгать... мог лгать для того, чтобы она помогла ему найти убийцу Чарльза. А когда он расправится с негодяем, нужна ли ему будет ее любовь?

— Я бы предпочла оставаться в своей каюте. Я сделаю все, чтобы помочь тебе, но пока мы не найдем убийцу Чарльза, я не буду тебе женой.

Тяжело вздохнув, Эван поднялся из-за стола.

— Я провожу тебя в твою каюту, где, надеюсь, тебя ожидают приятные сны. Я буду рад развлекать тебя каждый вечер, но как именно — решай сама. Если ты хоть чем-то сможешь помочь мне в поисках убийцы Чарльза, я буду тебе очень признателен.

— Я с радостью помогу тебе, чем смогу. И так же поступила бы и весной, — ответила Бьянка столь же язвительным тоном. Поспешно пожелав ему спокойной ночи, она заторопилась к себе, опасаясь, что ни он, ни она не смирятся с расставанием, которое она сама навязала им. Бьянка просто знала, что на карту поставлена не ее гордость, а ее жизнь. Если она доверится ему снова, а он обманет ее, это разобьет остатки ее сердца.

На следующий день Эван отправил Джона за Бьянкой, хотя и сомневался, что та придет. К его величайшей радости, она вскоре появилась. Как только Джон, накрывавший на стол, вышел из каюты, Бьянка вытащила из рукава платок.

— Вот он... Кстати, я попыталась вспомнить все имена, начинающиеся с буквы «А»: Анджелина, Анна-Мария, Антония, Аида, Аллегра, Александра, Анабель, Андреа, Аврелия, даже Аврора. А если та молодая женщина была иностранкой, то надо вспомнить и другие имена.

Эван улыбнулся — его жена оказалась весьма энергичной женщиной.

— И было бы неплохо, если б ты вспомнила знакомых блондинок. Тебя никогда не принимали за другую?

— Мы с мамой очень похожи, и она еще молодая. Но ее зовут Кэтрин, и она счастлива с отцом. Она явно не та женщина, которую мы ищем.

— Сомневаюсь, чтобы Чарльз безоглядно влюбился в замужнюю женщину. Да, я знаю, что и такое нельзя исключать, но давай пока не думать об этом. У нас еще много времени для размышлений. Ты просто вспоминай все, что знаешь, а когда доберемся до Венеции, то решим, с чего начать.

Бьянка потупилась.

— Знаешь, Эван, когда мы доберемся до Венеции, я буду жить у родителей. Я помогу тебе, как смогу, однако мне кажется, что нас не должны видеть вместе.

— Но, Бьянка, ты же моя жена! — воскликнул Эван. — Почему нас не должны видеть вместе?

— Мои родители никогда не признают наш брак, потому что нас не венчал католический священник. И я готова с ними согласиться.

— Готова согласиться?! — изумился Эван. — Но почему же ты не сказала мне об этом?

Я бы устроил венчание в церкви — хоть десять раз, если это для тебя так важно.

Бьянка медлила с ответом. Наконец сказала:

— Я никогда не думала об обстоятельствах нашего венчания, Эван. Ведь мне казалось, что я всегда буду твоей женой... Но теперь все изменилось, и ты должен радоваться, что я освободила тебя и ты можешь жениться на другой.

— Что?.. — Эван ушам своим не верил. — Почему я должен жениться на другой женщине? Ведь я люблю тебя!

— Ну, видишь ли... Если все так скверно обернулось, то нам, возможно, лучше забыть о нашем браке.

Бьянка поднялась из-за стола и направилась к двери. Эван не стал ее удерживать. Мысленно усмехнувшись, он подумал о том, что не зря взял с собой в плавание изрядный запас бренди — было очевидно, что ему потребуется все до последней капли. Впрочем, он не сомневался, что сумеет завоевать доверие Бьянки.

На следующее утро Эван взял поднос с завтраком и сам понес его Бьянке. Постучав в дверь ее каюты, он прокричал:

— Бьянка, можно поговорить с тобой!?

— Нет, я еще не одета! — отозвалась она.

— Тем лучше, — ответил Эван со смешком. Несколько секунд спустя дверь распахнулась.

— Эван, к чему такая спешка? Я еще не успела привести себя в порядок.

Эван внес в каюту поднос и опустил его на неубранную постель.

— Бьянка, мне бы хотелось, чтобы ты описала всех, кого знаешь в Венеции. Нарисуй карту каналов, если тебе это поможет вспомнить. Мне нужны имена, нужны семьи, в которых есть дочери. И мне надо знать, где находятся их дома.

— Тебе нужны не только блондинки?

— Не только. Мне бы хотелось знать имена всех женщин, с которыми ты знакома. Возможно, и у них удастся что-нибудь узнать. Но у тебя в каюте слишком тесно для такой работы. Я хочу, чтобы ты воспользовалась моей. Я редко бываю в ней днем, а тебе понадобится стол, чтобы разложить карту. У меня есть старая карта, и ты можешь использовать ее обратную сторону.

— Что ж, я попробую, — сказала Бьянка. — Я начну сразу после завтрака. Оставь карту на столе. И еще перо и чернила.

— Ты получишь все, что тебе потребуется. — Эван отвернулся, скрывая торжествующую улыбку. Он собирался сделать Бьянку своей сообщницей — хотел вовлечь ее в свои планы, так чтобы она уже не смогла и не захотела покидать его.

Бьянка не знала, огорчаться или радоваться тому, что Эван сдержал слово и не мешал ей, когда она оставалась в его каюте. Она принялась чертить карту Венеции, и это занятие оказалось на удивление интересным. Извивающаяся лента Большого канала напоминала перевернутую букву «S». По обе стороны канала стояли прекрасные палаццо, и Бьянка пометила те из них, которые принадлежали друзьям их семьи. Через несколько дней ее карта превратилась в настоящее произведение искусства. Она начертила также несколько боковых каналов — один из них вел к ее дому — и нарисовала площадь Святого Марка и еще несколько известных мест. Бьянка трудилась с увлечением, и время пролетало незаметно. Когда вечером появлялся Эван, она откладывала свои бумаги и уходила к себе, хотя муж не раз предлагал ей остаться. Он не ожидал, что Бьянка с таким рвением возьмется за составление карты Венеции, но был рад, что это занятие пришлось ей по душе.

— Когда я вернусь домой, вставлю твою карту в рамку и повешу на стену, — сказал он как-то раз с искренним восхищением. — А ты помнишь, куда отправилась в то утро, когда мы встретились с тобой у собора? Это был довольно скромный дом, вероятно, когда-то он был ярко-желтый. — Эван нашел на карте место, где, по его представлениям, мог находиться этот дом. — По-моему, где-то здесь, рядом с Арсеналом.

— Ты следил за мной?! — возмутилась Бьянка. — Ты посмел следить за мной?

— Бьянка, не надо так сердиться. Мне просто было любопытно узнать, как ты проводишь время. Скажи, а кто живет в том доме?

Бьянка свернула в рулон карту и поставила ее рядом с картами Эвана.

— Чтобы ты не досаждал ему, я скажу тебе...

— Вы с Рафаэлкой посещали мужчину? — изумился Эван.

— Да, мужчину, художника, — с невозмутимым видом ответила Бьянка. — Его зовут Стефано Томмази. Он заканчивал мой портрет и собирался начать портрет Рафаэлки.

— Он хороший художник? — поинтересовался Эван.

— О да, он прекрасный мастер. Стефано выполнял заказы многих богатых семей. Его услуги дороги, но портреты стоят затраченных денег.

Эван кивнул и постарался запомнить имя художника, чтобы посоветоваться с ним, если ему понадобится помощь.

— Уверен, что твой портрет — один из лучших. Надеюсь, я смогу увидеть его.

— Не рассчитывай на то, что мои родители примут тебя, Эван. Так что вряд ли ты когда-нибудь увидишь портрет.

— Я никогда не встречался с твоими родителями, и они не узнают меня. Кстати, я отращу бороду. Прекрасная мысль, не так ли? Возможно, ты не раз увидишь меня за столом у своих родителей.

Бьянка в изумлении уставилась на мужа.

— Не смей встречаться с моим отцом, Эван, не смей... Эван оставил слова Бьянки без ответа, надеясь, что в конце концов она образумится.

Закончив карту, Бьянка пронумеровала каждый дом и начала на отдельных листах составлять списки имен. Вспомнив блондинку или же женщину, имя которой начиналось с буквы «А», она обводила ее имя кружочком, но в какой-то момент вдруг обнаружила, что в

ее списках нет ни одного двойного кружочка. Сообразив, что где-то допустила ошибку, Бьянка встревожилась и решила поговорить об этом с Эваном.

— Я попыталась вспомнить всех, кого знаю, но чувствую, что нужной тебе женщины в моих списках нет.

— Не беспокойся, мы найдем ее, — улыбнулся Эван. — По крайней мере теперь мы знаем, где не следует ее искать. Знаешь... сегодня такой теплый день. Мы могли бы погулять по палубе, если захочешь.

Не дожидаясь ответа Бьянки, Эван взял ее за руку и увлек за собой. Задержавшись у каюты жены, чтобы захватить для нее накидку, он вывел ее на палубу.

— Ты раньше очень любила гулять. Почему нынешнее плавание так отличается от предыдущего?

Полагая, что ответ на этот вопрос очевиден, Бьянка промолчала. Она долго любовалась океанскими просторами. Наконец все же повернулась к мужу, мысленно отметив, что борода, которую он начал отращивать, делает его еще более привлекательным.

— Сколько нам еще плыть до Англии? Эван лукаво улыбнулся:

— А мы и не собирались плыть в Англию, Бьянка. Я могу продать табак и в Венеции, тем более что следует поторопиться.

Когда они вернулись в каюту, чтобы выпить горячего чая, Бьянка спросила:

— А почему с нами нет Уилла? Я думала, ты не любишь выполнять обязанности капитана.

— Верно, не люблю, — кивнул Эван. — Но дело в том, что Уилл не мог отправиться в плавание. Я ждал, когда ты поправишься, чтобы рассказать тебе об этом... Я купил для нас с тобой дом Маршаллов и поручил Уиллу руководить ремонтом, хотя мне хотелось, чтобы ты сама выбрала цветовую гамму для каждой комнаты.

Бьянка была так поражена словами мужа, что едва не расплескала чай.

— Ты купил имение Маршаллов?

— Да, купил. Ведь я знал, что тебе плохо в доме моей матери. Я сделал бы все, лишь бы ты была счастлива.

Бьянка заметила, что Эван грустно улыбнулся, и ее глаза наполнились слезами.

— Мне очень жаль, Эван, очень жаль...

Он подошел к жене и обнял ее, пытаясь утешить.

— Это будет прекрасный дом, но только если в нем поселишься ты, любимая. Только с тобой я буду счастлив в новом доме.

Бьянка, казалось, была близка к истерике. Она плакала навзрыд, и Эван, пытаясь успокоить жену, нежно поцеловал ее в губы. Бьянка не отстранилась, и последовал уже более страстный поцелуй. Затем Эван подхватил Бьянку на руки и осторожно опустил на узкую койку. Он снял с нее зеленое платье из мягкой ткани и, окинув ее взглядом, вдруг понял, что она стала еще прекраснее. Бьянка лежала, откинувшись на подушки, и молча смотрела, как он раздевается. Когда же Эван лег с ней рядом, она обняла его и привлекла к себе. Изголодавшаяся по ласкам мужа, Бьянка с готовностью отвечала на его страстные поцелуи.

Эван хотел тотчас же овладеть Бьянкой, однако сдержался и принялся покрывать поцелуями ее груди. Затем, осторожно приподняв ее бедра, прижался губами к манящему треугольнику золотистых завитков. И тут же почувствовал, как Бьянка затрепетала и впилась ногтями в его плечи. На мгновение отстранившись, Эван припал губами к ее губам и

наконец-то овладел ею. Они возносились все выше и выше к вершинам блаженства, пока не уснули, вконец обессилив.

Он проснулся, когда Джон, принеший ужин, постучал в дверь каюты. Медленно приподнявшись, Эван вдруг понял, что Бьянки рядом нет, и едва не набросился на Джона с бранью. Однако сдержался, решив, что жене просто захотелось побыть одной и она вовсе не хотела обидеть его. Быстро одевшись, Эван направился к каюте Бьянки. Несколько раз постучав, приоткрыл дверь.

Бьянка сидела на кровати. Вопреки его ожиданиям она не переоделась к ужину — была все в том же зеленом платье. Она даже не расчесала волосы, обрамлявшие ее печальное лицо.

— Уходи, оставь меня в покое.

— Оставить тебя в покое? — изумился Эван. — Ты не можешь так говорить после того, что было между нами. Я решил, что ты вернулась ко мне. По крайней мере я почувствовал...

— Замолчи! — закричала Бьянка. — Мне очень жаль, что это произошло. И я больше не подойду к твоей каюте.

— Да ты с ума сошла! — воскликнул Эван. Он прошел в каюту и, взяв жену за руку, заставил ее подняться. — Ты будешь ужинать со мной каждый вечер. Я — капитан «Авроры», и мое слово здесь закон! — Эван отвел Бьянку в свою каюту и усадил за стол.

Она опасливо взглянула на мужа.

— Я уже сказала, что очень сожалею... Сожалею о том, что это произошло.

Эван нахмурился:

— Но я все еще твой муж, Бьянка, и у меня есть определенные права. Правда, пока что я прошу тебя всего лишь поужинать со мной.

Бьянка бросила на колени салфетку. Вновь отгородившись от мужа стеной молчания, она склонилась над своей тарелкой. Наконец Эван не выдержал и заговорил:

— Что ж, карта готова, и ты можешь проводить все дни в каюте или на палубе — где пожелаешь. Но вечерами ты должна сидеть за моим столом, советую не забывать об этом.

Бьянка молча поднялась из-за стола — она почти не притронулась к ужину — и, вернувшись в свою каюту, сразу же заперла за собой дверь. Однако Эван за ней не последовал, и она успокоилась. Вряд ли ей удалось объяснить мужу, что она вовсе не хотела его обидеть, когда покинула его постель. Но было ясно: Эван стремился лишь к одному — хотел найти убийцу брата; ей же требовалось совсем другое — доказательство его любви. Только вот сможет ли она прожить без него? Ведь каждое его прикосновение обжигало ее огнем желания...

Эван не знал, что предпринять. Каждый вечер Бьянка появлялась в его каюте, и ему казалось, что она становится все прекраснее. Но почему она была так холодна?.. Он снова и снова ругал себя за то, что не выбрал более быстроходное судно. Когда же «Аврора» наконец вошла в Средиземное море, ему стало еще тяжелее: мысль о том, что и последнюю ночь плавания придется провести в одиночестве, казалась невыносимой. В конце концов Эван решился... Когда Бьянка после ужина стала прощаться, он сказал:

— Сегодня ты останешься у меня. Ты моя жена, Бьянка, и эту ночь проведешь со мной. Если понадобится, я привяжу тебя к койке. Но почему бы тебе не остаться по собственной воле?

Каждый вечер Бьянка ожидала этого требования мужа и сейчас, как ни странно, даже

испытывала облегчение. Она стала раздеваться. Эван дождался, когда жена предстанет перед ним совершенно обнаженной, затем разделся сам.

— Сегодня, Бьянка мы проведем вместе всю ночь. Если же утром ты захочешь покинуть меня, я отпущу тебя.

Бьянка забылась в жарких объятиях мужа. Она отдавалась ему со страстью и самозабвением. Однако при первых проблесках рассвета она снова покинула его, вернувшись в свою каюту.

Когда гондола отчалила от борта «Авроры», Бьянка не удержалась и оглянулась, чтобы последний раз посмотреть на мужа. Стоя у поручней, он махал ей рукой, и он по-прежнему был самым красивым мужчиной на свете.

Хотя Эван настоял, чтобы она осталась в последнюю ночь с ним, на следующий день он сдержал слово: как только они пришвартовались, он нанял гондолу, чтобы отправить жену на берег. Впрочем, Бьянка была уверена, что еще увидит мужа — ведь он обещал сообщить ей о своих поисках.

Вскоре вдали показался дворец Антонелли, и Бьянка вдруг подумала о том, что родители, возможно, не примут ее и отправят обратно к мужу. При мысли об этом она прослезилась.

Услышав шум внизу, Кэтрин поднялась с постели и подошла к балкону. Увидев дочь, она глазам своим не поверила.

— Бьянка, неужели ты?!

Бьянка, подхватив юбки, бросилась наверх. Но, едва взглянув на мать, замерла в изумлении. Кэтрин по-прежнему была прекрасна, однако под складками ее отделанного кружевами пеньюара явственно обозначилась полнота — Кэтрин ждала младенца. Проследив за взглядом дочери, она рассмеялась:

— Давно пора подарить твоему отцу еще одного ребенка. Поторопись, ты должна рассказать мне обо всем, пока он не вернулся.

Бьянка наконец пришла в себя и, бросившись к матери, крепко обняла ее. Затем они прошли в комнату, и Кэтрин снова улеглась, заметив, что так велел доктор, хотя она с ним не согласна. Бьянка же, как в детстве, уселась в ногах матери.

— Тебя не было так долго! — воскликнула Кэтрин. — Расскажи мне все о твоём муже. Почему он не с тобой?

Бьянка судорожно сглотнула.

— Я боюсь, что папа что-нибудь с ним сделает. Поэтому лучше не скажу, где он. Я оставила его, но, может, и не навсегда. По крайней мере я на это надеюсь.

Кэтрин долго смотрела на свою прелестную дочь. Смотрела, не говоря ни слова.

— Ты любишь его? — спросила она наконец. Бьянка до боли закусил губу. Она была готова расплакаться.

— Да, отчаянно, но...

— Дорогая моя, если ты любишь мужчину, да еще «отчаянно», почему же ты покинула его? Дело только в гордости? Если так, то ты должна немедленно идти к нему и просить о прощении. Я же знаю, что ты не глупа, а ведь это действительно глупо — оставить мужчину, которого любишь.

Бьянка кивнула, понимая, что мать права.

— Дело не в гордости, а в жажде мести. Из-за этого он солгал мне. Так что пусть сначала примирится сам с собой, а потом мы снова станем мужем и женой. Все в его руках.

— Я не знала, что американцы так же склонны к вендетте, как итальянцы, — пробормотала Кэтрин. — Наверное, сейчас ты ему нужна как никогда, разве не так?

— Он слишком гордый человек, мама.

Кэтрин задумалась. Она была уверена, что Эван Синклер тоже в Венеции, и надеялась с

ним познакомиться.

— Он был добр к тебе, ангел мой?

— Да, почти всегда, — кивнула Бьянка.

— Кажется, я понимаю, — улыбнулась Кэтрин. — Кстати, должна предупредить тебя: отец был вне себя, когда ты ослушалась его.

— А ты разве нет? — потупилась Бьянка.

— Франческо тоже не сразу понравился моему отцу, и я пыталась напомнить ему историю нашей любви. К сожалению, мои воспоминания не убедили его. Я была уверена, что когда-нибудь ты захочешь повидаться с нами. И я не хочу, чтобы Франческо тебя выгнал. Но если это произойдет, ты должна сразу же отправиться к Рафаэлле.

— А разве Рафаэлла не здесь? — удивилась Бьянка.

— Ах да, ты же не знаешь... Она вышла замуж за Марко Кьяни. Они очаровательная пара и часто бывают у нас. Ты помнишь дом Марко?

— Да, конечно. Я много раз там бывала.

— Вот и хорошо. Значит, если случится худшее, ты должна отправиться туда. Рафаэлла сообщит мне, что ты в безопасности.

— Скажи, мама, а ты не знаешь молодую женщину, похожую на меня и чье имя начинается с буквы «А»?

Озадаченная этим вопросом, Кэтрин задумалась. Наконец проговорила:

— Я знаю всего нескольких блондинок, но ни одна из них не сравнится по красоте с тобой. И нет ни одной, чье имя начиналось бы с «А». Это что, какая-то загадка?

— Да, загадка. И я собираюсь разгадать ее как можно скорее. Ты все же подумай, мама. Может быть, что-то вспомнишь.

Франческо Антонелли узнал о появлении дочери, как только вошел в дом. Зная, что найдет Бьянку у Кэтрин, он бросился наверх. Однако, не желая расстраивать жену, решил поговорить с дочерью наедине, в своем кабинете. Закрыв за собой дверь, он угрожающе прошипел:

— Есть только одно оправдание твоему поступку, Бьянка. Если этот мерзавец Синклер изнасиловал и похитил тебя, я с радостью приму тебя. Если же ты покинула мой дом по собственной воле — тогда уходи!

Увидев, что отец входит в комнату матери, Бьянка бросилась к нему, но он резко отстранил ее, и она поняла, что возвращение домой оказалось несбыточной мечтой. Однако она не собиралась клеветать на Эвана.

— Если таковы твои условия, отец, то мне придется уйти, потому что я добровольно ушла с Эваном. Ушла с ним потому, что любила, — добавила Бьянка в надежде, что отец смягчится.

Однако Франческо молча повернулся к дочери спиной. Не попрощавшись с матерью, чтобы не расстраивать ее, Бьянка спустилась вниз, и на сердце у нее было так же тяжело, как и в момент расставания с мужем. Она старалась не думать о том, что произойдет, если Рафаэлла примет ее так же холодно, как отец.

Эван без труда нашел покупателя и приступил к разгрузке табака. Доки Венеции не отличались от доков других портов, и здесь, как во всяком порту, можно было найти людей, готовых за определенную плату выполнить любое поручение. Однако все были озадачены,

когда американец упорно расспрашивал о зеленоглазой блондинке. Впрочем, Эван не скупился и надеялся, что рано или поздно ему удастся отыскать красавицу, обворожившую Чарльза, и покарать убийцу брата.

Ему очень не доставало Бьянки, но в какой-то момент он вдруг понял, что может навестить ее, когда пожелает. Протомившись несколько часов у доков, Эван нанял гондолу и, когда совсем стемнело, добрался до дворца Антонелли. Как и в прошлый раз, он вскарабкался по фасаду на балкон и вошел в спальню Бьянки. Замер в темноте и прислушался... Затем, приблизившись к постели, зажег лампу. К его величайшему изумлению, Бьянки в комнате не оказалось. Не было и ее вещей. Эван не на шутку встревожился. Он ругал себя за то, что не догадался послать кого-нибудь из своих людей проследить за Бьянкой. Он был уверен, что она отправилась к родителям. Усевшись на кровать, Эван задумался... И в конце концов понял, что сейчас придется возвратиться на «Аврору». Было очевидно, что теперь ему предстояло разыскивать не одну, а двух зеленоглазых красавиц.

* * *

Все, что Бьянка поведала Рафаэлле, казалось бессмысленным даже ей самой, но она была не готова рассказать всю правду. Марко же изумился, увидев Бьянку в своем доме, и ужасно расстроился. Он говорил:

— Поверь, я не предполагал, что Синклер настолько жесток. Я не раз навещал твоих родителей, надеясь, что они простят меня за то, что я, сам того не желая, стал виновником твоего несчастья. Поначалу Франческо отказывался принимать меня, потом смягчился. А твоя очаровательная кухня оказалась такой замечательной собеседницей, что я вскоре уже стал приходить лишь для того, чтобы повидаться с ней.

Выслушав Марко, Бьянка снова повернулась к кухне:

— Я не стану для вас обузой, Рафаэлла. У меня много драгоценностей, и, возможно, Марко сможет продать их. Тогда я смогу арендовать небольшой домик, хотя и не представляю, как буду жить там.

— Но ты же моя кухня! — воскликнула Рафаэлла. — Я не допущу, чтобы ты жила в маленьком домике, без слуг, не зная, что тебя ожидает завтра. Нет, ты останешься с нами. Марко, скажи ей, что она должна остаться, пожалуйста!

Любовь Марко превратила Рафаэllu в прелестную молодую женщину. Ее блестящие каштановые волосы были красиво уложены, на ней было новое платье, и держалась она очень уверенно, ибо знала, что любима. Портрет Рафаэлли, написанный Стефано Томмази, висел в гостиной, и было очевидно, что художнику удалось запечатлеть расцветающую красоту молодой женщины.

— Конечно, оставайся, — кивнул Марко. — Мы тебе всегда будем рады, Бьянка, всегда.

Следующие несколько дней Бьянка охотно ходила с Рафаэllой за покупками, но вежливо отказывалась от встреч с гостями кухни. Слуги доставляли ей послания от матери и относили ее ответные письма. Кэтрин все еще надеялась, что отец простит дочь, но Бьянка сомневалась в этом. Марко же был по-прежнему учтив, хотя Бьянка заметила, что он становится все более сдержанным в ее присутствии. В конце концов она решила поговорить с кухней. Дождавшись ухода Марко, Бьянка зашла в гостиную, где сидела Рафаэлла, и

сказала:

— Ты была очень добра ко мне, дорогая, но я чувствую: что-то не так. Не могла бы ты объяснить мне, в чем дело? Если ты хочешь, чтобы я ушла от вас, так и скажи, прошу тебя.

Глаза Рафаэллы наполнились слезами.

— Все дело в Паоло, — ответила она. — Паоло знает, что ты здесь, и угрожает нам. Он намерен разорить Марко и сумеет это сделать. Если Паоло захочет, то...

— Я заметила, что вы с Марко расстроены, — кивнула Бьянка, — но не представляла, что все настолько серьезно. Почему вы сразу не сказали мне об угрозах Паоло?

— Но Марко никогда не прогонит тебя, никогда! — воскликнула Рафаэлла. — Ведь он по-прежнему чувствует себя виноватым... Понимаешь, Эван Синклер захотел познакомиться с самой прекрасной женщиной в Венеции, у которой золотистые волосы и зеленые глаза. Марко знал, что Эван пробудет здесь всего несколько дней и, к сожалению, выполнил его просьбу. Но ему и в голову не приходило, что все так закончится.

Бьянка помолчала. И вдруг, случайно взглянув на портрет Рафаэллы, воскликнула:

— Я знаю, что делать! Знаю, куда могу пойти. Только мне не хотелось бы рассказывать об этом тебе... Скажи Марко, что я сама решила уйти, не говори, что сообщила мне об угрозах Паоло, а то он очень расстроится. Все вскоре прояснится, и я обещаю, что вы оба нисколько не пострадаете из-за того, что помогли мне.

— Ах, Бьянка, какая ужасная история! Если бы только не Эван Синклер...

Впервые после возвращения в Венецию Бьянка по-настоящему улыбнулась — она просто просияла при мысли о муже.

— Знать его и любить — это величайшее счастье, Рафаэлла. А теперь давай не будем терять время. Пойдем, помоги мне собрать вещи. — Взяв кузину за руку, Бьянка увлекла ее за собой. — А Марко говорил о других женщинах? Он только со мной хотел познакомить Эвана? Или же были и другие?

— Другие? Кого ты имеешь в виду? Бьянка засмеялась:

— Если бы я знала их имена, то не стала бы спрашивать!

Рафаэлла густо покраснела.

— Нет, к сожалению. Но Марко недоумевает, как Эван сумел так хорошо описать тебя еще до встречи с тобой? Ты не знаешь, как ему это удалось?

— Знаю. Только это секрет, который я не могу раскрыть. И я пока не скажу тебе, куда направляюсь. Но прошу, не беспокойся за меня. Я должна кое-что сделать для Эвана, прежде чем стану думать о своей дальнейшей жизни.

— Для Эвана? — удивилась Рафаэлла. — Ты хочешь сказать, что он снова здесь, в Венеции?

— Я этого не говорила, — уклончиво ответила Бьянка.

Рафаэлла уговаривала кузину остаться, но Бьянка настояла на своем. Поцеловав гостеприимную хозяйку, она покинула ее дом.

Закончив очередной портрет, Стефано изнывал от скуки. Поэтому ужасно обрадовался, увидев гостью.

— Бьянка!.. — воскликнул он. — До меня дошли слухи о твоём возвращении, но я решил, что это просто сплетни. Значит, ты все-таки вернулась! Входи же, входи...

Бьянка тотчас же приступила к делу:

— Видишь ли, Стефано, мне пока некуда идти. Если позволишь мне пожить здесь и

поможешь найти одну женщину, я буду позировать для того портрета, что ты хотел написать.

Услышав столь заманчивое предложение, Стефано ухмыльнулся:

— Ради того, чтобы написать тебя снова, я готов на все!

Стефано стал вносить вещи Бьянки, а она тем временем гадала, не совершает ли сейчас самую большую ошибку в своей жизни. Усевшись на краешек стула, Бьянка заявила:

— Во-первых, мне нужно где-то жить, а у тебя есть свободные комнаты. Во-вторых, я хочу найти молодую женщину, очень похожую на меня. Она зеленоглазая блондинка, и ее имя начинается с буквы «А». Ты же писал портреты многих женщин, и я очень на тебя надеюсь. Если позволишь мне остаться и сможешь найти ее, я буду позировать тебе, но только для одного портрета.

— Это все, что ты хочешь? Комнату и имя блондинки? Ты, наверное, шутишь. Как я найду эту женщину, если ты ее не знаешь?

— Прошу прощения, Стефано, но разве я тебя обидела чем-нибудь? Я лишь хотела заключить сделку, выгодную для нас обоих.

— Нет-нет, я вовсе не обиделся, — улыбнулся художник. — Но я ведь не каменный. Если ты будешь жить под моей крышей и позировать обнаженной... Просто за себя не ручаюсь. Ты готова пойти на такой риск?

— Нет, — ответила Бьянка. — Если ты хотя бы раз позволишь себе вольность по отношению ко мне, я тут же уйду и позабочусь, чтобы и мой отец, и Паоло Саммарезе узнали о случившемся.

Стефано усмехнулся:

— Насколько я знаю, ни твоему отцу, ни Паоло нет до тебя дела.

— Может, и так. Но ты уверен, что они не свернут тебе шею, если ты оскорбишь меня?

Стефано нахмурился:

— А почему я должен беспокоиться из-за твоего отца и Паоло? Насколько я понимаю, ты теперь замужняя женщина.

— Я оставила мужа и хотела бы, чтобы ты больше никогда не упоминал о нем.

Стефано пожал плечами:

— Возможно, мы все же сумеем договориться...

— Договориться не составит труда. Мне нужна комната, и я хочу знать имя блондинки. А тебе нужна модель, вот и все.

Раздумывая над предложением Бьянки, Стефано запустил пальцы в свои черные кудри. Предложение казалось слишком заманчивым, хотя и риск был велик.

— Комната будет в твоём распоряжении столько времени, сколько захочешь. И я помогу тебе найти блондинку. Но на это потребуется не один день, а я бы хотел начать делать наброски. У меня сейчас как раз нет заказов, и было бы глупо терять время.

— Согласна, — кивнула Бьянка и потянулась к крючкам на лифе.

Эван тратил деньги не зря — вскоре его познакомили со множеством молодых женщин. Были среди них и хорошенькие блондинки, были даже зеленоглазые. Причем все без исключения назывались или Ангелинами, или Аннами. Красавицы очень старались услужить чудаковатому иностранцу, но тот лишь платил оговоренную заранее сумму, и на этом знакомство заканчивалось. Матросы на «Авроре» усмехались — должно быть, думали, что капитан рехнулся, однако Эван не обращал па них внимания. В конце концов он понял, что допустил ошибку, и решил действовать иначе. Отправив на поиски лишь самых смышленных из своих помощников, Эван дал им указание: установить, где живут зеленоглазые блондинки, имена которых начинаются с буквы «А». Это задание было значительно сложнее первого, но каждый из помощников заверил капитана, что именно он сообщит имя разыскиваемой женщины.

Однако где же искать Бьянку?.. Эван долго размышлял, и в конце концов его осенило: ведь он мог все узнать, навестив семью Антонелли! Они не узнают его, так что он нанесет им визит, справится о Бьянке и изобразит удивление, если ее там нет. Возможно, ему повезет и родители жены скажут, куда отправилась их дочь.

Когда Люсия сообщила, что некий капитан Джонатан Райт хочет поговорить с хозяйкой, Кэтрин, заинтригованная, велела впустить его. Но, увидев гостя, она сразу поняла: перед ней муж дочери. Высокий и прекрасно сложенный, с необычными золотисто-карими глазами и каштановыми волосами — именно так Рафаэлла описала Эвана Синклера. Справившись с волнением, Кэтрин проговорила:

— Прошу простить меня, капитан Райт, что принимаю вас, лежа в постели, но мой доктор запретил мне вставать до рождения ребенка. Принесите сюда стул, чтобы я могла поговорить с вами хотя бы несколько минут.

Бьянка говорила мужу, что ее мать молода и красива, но Эван не ожидал, что Кэтрин — едва ли не его ровесница. Она была так же прелестна, как и ее дочь, и явно очень гордилась своей беременностью. Очарованный ее улыбкой, Эван не сразу вспомнил придуманную им историю.

— Рад познакомиться с вами, синьора Антонелли, — сказал он наконец. — Я капитан «Авроры», и ваша дочь занимала каюту на моем корабле. Я хотел провести ее, но, насколько понял, это невозможно. Надеюсь, она здорова?

Кэтрин пристально посмотрела на гостя.

— Я, как и моя дочь, не люблю, когда меня обманывают, капитан Синклер. Если вы не готовы говорить правду, то вам лучше покинуть мой дом.

Нисколько не смутившись, Эван расхохотался. Потом с улыбкой сказал:

— Надеюсь, вы простите мне мой смех. Я вовсе не собирался лгать вам, просто хотел избежать неприятного разговора. Мне нужно поговорить с Бьянкой, и я рассчитывал застать ее здесь.

После некоторых объяснений Кэтрин все же решила сказать правду:

— Отец Бьянки — разумный человек, но он все-таки не смог простить дочь за то, что она послушалась его и сбежала с американцем, которого знала всего несколько дней. Не смог простить за то, что она отказалась выйти замуж за человека, с которым была помолвлена.

— Эта помолвка была фарсом, синьора, и вам это хорошо известно, — возразил

Эван. — Бьянка не любила Паоло Саммарезе, да и он, насколько я мог судить, не питал к ней нежных чувств. Стар его женой, она была бы несчастна. Неужели вы, ее родители, хотели для нее такой участи?

Решив, что продолжать разговор бесполезно, Эван поднялся, собираясь откланяться, но Кэтрин удержала его.

— Я лишь хотела извиниться за поступок мужа и вовсе не собиралась осуждать ваше поведение, хотя и считаю его недостойным. Бьянка отправилась отсюда в дом Марко Кьяни — теперь он муж Рафаэлле, кузины Бьянки. Я надеялась, что дочь сможет жить там, пока вы не выясните свои отношения, но, судя по всему, ей пришлось оттуда уйти.

Эван нахмурился:

— Я не думал, что Бьянка расскажет кому-нибудь о том, что я в Венеции.

— О, а она мне и не говорила об этом. Но мы с ней всегда были так близки, что я просто почувствовала: ее что-то очень беспокоит. Она спросила, не знаю ли я женщин, похожих на нее. Не понимаю, зачем вам понадобилось искать других женщин. Неужели вы разбили сердце моей дочери именно таким образом? Вы были неверны ей?

Заметив румянец на щеках Кэтрин, Эван понял, что она на него сердится, и она, конечно же, имела полное на это право, поскольку не знала правды.

— Я никогда не изменял жене и не собираюсь изменять. Женщина, которую я разыскиваю, не имеет никакого отношения к любовной интрижке. Это история, о которой я не имею права рассказывать.

Кэтрин откинулась па подушки.

— Такую, как Бьянка, вы не найдете. В Венеции нет женщин, похожих на нее.

Эван кивнул. Он уже начинал думать, что дневник Чарльза — всего лишь поэтические фантазии. Но все же сказал:

— Вполне вероятно, что эта женщина — любовница... — Заметив, как исказилось лицо Кэтрин, он спросил: — Синьора, вам нехорошо?

Кэтрин потянулась к хрустальному графину и налила себе воды. Взяв бокал дрожащими руками, она сделала несколько больших глотков.

— Простите, что испугала вас, но я вдруг поняла, что знаю женщину, о которой вы говорите. Это Аллегра Нетти. Но если у вас есть хотя бы капля здравого смысла, капитан Синклер, то вы найдете мою дочь и вернетесь в Америку. Не советую вам встречаться с Аллегррой.

Кэтрин казалась такой испуганной, что Эван подошел к ней и осторожно взял ее за руку.

— Я вполне способен позаботиться о себе, синьора. Не могли бы вы рассказать мне все, что знаете об этой женщине?

Кэтрин поняла: если она откажется сейчас выполнить просьбу Эвана, то он непременно отправится разыскивать Аллегру.

— Эта женщина — всего лишь красивая дочь пекаря, но она умна и умело использует достоинства, дарованные ей природой. Когда-то Аллегррой увлекся художник Стефано Томмази, и она часто позировала ему. Стефано — прекрасный мастер, и многие говорят, что, используя Аллегру в качестве модели, он создал свои самые замечательные картины. И он же знакомил Аллегру с влиятельными и богатыми мужчинами, становившимися ее любовниками. Она постоянно находила себе могущественных покровителей. Сейчас ей немногим более двадцати. Бьянка о ней ничего не знает, потому что мы никогда не говорили

об Аллегре в ее присутствии. А вот если бы вы описали ее моему мужу или его друзьям, они тут же назвали бы ее имя. Как я уже сказала, она красива и умна. Сейчас у нее собственный дворец на Большом канале, и последние несколько лет она была любовницей дожа.

Американец понурился — он прекрасно понимал, как непросто убить правителя Венеции. «Но нет ничего невозможного», — решил Эван, тотчас же прибодрившись — ведь он наконец-то узнал имя красавицы, погубившей брата.

— Насколько я понимаю, она — зеленоглазая блондинка?

— Да, но она хитра и коварна. Каковы бы ни были причины, побуждающие вас встретиться с ней, я умоляю вас отказаться от этой затеи!

— Теперь, когда вы так много рассказали, мне и не нужно встречаться с ней, — улыбнулся Эван. Тем не менее именно это он и собирался сделать — ради Чарльза. — Я не хотел расстроить вас. Прошу простить меня. Я лишь хотел увидеть Бьянку. Вы не знаете, где я могу найти ее, если ее нет у Марко? Кэтрин покачала головой:

— Нет. И я очень волнуюсь. Если вы найдете Бьянку, то сообщите мне?

— Конечно. — Эван не ожидал, что мать Бьянки окажется такой привлекательной и отзывчивой. Растрогавшись, он наклонился и поцеловал ее в лоб. — Я очень люблю вашу дочь. Понимаю, что вы с мужем, возможно, никогда не простите меня, но я полюбил Бьянку и не мог допустить, чтобы она вышла замуж за Паоло Саммарезе.

— Вы навестите меня еще раз? — спросила Кэтрин; она надеялась, что Эван скоро найдет Бьянку и они помирятся.

— Я постараюсь, — снова улыбнулся Эван.

Вернувшись на корабль, он увидел на палубе одного из венецианцев и прошел с ним в каюту, где тот и сообщил уже известное имя — Аллегра Нетти. Вытащив карту Бьянки, Эван попросил показать ее жилище. Как он и предполагал, венецианец указал на то место на Большом канале, которое Бьянка оставила пустым. Эван щедро заплатил за добытые сведения.

Бьянке никогда не нравилось позировать у Стефано, а теперь, обнаженной, — тем более. Художник попросил ее прилечь на кушетку, задрапированную красным бархатом, и сделанные им предварительные наброски оказались очень хороши. Стефано хотел создать большое полотно, он решил изобразить еще и лебедя и назвать картину «Леда и лебедь» — эту греческую красавицу посещал Зевс, превращавшийся в красивейшую из птиц.

Верный своему слову, Стефано сделал через час перерыв и, бросив Бьянке халат из голубого шелка, принес ей чашку чая. Бьянка же снова попыталась вовлечь художника в разговор на интересующую ее тему.

— Кого ты предпочитаешь рисовать, Стефано: блондинок или брюнеток? — спросила она.

— Блондинок, разумеется! — Стефано громко рассмеялся. — Обожаю блондинок с великолепными золотистыми волосами. Да и публике такие женщины представляются богинями. Понимаешь, вы делаете за меня большую часть работы, и я вам очень благодарен за это.

— Ну раз ты так страстно любишь блондинок, то непременно должен знать женщину, которую я ищу. Она должна быть на несколько лет старше меня, возможно, замужем. Ну пожалуйста, вспомни, не рисовал ли ты женщину, очень похожую на меня?

Стефано поджал губы.

— А почему ты так уверена, что эта женщина все еще в Венеции? Возможно, она и жила здесь когда-то, но могла уже уехать или даже умереть, хотя если она так же прекрасна, как ты, то надеюсь, этого не случилось.

— А ты ведешь учет своих заказов? Я могла бы просто просмотреть записи и не докучать тебе расспросами.

— Мои счета в ужасном беспорядке! — с огорчением воскликнул Стефано. — Я никогда не вел аккуратных записей. Может, с твоей помощью мне удастся привести их в порядок. Так, а теперь давай продолжим, если ты допила чай. Мне нужно уйти в полдень, так что не волнуйся, я не заставлю тебя позировать целый день.

После ухода Стефано Бьянке совершенно нечем было заняться. Поэтому, быстро одевшись, она принялась писать записку матери. Не желая признаваться в том, что живет у художника, Бьянка лишь сообщила, что у нее все хорошо и что она скоро даст о себе знать. Денег на гондольера у нее не было, так что записку она могла доставить только сама, отправившись к дворцу Антонелли пешком. Она уже надела накидку, но тут раздался громкий стук в дверь. Подумав, что это важный для Стефано заказчик, Бьянка решила открыть.

— О Господи, что ты тут делаешь?! — воскликнул стоявший у порога Эван.

— Добрый день, — улыбнулась Бьянка. — Стефано сейчас нет, но я уверена, что он не будет против, если ты войдешь.

— А синьора... Томмази дома? — спросил Эван.

— Насколько я знаю, здесь нет никакой синьоры Томмази. Если хочешь поговорить, присаживайся. У окна два стула, которые пока еще не в краске.

— Бьянка, твоя мать очень беспокоится. Почему ты не сообщила ей о себе? — Эван окинул взглядом мастерскую художника; он по-прежнему не понимал, что здесь делает его жена.

— Ты виделся с моей матерью? — с невозмутимым видом спросила Бьянка.

— Да, — кивнул Эван. — Она прекрасна, очаровательна и очень тревожится за тебя, как и я. Но что же ты здесь делаешь? Неужели решила заказать еще один портрет?

Бьянка вспыхнула:

— Отец запретил маме повесить уже готовый портрет, так что еще один им не нужен.

— Ну, если твоему отцу портрет не нужен, то он нужен мне, — заявил Эван. — Но речи не об этом... Надеюсь, ты не рассказала своему другу Стефано о моих планах?

— Нет, конечно. Я вообще о тебе ничего не говорила, — ответила Бьянка. — Так тебе нужен Стефано или же ты искал меня?

— Я надеялся, что Томмази поможет тебя найти. И очень удивился, увидев тебя здесь. Я, кажется, нашел нашу богиню, Бьянка. Ее зовут Аллегра Нетти. Она вряд ли говорит по-английски, так что не могла бы ты навестить ее вместе со мной?

— Ты думаешь, это разумно?

— Возможно, нет. Но я полагаю, что встретиться с ней нужно обязательно. Я хочу убедиться, что это действительно та самая блондинка... У меня здесь гондола. Аллегра живет неподалеку от палаццо Антонелли, так что мы сможем передать записку твоей матери, если захочешь.

— Да, конечно. Я написала ей.

По пути они оставили записку для Кэтрин и повернули к дворцу Аллегры. Когда Эван попросил Бьянку назваться девичьей фамилией, она поняла, почему он взял ее с собой.

Немногие в Венеции осмелились бы не принять дочь Франческо Антонелли — во всяком случае, Аллегра была не из их числа.

Белокурая красавица в розовом шелковом платье грациозно спускалась по лестнице навстречу гостям, и казалось, она плывет по воздуху. Бьянка взглянула на Эвана, но его лицо было непроницаемым. Он пристально разглядывал молодую женщину, но это ее, похоже, нисколько не смущало — было очевидно, что Аллегра Нетти привыкла к вниманию мужчин. Хозяйка провела Бьянку с Эваном в гостиную, и им подали печенье.

Призывно улыбаясь гостю, Аллегра поинтересовалась его впечатлениями от Венеции. Эван же убедился, что Кэтрин верно описала эту женщину. Ее волосы были мягкими и золотистыми, как у Бьянки, а изумрудная зелень глаз завораживала. Но красота Аллегры казалась искусственной, как и ее тошнотворно-сладостный голосок, — Эван сразу же почувствовал неприязнь к ней. Вскоре ему наскучил разговор с хозяйкой, и он повернулся к Бьянке:

— Спроси ее как бы между прочим, не встречалась ли она с Чарльзом Греем? Я просто хочу увидеть ее реакцию.

Едва Бьянка произнесла имя Чарльза, как маска спала с лица красавицы и Эван увидел страдающую, убитую горем женщину. Ошеломленный этим превращением, он в растерянности пробормотал:

— Она определенно помнит его, так что попробуй выяснить, каковы были их отношения.

Бьянка удивилась жестокости Эвана — ведь было совершенно ясно: разговор о Чарльзе причиняет Аллегре нестерпимую боль. Легонько коснувшись колена Аллегры, словно успокаивая ее, Бьянка сказала:

— Мы похожи, словно сестры, не правда ли? Я искренне сочувствую вашему горю. Я читала дневник Чарльза, и каждая строчка в нем свидетельствует о любви к вам. Мы просто хотим знать, что произошло...

Заливаясь слезами, Аллегра с усилием проговорила:

— Я боготворила его, но у нас было так мало времени... Мы уже все решили и должны были покинуть Венецию, но вдруг... — Не в силах продолжать, она закрыла лицо ладонями.

Бьянка перевела Эвану слова Аллегры, потом спросила:

— А кто мог ненавидеть Чарльза до такой степени, чтобы желать его смерти? Возможно, ваш муж или возлюбленный? Кто?..

Аллегра энергично покачала головой:

— Это был грабитель. Ко мне это не имело никакого отношения.

Она встала, и Эван с Бьянкой тоже поднялись.

— Я помогу вам подняться наверх, — сказала Бьянка и, взглянув на Эвана, обняла заплаканную женщину за талию. Когда они вошли в будуар, Бьянка сразу заметила портрет у постели и безошибочно определила, что это работа Стефано. Но не мог же он забыть такую женщину... — Аллегра, Чарльз называл вас богиней. У него были для этого особые причины?

Аллегра, утирая слезы, опустилась на постель.

— Обычно моя служанка была нам переводчицей, хотя чаще мы обходились без слов. Он спросил об этом портрете, и я сказала, что художник всегда называл меня своей Венерой, богиней любви. И тогда Чарльз сказал, что отныне я — его богиня. До встречи с ним я никогда не любила. Мы думали, что наша любовь будет вечной, а у нас была всего одна

неделя.

Аллегра, казалось, была убеждена в том, что Чарльза убил обычный грабитель, однако Бьянка очень в этом сомневалась. Она спросила:

— А кто знал, что вы полюбили Чарльза? Кто еще, кроме служанки? Она могла рассказать кому-нибудь?

— Тереза никогда бы не выдала такую тайну. Кроме нее, никто не знал, что я люблю Чарльза.

Бьянка сидела рядом с Аллегой, пока та не заснула. Укрыв ее покрывалом, Бьянка вернулась в гостиную.

— Аллегра слишком расстроена и твердит, что Чарльза убил грабитель, — сказала она Эвану. — Жаль, что мы узнали так мало.

Эван едва заметно улыбнулся:

— Вообще-то мы узнали довольно много. Например, о том, что любовь Чарльза не была безответной. Я, признаться, этого не ожидал.

— А это что-то меняет для тебя? Эван покачал головой:

— Нет, лишь прибавляет мне решимости добиться того, чтобы мерзавец, убивший моего брата, оказался в могиле, кем бы он ни был.

Они вышли к ожидавшей их гондоле, и Бьянка невольно вздрогнула — она вдруг поняла, что ее муж знает, кто этот мерзавец.

Когда они добрались до жилища художника, Эван попросил гондольера подождать и вошел следом за Бьянкой в дом. Он хотел познакомиться со Стефано и был разочарован, узнав, что тот еще не вернулся.

— Спасибо, что помогла мне сегодня, Бьянка. Знаешь, я не хочу оставлять тебя здесь. Возвращайся со мной на «Аврору». Мне нужна твоя помощь, потому что... Все очень просто: ты нужна мне, потому что я тебя люблю.

Бьянка отвернулась, чтобы скрыть свою растерянность.

— Эван, так кто же она, эта Аллегра Нетти? Я видела ее дом раньше, но не знала, кому он принадлежит. Я никогда не слышала о семье Нетти, а когда спросила Аллегру о муже, она ничего не ответила.

— Думаю, она не замужем, — сказал Эван. — Наверное, мне не следовало вовлекать тебя в эту историю, но теперь уже ничего не изменишь... Возможно, мне придется в спешке покинуть Венецию, и у тебя не будет времени на раздумья... Поэтому я хочу, чтобы ты находилась на борту «Авроры».

Бьянка тяжело вздохнула:

— Мне нужно еще немного времени, Эван. Хотя бы день. Пожалуйста, не сердись на меня.

Эван, нахмурившись, направился к двери. И вдруг увидел мольберт, за которым утром работал Стефано. Он машинально сдернул полотно, прикрывавшее холст, и резко остановился, в ужасе глядя на картину.

Хотя это были всего лишь предварительные наброски, Эван сразу же узнал Бьянку. Повернувшись, он пристально посмотрел на жену.

— Как ты могла?.. Значит, ты хочешь остаться со Стефано?

— Эван, ты ничего не понимаешь! — в отчаянии воскликнула Бьянка.

— Это ты ему позировала, ведь так?! — в ярости закричал Эван и тотчас же вышел, не попрощавшись.

Бьянка бросилась следом за ним, но Эван уже сидел в гондолу. Вернувшись в мастерскую, она прикрыла мольберт полотном и задумалась... Бьянка была уверена: если Стефано и Аллегра были близки, то у него обязательно должны сохраниться наброски или рисунки. Решив их разыскать, она начала со спальни, но там никаких работ не было. Повернувшись, чтобы уйти, Бьянка вдруг заметила, что в одном месте на стене краска выгорела меньше. Вероятно, там висела картина, но совсем недавно Стефано снял ее. Зачем? Чтобы продать или же спрятать от нее? Вдохновленная этой мыслью, она направилась в комнату, больше походившую на склад. Здесь хранились мраморные подставки для ваз, восточные ковры, свернутые в рулоны, целые ярды бархата, который Стефано использовал для драпировки, а также карнавальные костюмы. Вскоре Бьянка обнаружила несколько картин и среди них — великолепный портрет Аллегры Нетти. Однако она так увлеклась поисками, что не услышала, как в дом вошел Стефано. Он стоял, прислонившись к дверному косяку, и уже несколько минут наблюдал за ней. Наконец, окликнув ее, проговорил:

— Так что ты хотела узнать об Аллегре? Если скажешь правду, я, возможно, отвечу тебе.

— Это Аллегра? — с невинным видом спросила Бьянка; она пыталась выиграть время, чтобы придумать убедительное объяснение своему интересу к этой женщине.

— А разве ты не узнаешь ее? Ты изводила меня бесконечными расспросами о ней. Так что я полагал, ты узнаешь ее портрет, как только взглянешь на него.

— Она прелестна.

— Она не просто прелестна, она настоящая красавица, — заявил Стефано, медленно приближаясь к Бьянке. — Теперь, когда ты нашла портрет, я могу вернуть его на место.

— А зачем тебе понадобилось прятать его? — Бьянка попыталась непринужденно улыбнуться.

— Мои отношения с ней касаются только нас двоих. А теперь скажи мне: почему она тебя так интересуется? — спросил он с угрозой в голосе.

Бьянка широко улыбнулась, ей казалось, что она придумала вполне удовлетворительный ответ:

— Я никогда не слышала ее имени, но мне говорили, что в Венеции есть молодая женщина, очень похожая на меня. Вот мне и захотелось посмотреть на нее. Понимаешь, я допустила ужасную ошибку, когда вышла замуж за Эвана Синклера. Поэтому вернулась домой при первой же возможности, надеясь, что родители простят меня и будут мне рады. Но они не приняли меня, и я вспомнила: есть женщина, которая многого добилась благодаря своей красоте. Вот я и хотела узнать ее имя, чтобы поговорить с ней и спросить, не могу ли я воспользоваться ее опытом.

Пораженный столь откровенным признанием, Стефано недоверчиво покачал головой. Потом повернулся и отправился в свою спальню, чтобы повесить портрет. Бьянка пошла следом за ним, но не стала входить в комнату и остановилась у порога.

— Мы должны поговорить, — сказал Стефано и провел Бьянку в мастерскую. Он предложил ей бокал вина. — Когда ты пришла ко мне, я понял, что ты в отчаянном положении. И вот ты провела в моем доме ночь и почти два дня, не так ли?

— Ты был очень добр ко мне. Спасибо, Стефано.

— Я бы хотел быть еще добрее, — усмехнулся художник. — Но сначала позволь рассказать тебе кое-что об Аллегре Нетти.

Бьянка сделала глоток вина и кивнула:

— Да, пожалуйста, расскажи мне о ней.

— Тот портрет, что ты видела, был написан десять лет назад. Аллегра была тогда так наивна, что не знала, как использовать в своих интересах красоту, дарованную ей природой.

— Использовать в своих интересах?..

— Она любовница дожа, — пояснил Стефано. — Недурно для дочери пекаря! Я научил ее доставлять удовольствие мужчинам, научил одеваться и говорить так, чтобы казаться умной, хотя до этого ей далеко. Она была всего лишь куском глины, а я превратил ее в богиню. Но Аллегра в долгу не осталась.

Ошеломленная откровениями Стефано, Бьянка молчала. Теперь она была уверена: Эван знал о том, что Аллегра — любовница дожа, и замыслил убийство. Наконец она спросила:

— А как Аллегра отплатила тебе?

Стефано хмыкнул:

— Мы всегда были очень осторожны, так что говорю это тебе по секрету. Аллегра была любовницей многих мужчин, но все это время она оставалась моей женой. Пусть другие и пользовались ею какое-то время, но она всегда будет принадлежать мне!

— Твоя жена?! — Бьянка поставила на стол бокал и в растерянности развела руками. — Но как ты позволил ей быть любовницей других мужчин? Как ты мог вынести это?!

— Мое искусство — это моя жизнь, Бьянка. Мне хорошо платят, но я быстро спускаю все деньги. Так что я никогда не смог бы купить Аллегре роскошное жилище. Мы с ней все прекрасно придумали. Ее постоянно балуют, но ни один мужчина не может провести с любовницей больше нескольких часов в неделю, поэтому у нее всегда достаточно времени и для меня.

— А как ты узнаешь, что можно без опасений навестить ее?

— Ее служанка Тереза может выскользнуть из дома незамеченной. Когда Аллегра хочет видеть меня, она посылает с ней записку. Тереза помогала нам все эти годы.

— Она шпионит для тебя?

— Вот именно, — сказал Стефано с лукавой улыбкой. — Как я уже сказал, Аллегра — красавица, но она лишена твоего острого ума, поэтому так и не поняла, что Тереза служит не только ей, но и мне.

— Очень удобно, — пробормотала Бьянка. Теперь она знала, как Стефано узнал про Чарльза. — А что бы ты сделал, если бы твоя жена совершила поступок, который ты не одобряешь?

Стефано тотчас же насторожился. Он пристально взглянул на молодую женщину.

— Я бы сразу принял меры... Ведь Аллегра — моя жена.

Бьянка с минуту молчала. Наконец сказала первое, что пришло ей в голову:

— У нас с Аллегррой мало общего, разве что некоторое внешнее сходство. Полагаю, я уже знаю все, чему ты научил ее, Я только не знаю, как становятся любовницей.

Стефано нахмурился, пораженный тем, что такая прелестная молодая женщина оказалась столь практичной.

— В этом я могу помочь тебе, как когда-то Аллегре. Я питаю слабость к красивым женщинам, а также к карточной игре. А за карточным столом часто можно встретить богатых людей. Стоит мне только сказать, что у тебя пет покровителя, — и тут же кто-нибудь с готовностью предложит себя на эту роль. Возможно, у тебя даже появится выбор.

— Я буду очень признательна тебе за помощь, Стефано. Не мог бы ты упомянуть и о моих трудностях, чтобы мне предложили наиболее выгодные условия? — спросила Бьянка, стараясь добиться того, чтобы художник побыстрее ушел. — Лучше всего сделать это сегодня же, потому что я в отчаянном положении.

— Тебе повезло. У меня сегодня действительно дела вне дома. Но думаю, что я лучше смогу описать твои прелести, если сам их познаю. — Стефано встал и, приподняв пальцами подбородок Бьянки, впился в ее губы поцелуем. Бьянка отстранилась, и он пробормотал: — Я думал, ты хочешь продать себя с наибольшей выгодой, но твоя сдержанность не вдохновляет меня...

Бьянка густо покраснела.

— Стефано, я сейчас слишком нервничаю... Да ведь мне и не нужно ничего тебе доказывать после того, как я позировала тебе. Я хотела бы, чтобы ты сначала все устроил, а потом уж я тебя отблагодарю.

Стефано счел просьбу Бьянки разумной и отступил.

— Ты смышленная, Бьянка, и постоянно пытаешься что-то выгадать. Сегодня тебе повезло, потому что у меня назначена игра и я пришел домой лишь для того, чтобы переодеться. Не жди меня. Я могу потом отправиться к Аллегре.

Бьянка спросила:

— А ты не боишься, что столкнешься там с дожем?

— Нет. Мы уже давно придумали условный знак. Когда дож у Аллегры, она выставляет на балкон горшок с цветком. Если горшка нет, значит, можно спокойно входить в дом, — ухмыльнулся Стефано.

Как только художник ушел, Бьянка набросила на плечи накидку и поспешила к пристани. Вахтенный матрос очень удивился, увидев ее. Но все же, вежливо поздоровавшись, помог ей подняться на борт «Авроры». Бьянка прошла к капитанской каюте и решительно постучала в дверь.

Эван пребывал в отвратительном настроении. Решив, что явился кто-то из команды, он распахнул дверь и опешил, увидев жену.

— Бьянка, любимая... — Он принялся покрывать поцелуями ее лицо.

Она осторожно высвободилась из его объятий.

— Эван, мне нужно сообщить тебе что-то очень важное.

— Ты здесь... Что может быть важнее этого? — Обняв жену за талию, он снова стал целовать ее. Наконец, отступив, пробормотал: — Что ж, рассказывай...

— Эван, дож не убивал твоего брата.

— Но почему ты решила, что я подозреваю дожа? — Эван изобразил удивление, хотя нисколько не сомневался в том, что именно дож ему предстоит убить.

Бьянка сняла накидку и отбросила ее в сторону.

— Можно мне немного бренди?

— Конечно. — Наполнив бокалы, Эван потянулся к Бьянке и усадил ее к себе на колени. — А теперь скажи мне: почему ты решила, что я намерен расправиться с дожем?

Бьянка сделала глоток бренди, надеясь, что это придаст ей смелости.

— Аллегра Нетти — любовница дожа. Я уверена, что ты уже знал это, когда мы были у нее. Почему ты мне об этом не сказал?

— Я думал, будет лучше, если ты ничего не узнаешь. Тогда, если б меня задержали, тебя не обвинили бы в соучастии...

Бьянка закрыла глаза и тяжело вздохнула:

— Очень глупо с твоей стороны. Но поскольку и я вела себя глупо, то я тебя прощаю.

— Спасибо! — усмехнулся Эван; он был счастлив, что жена снова с ним.

Бьянка между тем продолжала:

— Поднявшись наверх с Аллегррой, я увидела ее портрет. Это была работа Стефано. Он называет ее богиней. Вот почему твой брат так называл ее в своем дневнике. Я была уверена: если кто-нибудь в Венеции знает Аллегру, так это Стефано. Но он сделал вид, что не знаком с ней.

— А зачем ему понадобилось лгать?

— Вернувшись сегодня к Стефано, я обыскала весь дом и нашла еще один портрет Аллегры. Только после этого Стефано признался, что знает ее. Она позировала ему много лет назад, и он не хочет, чтобы кто-нибудь знал об их отношениях. Она — его жена, Эван, и я уверена, что это он убил Чарльза, чтобы Аллегра не покинула Венецию.

— О Боже! — Эван пришел в ужас при мысли о том, какой опасности подвергалась Бьянка. — Ты, конечно, права. Мы оба не были откровенны друг с другом, и на сей раз это могло стоить тебе жизни!

— И тебе, если бы ты решил расправиться с дожем! — добавила Бьянка и крепко прижалась к мужу.

— Но есть ли у тебя доказательства?.. Или же это только подозрения?

Бьянка чуть отстранилась и взглянула на Эвана.

— Стефано сказал, что служанка Аллегры обо всем ему сообщала. А Аллегра даже и не подозревает, что за ней шпионят.

— А где он сейчас?

— Играет где-то в карты. А что?

— Я, пожалуй, отправлюсь к его дому и подожду там. Он ведь думает, что ты у него?

— Да, но он, наверное, вернется очень поздно, потому что может сегодня зайти к Аллегре.

— Понятно. Тогда лучше всего подождать его там.

— Прошу тебя, Эван, давай пойдем к моему отцу и расскажем ему все, что узнали о Стефано. Он позаботится, чтобы его арестовали и судили за убийство Чарльза. Уверяю тебя: справедливость восторжествует и тебе не придется рисковать жизнью.

Эван снял Бьянку с колен и встал.

— У нас нет ни малейших доказательств, дорогая. Мы всего лишь подозреваем Стефано. И потом... Ты что, думаешь, дож захочет, чтобы Аллегра оказалась замешанной в таком деле? Я очень в этом сомневаюсь. Чтобы восторжествовала справедливость, мне придется самому этим заняться.

Глаза Бьянки наполнились слезами.

— Я люблю тебя, Эван! Больше всего на свете я хочу остаться с тобой и сделать дом Маршаллов нашим домом, но...

— Ты должна доверять мне, Бьянка, — сказал Эван, снова обнимая ее. — Не только сейчас, но и всегда.

Бьянка прильнула к мужу, и его страстные объятия разрушили все преграды. Целуя Эвана, она забыла обо всем на свете, забыла обо всех ссорах и обидах. Руки Бьянки скользнули под рубашку Эвана, и она, почувствовав жар его тела, тихонько застонала. Он крепко прижал ее к себе, а потом, осторожно отстранившись, легонько подтолкнул к кровати.

Бьянка нежилась в объятиях Эвана, перебирая копчиками пальцев завитки волос на его груди. Она подбирала нужные слова, пытаясь выразить свои чувства так, чтобы не обидеть мужа.

— Мы как бы сделали полный круг, да? Мы снова в Венеции и так увлеклись мечтами с мести, что едва не потеряли друг друга. Я очень боюсь, Эван, потому что не хочу снова потерять тебя.

— А ты меня и не теряла, любовь моя. — Разумеется, Бьянка заставила его понервничать, но он не собирался признаваться в этом. — Если бы я доверился тебе при первой встрече, возможно, наша совместная жизнь началась бы удачнее, но я не стану терять время на сожаления. Сегодня я расквитаюсь со Стефано, а завтра мы отправимся домой, и Венеция останется в прошлом, о котором мы больше никогда не будем вспоминать.

Бьянка приподнялась на локте, вглядываясь в лицо мужа.

— Ты даже и не подумаешь сделать так, как я прошу? Не станешь обращаться за помощью к моему отцу?

Эван глубоко вздохнул и закрыл глаза; он был уверен, что Бьянка может слишком много прочитать в его взгляде.

— Для суда у нас недостаточно доказательств, дорогая. Но даже если бы они имелись, дож не пошел бы нам навстречу. Не забывай, Аллегра собиралась оставить и его, а не только Стефано.

— Ты ведь не знаешь дожа. И ты не можешь знать, как он поступит, — возразила Бьянка.

— Я не могу поручать твоему отцу то, что сам должен сделать. Это мой долг, Бьянка. Не волнуйся, я скоро вернусь. Заодно заберу у Стефано твои вещи и ту картину, что он начал.

— Я пойду с тобой, — заявила Бьянка. — Одному тебе не справиться.

Эван невольно улыбнулся:

— Я не раз убивал, Бьянка, и обходился без твоей помощи. Сегодня мне твоя помощь не понадобится.

Бьянка вскочила с постели и стала одеваться.

— Ты ведь даже не знаешь, как выглядит Стефано. Я не допущу, чтобы ты убил первого встречного.

— Что ж, опиши мне его, — сказал Эван, надевая рубашку.

— Но в Венеции сотни темноволосых и темноглазых мужчин его комплекции. Невозможно узнать Стефано по описанию. — Бьянка машинально повернулась к Эвану спиной, и он зашнуровал ей корсет. — Тебе придется взять меня с собой. Это единственный выход.

Несколько секунд Эван раздумывал: не приковать ли жену цепью к кровати? Но решил этого не делать, потому что понимал, что Бьянка права.

— Ты должна обещать мне, что только покажешь этого Стефано, а потом не будешь мешать.

— Да, обещаю. Я просто буду рядом и укажу на него, — сказала Бьянка.

Эван намеренно подобрал самую темную и поношенную одежду и теперь походил скорее на разбойника с большой дороги, нежели на состоятельного судовладельца.

— Мы сначала отправимся к нему домой. Если он дома, тем лучше. Там я его и прикончу. Если же нет, соберем твои вещи и отправимся к Аллегре. Он наверняка уйдет от нее задолго до рассвета, а мы как раз и будем поджидать его.

— Прекрасно, — кивнула Бьянка. — Но, Эван... давай сделаем то, что должны сделать, и забудем об этом.

— Именно так я и намерен поступить, моя дорогая.

Эван вывел жену из каюты и усадил в небольшую весельную лодку — гондольер оказался бы ненужным свидетелем. Он передал Бьянке фонарь, а сам налег на весла. Лодка стремительно понеслась по темным водам лагуны, и вскоре они уже плыли по пустынным каналам.

Сидя в лодке, Бьянка дрожала не только от ночной прохлады, но и от ощущения опасности. Она чувствовала, что и Эван волнуется. Наконец они добрались до дома Стефано. Дом был погружен во тьму, и Бьянка не знала, хороший это знак или нет. Когда Эван, привязав лодку, помог ей подняться по ступеням, она сказала:

— Если он дома, то почему не оставил для меня лампу зажженной?

— Возможно, он не заметил, что тебя нет в твоей комнате. Давай войдем. Пройди к его спальне и посмотри, там ли он. Если там, громко пожелай ему спокойной ночи, чтобы я услышал.

Бьянка судорожно сглотнула.

— Здесь, у двери, есть лампа, — прошептала она и тут же зажгла ее. Языки пламени отбрасывали на стены причудливые тени, которые казались Бьянке великанами, исполняющими какой-то ритуальный танец. — Возьми сначала картину, тогда мы сможем быстро уйти, — прошептала она.

Эван кивнул, но, проходя мимо мольберта, задел его носком сапога. Мольберт вместе с картиной с грохотом рухнул на пол. Эван громко выругался, но тут же, спохватившись, прошептал:

— Если это не разбудило его, значит, ничего не разбудит. Иди и посмотри, здесь ли он. Ну же, иди, пока он не увидел нас!

Взяв у Эвана фонарь, Бьянка крадучись пошла по коридору. Остановившись у двери Стефано, она долго прислушивалась, но из комнаты не доносилось ни звука. Бьянка осторожно повернула ручку двери. Дверные петли жалобно закрипели, и Бьянка замерла, совершенно уверенная в том, что Стефано сейчас бросится на нее и вонзит кинжал прямо ей в сердце. Но в комнате по-прежнему царила тишина. Бьянка подняла над головой фонарь и увидела, что кровать Стефано аккуратно убрана. Закрыв дверь, она поспешила к Эвану.

— Его еще нет, — прошептала она.

Эван вырезал полотно из подрамника и аккуратно свернул его.

— Тогда нечего шептаться. Собери свои вещи. Я, пожалуй, останусь здесь — на случай, если он вдруг появится.

— А что ты сделаешь, когда он придет? — прошептала Бьянка, все еще опасаясь, что их могут услышать.

— Я вежливо представлюсь, объясню причину своего появления здесь и перережу ему глотку. Поторопись, у нас нет времени на разговоры.

Бьянка молча повернулась и направилась в свою комнату. Побросав все вещи на кровать, она связала концы одеяла и потащила увесистый узел вниз.

Эван бросился ей навстречу.

— Дай-ка его мне, а сама держи фонарь. — Когда они устроились в лодке, он сказал: — Я с трудом представляю, как добираться до палаццо Аллегры.

— Мы должны плыть вот по этому каналу до пересечения со следующим, а потом повернем на запад и окажемся в Большом канале.

Ночь была темная и холодная. Бьянка ужасно замерзла, и ей уже начинало казаться, что они никогда не доплывут до дома Аллегры. Но вот наконец лодка свернула в Большой канал, Эван спросил:

— А как Стефано сюда добирается — пешком или по воде?

— У него есть лодка, но он, как и мы, не осмелится привязать ее у причала Аллегры. Думаю, он оставляет ее где-то поблизости и идет к дому пешком. Он сказал мне, что ждет условного знака на балконе и знает, когда можно войти. Но сейчас слишком темно, и я ничего не смогла разглядеть.

Эван помог Бьянке выбраться из лодки, взял ее за руку и повел за собой. Они остановились чуть поодаль от парадного входа, чтобы сразу заметить человека, выходящего из боковой двери.

— Нам недолго ждать, — сказал Эван и, погасив фонарь, поставил его у своих ног. — Когда кто-нибудь выйдет из боковой двери, он должен будет пройти мимо нас. Если это Стефано, оклики его. Он непременно остановится, чтобы спросить, что ты тут делаешь.

— О, Эван, я совсем забыла об Аллегре. Если она расскажет о нашем визите, Стефан поймет, что я обманывала его.

— Она ничего не скажет, потому что Стефано — последний, кому она захотела бы рассказать о Чарльзе.

Им пришлось ждать довольно долго. Небо уже начинало светлеть, когда они наконец услышали, как открылась и закрылась боковая дверь. Затем послышались гулкие шаги, и Бьянка увидела Стефано Томмази. Она окликнула его по имени, и он резко остановился.

— Бьянка, ты? — изумился художник.

Эван выступил из тени и заговорил с ним, но тотчас же понял, что Стефано не понимает по-английски. Повернувшись к Бьянке, Эван сказал:

— Не могла бы ты представить нас друг другу? Я хочу, чтобы он знал, почему я должен убить его.

Собравшись с духом, Бьянка проговорила:

— Прошлой осенью, Стефано, ты убил человека по имени Чарльз Грей. Ты убил человека, которого любила Аллегра. Но ты ведь нисколько не раскаиваешься, да?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь! — прорычал Стефано. Выхватив из-за пояса нож, он попятился к стене дома, из которого только что вышел.

Эван двинулся к нему; в его руке тоже сверкнул нож. Вокруг Эвана, одетого во все черное, клубился утренний туман, и вид у него был столь зловещий, что Стефано содрогнулся, глаза его расширились.

— Я убил его потому, что он не имел права соблазнять мою жену! Бьянка, скажи этому человеку, что Аллегра — моя жена! — закричал Стефано.

Бьянка перевела слова художника, но это не остановило Эвана. Стефано в панике бросился к боковой двери, из которой только что вышел, но дверь оказалась заперта, и он стал отчаянно молотить в нее кулаком. Между тем Эван неумолимо приближался, и Стефано двинулся к стене дома, над которой нависали балконы второго и третьего этажей, — он понял, что ему придется защищаться.

Эван пристально посмотрел на негодя — тот дрожал от страха.

— Ты подлый трус! Мне следует порезать тебя на кусочки и скормить рыбам в канале, они обожают падаль.

Стефано обратился к Бьянке — она была его единственной надеждой на спасение.

— Я всего лишь защищал жену! — прохрипел он. — Он не имел права соблазнять мою жену!

Бьянка смотрела на Стефано с омерзением — ведь он не вызвал молодого американца на дуэль, а ударил ножом в спину, убил подло, как трус.

И тут Бьянка заметила на верхнем балконе фигуру. Без сомнения, это была Аллегра. Бьянка попыталась получше рассмотреть ее, но тотчас отвела глаза, потому что в этот момент Эван бросился на художника. Однако Стефано был подвижен и увертлив и успел уклониться от удара. Впрочем, Эван не торопился заканчивать бой, он предоставил Томмази возможность защищаться. С легкостью отражая удары противника, Эван лишь ждал того мгновения, когда Томмази выбьется из сил и поймет, что обречен. Но вот, в очередной раз взглянув в лицо художника, он вдруг понял, насколько жалок этот человек, продающий свою жену. Он смотрел на Стефано с омерзением, смотрел, понимая: убить этого негодя — не такая уж большая честь. Эван решил последовать совету жены и передать Томмази в руки властей. Они слышали его признание, и этого было достаточно. Бросившись на Стефано, Эван резким ударом выбил нож из его рук. Глаза Томмази расширились — он был уверен, что сейчас испустит последний вздох. Но Эван окликнул жену:

— Бьянка, скажи ему, что я не стану убивать его. Я сделаю так, как ты просишь: отведу к твоему отцу, чтобы он передал его в руки властей.

Бьянка решительно приблизилась к Стефано и сообщила ему, что он будет наказан за убийство по приговору суда.

Художник в изумлении уставился на внушающего ужас бородатого незнакомца. И вдруг, запрокинув голову, расхохотался:

— У вас нет доказательств! Нет никаких доказательств. Меня освободят!

Краем глаза Бьянка уловила какое-то движение на балконе. В следующее мгновение Аллегра бросила вниз горшок с цветком. И тотчас же раздался глухой удар — тяжелый керамический сосуд снес Стефано полчерепа. Когда художник рухнул у стены, он уже был мертв. Ошеломленный произошедшим, Эван оцепенел. Бьянка, подбежав к нему, схватила его за руку и оттащила в сторону.

— Должно быть, Аллегра услышала его признание, — прошептала она.

— Да, наверное, — кивнул Эван. Он поднял голову, но на балконе уже никого не было.

И тут из боковой двери вышла Аллегра; она все еще была в ночной рубашке. Следом за хозяйкой шли служанка и дворецкий, тоже только что вставшие с постели.

— Он мертв? — Аллегра взглянула на Стефано, лежавшего в луже крови.

Бьянка, вздрогнув от отвращения, ответила:

— Да, несомненно.

— Он не должен был жить, если Чарльз мертв, — сказала Аллегра. — А вам нужно уходить, мы сами обо всем позаботимся. Скажем, что это несчастный случай. Меня разбудил шум под окном, я вышла на балкон, чтобы посмотреть, что происходит, и в темноте нечаянно столкнула тяжелый цветочный горшок...

Эван сжал руку Бьянки, давая понять, что ничего не понял, и она перевела ему слова Аллегры.

— Значит, ей ничего не грозит? — спросил Эван.

— Не беспокойся. Слуги, безусловно, подтвердят ее слова. И кроме того, ей ведь покровительствует дож. Не сомневаюсь: смерть Стефано объявят несчастным случаем.

— Тебе лучше предупредить ее насчет служанки, — напомнил Эван.

Бьянка отвела Аллегру в сторону и шепотом сообщила, что Терезе нельзя доверять. Аллегра улыбнулась и кивнула. Взглянув на Эвана, она спросила, почему он хотел покарать убийцу. Когда Бьянка объяснила, что Эван — брат Чарльза, Аллегра подошла к нему и поцеловала его в щеку. Затем, вернувшись к слугам, принялась отдавать распоряжения, и Эван понял, что она сама все уладит. Он повернулся к жене:

— Я действительно хотел, чтобы его судили за убийство, Бьянка.

— Я знаю и благодарна тебе за это. Пойдем, я очень устала... И хочу сейчас лишь одного — вернуться на «Аврору», заснуть и забыть этот кошмар.

Эван не возражал. Он тоже ужасно устал, но мысль о том, что Бьянка будет рядом с ним в постели, придавала ему сил. Он быстро направил лодку к лагуне, и вскоре они уже всходили на борт «Авроры». Эван положил узел с вещами на койку. Бьянка сбросила накидку и села на стул, чтобы снять туфельки.

— А нельзя ли сейчас согреть воду для ванны? — спросила она.

— Конечно, я позабочусь об этом, — кивнул Эван, подумав, что и сам не прочь искупаться.

Но не успел он дойти до двери, как кто-то начал отчаянно колотить в нее. Эван повернулся к жене, уверенный в том, что планы Аллегры сорвались и их сейчас арестуют за убийство. Не собираясь добровольно сдаваться, он вытащил из-за пояса нож и, распахнув дверь, увидел перед собой мужчину с сединой в волосах. Не глядя на Эвана, Франческо Антонелли обратился к дочери:

— У нее роды... Очень сложные роды, и твоя мать хочет, чтобы ты была рядом с ней.

— Конечно, я сейчас! — Бьянка сунула ноги в туфли и, схватив накидку, сказала Эвану, что уходит с отцом.

— Я с вами, — заявил тот.

Сидя в гондоле, Эван улыбался сидевшему напротив Франческо, но венецианец молча отвернулся, словно его мутило от одного вида Эвана.

— Ты имеешь какое-нибудь представление о том, как рождаются дети? — спросил Эван у жены.

Бьянка покачала головой:

— Нет, но я знаю, что мое присутствие поможет маме, и я с радостью побуду с ней.

— Да, конечно, — кивнул Эван.

Когда они добрались до дворца, Бьянка тотчас ушла в комнату матери. Эван же в растерянности озибался.

— Следуйте за мной, — неожиданно произнес по-английски Франческо, и Эван последовал за ним в кабинет, где тот открыл шкаф и достал бутылку бренди и две рюмки. — Полагаю, нам с вами следует поговорить.

Эван опустил в кресло, надеясь, что не заснет во время разговора. Стараясь щадить чувства Франческо, он спросил:

— Ваша жена сказала вам, что мы с ней виделись? Она прелестная женщина, и мне очень жаль, что ей сейчас так трудно. Рождение Бьянки тоже было сложным для нее?

Франческо передал Эвану рюмку с бренди и сел напротив.

— Моя жена уже не очень молода, мистер Синклер, поэтому роды тяжелые. Вы отняли у меня дочь. Теперь, судя по всему, Господь может забрать у меня и жену.

Эван сделал глоток бренди и почувствовал, как тепло разливается по всему телу. Понимая, что Кэтрин сейчас ничем нельзя помочь, он решил поговорить о деле, чрезвычайно важном для него.

— Сейчас уже слишком поздно просить прощения за то, что я увел из вашего дома дочь, но все же надеюсь: после того как пройдут крестины вашего ребенка, мы сможем устроить наше с Бьянкой венчание, на котором вы с женой сможете присутствовать.

Франческо не успел ответить — неожиданно дверь отворилась, и в комнату заглянул Марко Кьяни. Увидев Эвана, он в смущении пробормотал:

— Простите, я не знал...

Франческо, пригласив молодого человека в кабинет, указал рюмкой на Эвана и сказал:

— Этот негодяй имеет наглость просить у меня разрешения жениться на Бьянке. Что ты думаешь о его манерах?

Бьянка, заставшая Рафаэлла в комнате матери, сразу же поняла: кухня так напугана, что от нее мало толку. Однако появление дочери успокоило Кэтрин и придало ей сил.

Повитуха же оказалась опытной и хладнокровной, и Кэтрин изо всех сил старалась следовать ее советам и тужиться при каждой схватке. Но схватки стали слишком частыми, слезы катились по щекам роженицы, и она судорожно хватала ртом воздух. Взглянув на дочь, Кэтрин пожалела, что попросила ее присутствовать при этих муках.

— Прости меня, — прошептала она.

— Вам нет нужды извиняться, синьора, ведь вы такая отважная женщина, — улыбнулась повитуха. — Потерпите, давайте-ка постарайтесь как следует на этот раз...

При очередной схватке Кэтрин с такой силой сжала руку дочери, что та чуть не

закричала от боли. А в следующее мгновение Бьянка увидела младенца. Ребенок тотчас же заплакал, а повитуха радостно воскликнула:

— У вас сын, синьора, замечательный мальчик! Я сейчас обмою его и дам вам поддержать.

— Папа будет в восторге, — улыбнулась Бьянка; она подумала о том, что уж теперь-то счастливый отец, возможно, простит их с Эваном.

Несколько минут спустя Бьянка спустилась в кабинет отца, где Франческо и Марко, затаив дыхание, слушали рассказ Эвана о деле чести, которое привело его в Венецию. Все трое повернулись и, увидев сияющую Бьянку, сразу поняли: у нее хорошие новости.

— У тебя сын, папа, замечательный мальчик! А мама, хотя и очень устала, чувствует себя прекрасно.

Эван и Марко с восторженными криками стали подталкивать Франческо к двери. Тот подошел к дочери и нежно обнял ее.

— Спасибо, что пришла помочь матери. После того, как я обошелся с тобой...

Бьянка поцеловала отца и прижала палец к его губам.

— Иди наверх и посмотри на сына. Мы еще успеем все обсудить.

Франческо обернулся и, с улыбкой взглянув на Эвана, проговорил:

— Можешь еще раз жениться на Бьянке, если хочешь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

---

notes

Примечания

Дож — титул главы Венецианской и Генуэзской республик. — Здесь и далее примеч. пер.

Кеч — двухмачтовое парусное судно водоизмещением 100–250 тонн.